

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 3
ВЫПУСК 1

2020

ISSN 2686-7419

**Типология морфосинтаксических параметров
том 3, выпуск 1**

Издаётся с 2018 года

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<http://tmp.sc/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2020

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020

Pushkin State Russian Language Institute

T Y P O L O G Y O F M O R P H O S Y N T A C T I C P A R A M E T E R S

VOLUME 3
ISSUE 1

2020

ISSN 2686-7419

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 3, issue 1

First published in 2018

The journal is published 2 times a year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<http://tmp.sc/>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2020

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте МПГУ](#)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D., профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

https://linguistics.stonybrook.edu/people/_bios/_linguistics-faculty/john-bailyn.php

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Яцек Виткощ —

Ph.D., профессор университета г. Познань, Польша

<http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos Jacek>

Анастасия Алексеевна Герасимова —

аспирантка кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Атле Грённ —

Ph.D., профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://folk.uio.no/atleg/>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D., доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Мария Полинская —

Ph.D., профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

доктор филологических наук, заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on the Moscow Pedagogical State University Website](https://www.moscowpedagogicalstateuniversity.ru)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](https://www.ling.ras.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

data engineer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D., professor at the Stony Brook University, New York, USA

https://linguistics.stonybrook.edu/people/_bios/_linguistics-faculty/john-bailyn.php

Oleg I. Belyaev —

Ph.D., senior lecturer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Jacek Witkoś —

Ph.D., professor at the Poznań University, Poland

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Anastasia A. Gerasimova —

Ph.D. student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Atle Grønn —

Ph.D., professor at the Oslo University, Norway

<https://folk.uio.no/atleg/>

Nerea Madariaga —

Ph.D., professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Maria Polinsky —

Ph.D., professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrei V. Sideltsev —

Dr. Phil. Hab., deputy director of the Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Д. Ахмеджанова</i> Двойные формы причастий прошедшего времени в сицилийских диалектах	11
<i>Ф. В. Байков</i> Падеж плавающих определителей в инфинитивных клаузах в русском языке: конфигурационный анализ.....	34
<i>Е. А. Лютикова, А. В. Сидельцев</i> К типологии лично-падежных ограничений: данные хеттского языка.....	57
<i>Т. А. Майсак</i> Выбор клитики в зависимости от видо-временной формы предиката: данные андийского языка.....	77
<i>А. Д. Ногина</i> Типология маркирования именного числа в конструкции с числительными	95
<i>В. А. Поцелуев</i> Явления союза клауз на материале казымского диалекта хантыйского языка.....	114
<i>К. А. Студеникина</i> О природе эффекта превосходства в русском языке: синтаксические роли или с-командование	131

CONTENTS

Kamila Akhmedjanova

Double past participle forms in the Sicilian Dialects..... 11

Fyodor Baykov

Case on floating quantifiers in Russian infinitival clauses:
A configurational analysis..... 34

Ekaterina Lyutikova, Andrey Sideltsev

Towards the typology of person case constraint: Evidence from Hittite..... 57

Timur Maisak

The choice of a clitic can be driven by
the tense-aspect form of the predicate: Evidence from Andi..... 77

Alexandra Nogina

Marking number in constructions with numerals: A typological study..... 95

Vsevolod Potseluev

Clause union in Kazym Khanty 114

Kseniia Studenikina

On the nature of the superiority effect in Russian:
Grammatical relations or c-command 131

ДВОЙНЫЕ ФОРМЫ ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СИЦИЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

К. Д. Ахмеджанова
Оксфордский университет

В данной работе изучается феномен двойных форм причастий прошедшего времени (образованных от определенных глаголов) в сицилийских диалектах. Статья начинается с определения причастия прошедшего времени. Далее предпринимается попытка изучить данное явление в других романских языках. Затем следует анализ результатов, собранных из современных литературных источников. В последней части данной статьи я анализирую результаты, полученные в ходе моей работы с носителями сицилийских диалектов. Участники моего эксперимента должны были перевести 52 предложения, в которых присутствуют причастия прошедшего времени, выполняющие различные функции, со стандартного итальянского на свой родной диалект.

Ключевые слова: морфология, причастие прошедшего времени, сицилийский диалект, синтаксис, части речи.

DOUBLE PAST PARTICIPLE FORMS IN THE SICILIAN DIALECTS

Kamila Akhmedjanova
University of Oxford

This work sets out to explore the phenomenon of double past participle forms exhibited by certain verbs across the Sicilian dialects. It starts with the definition of the past participial class. It then attempts an overview of this phenomenon in various Romance varieties and moves to the analysis of the phenomenon of the past participial doublets in selected modern literary sources. The final part provides discussion of the second part of my data collection, in which I asked some native speakers of various Sicilian dialects to translate 52 sentences containing past participle (used in different functions) in standard Italian into their linguistic varieties.

Keywords: Italian, morphology, past participle, Sicilian dialect, syntax, lexical class.

1. Introduction

1.1. Past participle: definition and different functions

This work explores the phenomenon of the past participial doublets in the Sicilian dialects, i.e. a situation when a single verb demonstrates different past participle forms in different contexts. In this case one form is usually rhizotonic (with the stress falling on the stem) and the other is arrhizotonic (with the stress falling on the suffix). Later in this work I provide an analysis of the distributional patterns that can be extracted from the selected literary sources and from native speakers' judgements.

It is important to define past participle as a grammatical category first, showing how its properties make such a split possible in the first place. In *The Oxford Dictionary of English Grammar* it is defined as “the form of a verb which is used in passive and perfect constructions, and sometimes in front of nouns” [Aarts et al. (eds.) 2014: 297]. However, it is not clear whether we can actually call it a verb, as it contains numerous adjectival characteristics. This is especially evident in the Italo-Romance varieties — in some cases past participle still agrees in number and gender with its governing subject (thus behaving almost identically to adjectives), while in others (as in the PPTF, i.e. periphrastic perfect tense forms) the form tends to stay invariable. Furthermore, there have also been important diachronic changes in the role carried out by the past participle. Original Latin past participle's ‘stative’ meaning which defined it as a verbal adjective no longer applies now, but the form itself persists and forms the basis of the regular Romance past participle.

The development of the Romance varieties has been marked by general trend of moving from the synthetic verb forms (where syntactic functions are expressed by inflection or by agglutination) towards the analytic ones (where syntactic and lexical meanings are carried out by different words within the same construction). This trend is parallel to the development of verbal characteristics of the Romance past participles, since they became part of the newly formed analytic tenses (such as *passato prossimo* in Italian).

In the majority of the Romance varieties the form of past participle used in the periphrastic perfect tense forms, passive and predicative functions is iden-

tical¹. When two past participle forms of the same verb exist, they are often simply equivalent variants used for the same functional purpose. In her study of some past participial doublets encountered in standard Italian Thornton (2011) found very little syntactic or semantic grounding behind the choice between *perso/perduto* and *sepolto/seppellito*, which means that these forms are examples of overabundance — “a non-canonical situation in which certain lexemes exhibit cell-mates, i.e. more than one inflected form to fill one and the same cell of their paradigm (realize the same set of morpho-syntactic features)” [Thornton 2011: 1].

When functional split does arise, the normal expectation is to find one form used in the verbal function and the other in the adjectival function, as it happens in Spanish. Very rarely this split occurs between the PPTF and passive/predicative usages of the past participle — situation observed in the case of certain Portuguese verbs [Thomas 2018]. There are, therefore, three main patterns that have been identified so far, and the question of which group Sicilian belongs to remains open.

The difficulty of identifying patterns in the distribution of the Sicilian past participial doublets is further increased by the fact that it is impossible to refer to the Sicilian dialect as a homogeneous entity, as there is considerable dialectal variation across the island (hence the usage of ‘Sicilian dialects’ in the title of this work). This variation is found in the functional distribution of past participial doublets as well.

1.2. Past participle — a verb or an adjective?

I therefore argue that it is precisely this dual nature of the past participial class that has been one of the causes for the emergence of the past participial doublets cross-linguistically. In Russian, for example, the participle not only possesses regular verbal categories of voice, tense and aspect, but also the adjectival ones of case, number and gender agreement [Beck, Horn 2002: 34]. The same can be said of Italian where in certain cases agreement of the past parti-

¹ It is difficult to draw a rigid line between predicative and passive functions, but I mainly relied on the notion of agentivity and its more prominent presence in the passive structures. In the predicative ones, on the other hand, the participle’s function is very similar to the one of adjectives (in predicative, rather than attributive contexts), describing the state of an object.

ciple in gender and number is compulsory and in others not (refer to Maiden [1995] for a detailed summary of the history of the past participial agreement). The agreement is obligatory when the past participle carries passive and predicative functions and is optional when it is found as part of the *passato prossimo* construction. However, in some cases the agreement is compulsory even in the latter function. I therefore argue that it is impossible to ‘allocate’ past participles to a single word class. Secondly, I argue that, apart from the verbal and adjectival characteristics, past participles demonstrate other syntactic sub-functions.

During the development of Romance languages, there has been a general tendency towards regularization of the arrhizotonic past participle forms. Some older, rhizotonic ones thus remained in the linguistic repertoire as clear-cut adjectives: French *coi*, Spanish *quedo* ‘quiet, still’ < *quiētu* ‘rested’ [Laurent 1999: 355]. Furthermore, Laurent [1999] notes that there are some short past participle in Portuguese and Italian dialects that resemble adjectives or (if found in the masculine singular form) 1st person singular present indicative verb forms, which “may therefore be identified as a long-standing morphological conflation of (masc.sg.) 2nd-decl. adjective and (masc.sg.) past participle, here realized as identity of form” [Laurent 1999: 356].

Beard [1988] proposed syntactic test that allows distinguishing between adjectives and past participles in English:

Table 1. Adjectives vs. Past Participles (based on the classification by Beard [1988])

Adjectives	<ol style="list-style-type: none"> 1. They have comparative and superlative forms and can be nominalized 2. They are lexically derived
Past Participles	<ol style="list-style-type: none"> 1. They are incompatible with the adjectival prefix <i>un-</i> and adjectival intensifiers (i.e. <i>very</i>) 2. They are inflectional derivations

Such a method, however, works well only when the analysed adjectives and past participle have the same form.

2. Double past participle forms in Portuguese and Spanish

An observation important for this dissertation made by Maiden [2013] concerns the instances of morphological change that affect past participle forms. He first says that if the morphological change takes place, then it tends to affect the past participle in all cases in which it is encountered. Secondly, if mor-

phological change causes a ‘split’ between new and old forms, then it rarely reflects the difference between passive and PPTF functions, but most commonly reflects the opposition between verbal uses of the past participle on the one hand and derived nominal and adjectival uses of the past participle (which display some extent of semantic unity among themselves) on the other hand.

However, it has been shown that Portuguese stands out from other Romance varieties in the way it distributes the usage of double past participle forms. The ‘split’ in the usage of short as opposed to long past participle forms in Portuguese (unlike in other Romance varieties where the split seems to lie along the line of verbal versus adjectival uses) is conditioned by passive versus active contexts [Thomas 2018]. A small group of verbs has developed (or has retained) a short rhizotonic form of the past participle, which is used in the passive context, alongside the arrhizotonic form that is associated with the periphrastic tense forms [Loporcaro et al. 2004]. However, in the first conjugation (verbs in *-ado*) it is the short form that is an innovation, not the long one. This is confirmed in Thomas [2018], where the data obtained for Portuguese demonstrates that the long past participle form is more acceptable in active contexts than in passive contexts, while overall still being less accepted than the short form. Furthermore, some verbs (all *-er* verbs) whose short form is used in passive contexts show even greater usage of the long form in the active context.

There is a further preference for the short forms when the auxiliary *ser* ‘be’ is used, so it can be hypothesized that, diachronically speaking, all verbs in Portuguese demonstrated the pattern in which the long form (where it existed) was limited to the usage after the auxiliary *ter* ‘have’, while the short past participle form was used in the contexts with the auxiliary *ser* (this is now exemplified by the verbs, such as *aceitar* ‘to accept’, *acender* ‘to light’, *limpar* ‘to clean’, *matar* ‘to kill’, *suspender* ‘to suspend’). On the other hand, for some other forms this distributional pattern no longer applies. Thus, some *-ar* verbs, such as *gastar* ‘to spend’, *pagar* ‘to pay’, *entregar* ‘to deliver’, only showed such clear preference for the long form used in the context with the auxiliary *ter* in the past, but now prefer the short form in this context. The change seems to have taken place around 1400s–1600s [Thomas 2018].

Spanish shows a trend similar to Portuguese, since there also exist past participle forms that are known as ‘truncated’, which should be regarded as parallel to the Portuguese short forms. The Real Academia Española recognizes the existence of such doublets in the earlier stages of the language’s development,

noting that in the synchronic language the truncated forms function purely as adjectives [Thomas 2018: 100]. These forms in Spanish are also known as ‘perfective adjectives’ [Gibert Sotelo 2018: 237]. It is highly debatable whether they can be classified as participles at all, since Gibert Sotelo describes them as “stative participles”, which show “different morphophonology with respect to the one displayed by verbal past participles” (ibid.):

- (1) *El vaso está lleno.* Perfective adjective
 the glass be.3SG.PRES fill.SHPP
 ‘The glass is full.’
- (2) *El vaso ha sido llenado.* Verbal past participle
 the glass have.3SG.PRES be.PP fill.LGPP
 ‘The glass has been filled.’

However, the difference between Spanish and Portuguese is striking, if the following example is considered: for a Portuguese verb that is known to have two past participle forms (*acender* ‘light/turn on’) the expected pattern would be to find the short past participle form in the contexts where it occurs with an auxiliary verb ‘be’, while the long past participle form would only be expected in the situations where it is used with the auxiliary ‘have’, referred to as a ‘perfect verbal participle’ by Gibert Sotelo. In Spanish, on the other hand, the pattern is completely different, with the long form occurring in all verbal contexts. Therefore, in Spanish the short past participle form is indeed associated with the adjectival function, while the long form clearly demonstrates verbal function. The majority of Romance varieties behave similarly to Spanish in their treatment of the past participle forms, with the distribution of long and short past participle forms lying alongside the verbal-adjectival axis.

Occasionally one can encounter verbs that do not follow the general distributional trends. For example, in Latin American Spanish the verb *matar* ‘to kill’ displays a split between forms of the past participle used in passive and active contexts, thus marking a voice distinction in the participial form. Thus, in the active context the regular past participle form *matado* is used, while the irregular participle (which is suppletively borrowed from *morir* ‘to die’) is employed in the passive contexts (this distribution applies when referents are human). Therefore, even in languages that do not normally display a split between active and passive usage of the past participle, one can find the opposite examples.

3. Past participial doublets in the modern sources

3.1. Data collection from the literary sources

In this work I undertook analysis of selected textual corpora in order to test whether the choice of short versus long past participle forms has a specific pattern in the Sicilian dialect. A subset of fourteen verbs encountered in the Sicilian dialects and known to exhibit two past participle forms was selected and searched for in the selected texts: *aprire*, *chiudere*, *dividere*, *vincere*, *rompere*, *vedere*, *perdere*, *cogliere*, *morire*, *mettere*, *leggere*, *scrivere*, *confondere*, *piangere* (see Table 2). For this purpose, Giuseppe Pitrè's *Fiabe, novelle e racconti popolari siciliani* was consulted, as well as *Canti popolari siciliani* by the same author, alongside other literary sources from the late 19th and from the 20th centuries. An extract of the data collection for the past participial doublet of *aprire* is shown in Figure 1.

Table 2. Summary of the analysis of literary sources

Verb (in Italian)	Modern	
	Short form	Long form
<i>aprire</i>	<i>apertu</i> Pred. — 5; PPTF — 1	<i>graputu</i> Pred. — 1; PPTF — 8
<i>chiudere</i>	<i>chiusu</i> Pred. — 6; PPTF — 0	<i>chiudutu</i> Pred. — 1; PPTF — 2
<i>dividere</i>	<i>divisu</i> Pred. — 3; PPTF — 0	<i>dividutu</i> Pred. — 0; PPTF — 1
<i>vincere</i>	<i>vintu</i> Pred. — 1; PPTF — 0; Passive — 1	<i>vinciutu</i> Pred. — 0; PPTF — 6; Passive — 0
<i>rompere</i>	<i>ruttu</i> Pred. — 3; PPTF — 1; Passive — 1	<i>rumputu</i> Pred. — 0; PPTF — 2; Passive — 0
<i>vedere</i>	<i>vistu</i> Pred. — 1; PPTF — 18; Passive — 3	<i>vidutu</i> Pred. — 0; PPTF — 6; Passive — 1
<i>perdere</i>	<i>persu</i> Pred. — 7; PPTF — 5; Passive — 0	<i>pirdutu</i> Pred. — 3; PPTF — 8; Passive — 3
<i>cogliere</i>	<i>cotu/cortu</i> Pred. — 1; PPTF — 0	<i>cugghiutu</i> Pred. — 5; PPTF — 2
<i>morire</i>	<i>mortu</i> Pred. — 11; PPTF — 6	<i>murutu</i> Pred. — 0; PPTF — 15
<i>mettere</i>	<i>misu/missu</i> Pred. — 6; PPTF — 67; Passive — 15	<i>mittutu</i> Pred. — 0; PPTF — 3; Passive — 0
<i>leggere</i>	<i>lettu</i> Pred. — 0; PPTF — 1	<i>liggiutu</i> Pred. — 1; PPTF — 8
<i>scrivere</i>	<i>scrittu</i> Pred. — 2; PPTF — 5; Passive — 3	<i>scrivutu</i> Pred. — 0; PPTF — 3; Passive — 0
<i>confondere</i>	<i>cunfusu</i> Pred. — 4; PPTF — 0	<i>cunfunnutu</i> Pred. — 4; PPTF — 1
<i>piangere</i>	<i>chiantu</i> Pred. — 0; PPTF — 1; Passive — 0	<i>chianciutu</i> Pred. — 1; PPTF — 4; Passive — 2

Verb (in standard Italian)	Short PP form	Example	Function of PP in the example	Long PP form	Example	Function of PP in the example
aprire	apertu	mi aviti a fari la finizza d'arriparàrinni tanticchia 'nta la vostra casa, a ca chiovi a celu apertu (Giuseppe Pitрэ <i>Fiabe, novelle e racconti popolari siciliani</i> , vol.4; Termini-Imerese)	Pred.	graputu	'N vidennu chistu, cci hannu graputu 'na finestra pi vidiri chi facià (Giuseppe Pitрэ <i>Fiabe, novelle e racconti popolari siciliani</i> , vol. 3; Palermo)	PPTF
		Accussi hannu apertu la scacchèra e s'hannu misu a jucari (Giuseppe Pitрэ <i>Fiabe, novelle e racconti popolari siciliani</i> , vol. 1; Palermo)	PPTF		L'uocchi iddu ancora nun l'avía graputu , e pirciò si cri día ca era ni la sò casa e ni lu liettu cu sò mughieri (Giuseppe Pitрэ <i>Fiabe, novelle e racconti popolari siciliani</i> , vol. 3; Cerda)	PPTF
		Cc'è un purtuni: si lu trovi apertu nun tràsiri; si lu trovi chiusu, ammutta e trasi (Giuseppe Pitрэ <i>Fiabe, novelle e racconti popolari siciliani</i> , vol. 1; Palermo)	Pred.		Signuri patruni, v'haju a diri ca st'omu e sta donna hannu tiratu un cavuliceddu e v'hannu graputu la porta di lu suttirranu. (Giuseppe Pitрэ <i>Fiabe, novelle e racconti popolari siciliani</i> , vol. 1; Palermo)	PPTF

Figure 1. Extract from the data collection from the modern literary sources (screenshot)

The advantage of using Pitрэ's collection of short stories is the fact that each of them has a clear reference indicating which particular area of Sicily it comes from. Therefore, it is possible to obtain a general sense of the pattern emerging from different Sicilian dialects. But there is still room for future research that would attempt analysis of the double past participles in each Sicilian dialect separately in order to then undertake comparative overview. The main findings are shown in Table 14.

Despite the fact that in the modern literary data the situation of the coexistence of past participial doublets is not rare, it is still very difficult to draw a clear-cut defining line between the uses of short and long past participle forms.

In order to attempt a more nuanced description of this pattern, I therefore assigned every instance of the participial usage in the texts studied to one of the three categories — whether in any given instance is it used in the predicative, PPTF or passive function. The general pattern that emerged from this study is that there is a tendency in modern literary data to use long arrhizotonic forms in the PPTF function ('more verbal' function) and use short rhizotonic forms in the predicative function ('more adjectival' function).

The very general observation that can be made after the analysis of the distribution of the two forms in modern Sicilian literary sources supports the verbal-adjectival split between the two forms of the past participle, with some instances of the passive-PPTF split. For the majority of past participial doublets the long arrhizotonic form is preferred in the PPTF function: *apertu* (1) — *graputu* (8), *chiusu* (0) — *chiudutu* (2), *divisu* (0) — *dividutu* (1), *vintu* (0) — *vinciutu* (6), *ruttu* (1) — *rumputu* (2), *persu* (5) — *pirdutu* (8), *cotu* (0) — *cugghiutu* (2), *mortu* (6) — *murutu* (15), *lettu* (1) — *liggiutu* (8), *cunfusu* (0) — *cunfunnutu* (1), *chiantu* (1) — *chianciutu* (4). The only pair where both forms are also attested in the *Artesia* corpus (*persu* — *pirdutu*) displays the same trend: *persu* is used in the PPTF function only once, while *pirdutu* is used in the PPTF function 14 times.

The only exceptions are *vistu* — *vidutu*, *misu/missu* — *mittutu* and *scrittu* — *scrivutu*. *Vistu* is used in the PPTF function 18 times, while the long arrhizotonic form *vidutu* is used in the PPTF function only 6 times, *misu/missu* is used in the PPTF function 67 times, while *mittutu* only 3, and *scrittu* is used in the PPTF function 5 times and *scrivutu* is used in the PPTF function 3 times.

However, the short rhizotonic forms, despite in these cases being preferred in the PPTF function, are also preferred in the predicative function — thus, *vistu* is used in the predicative function once, while *vidutu/vistutu* is not used in the predicative function at all (within the examined texts), *misu/missu* is used in the predicative function 6 times, while *mittutu* is not used in the predicative function at all, finally, *scrittu* is used in the predicative function 2 times, while *scrivutu* is again not used in the predicative function at all. Therefore, even despite being used in the verbal PPTF function more often than the long arrhizotonic form, the short rhizotonic form also retains its adjectival nature.

In the majority of other doublets the short form is more often used in the predicative function as well: *apertu* (5) — *graputu* (1), *chiusu* (6) — *chiudutu* (1), *divisu* (3) — *dividutu* (0), *vintu* (1) — *vinciutu* (0), *ruttu* (3) — *rumputu* (0), *persu* (7) — *pirdutu* (3), *mortu* (11) — *murutu* (0). Again, this is not an exceptionless

rule, since in some doublets it is the long arrhizotonic form that is being used in the predicative function more often than the short rhizotonic one: *cotu* (1) — *cugghiutu* (5), *lettu* (0) — *liggiutu* (1), *chiantu* (0) — *chianciutu* (1). There is also one doublet in which both forms are equally often encountered in both functions: *cunfusu* (4) — *cunfunnutu* (4). However, the difference between no occurrence and one occurrence is not substantial enough to form the counter-claim to the general tendency of the short form being more preferred in the predicative function. This has to be explored further, probably making use of a wider range of modern literary sources.

Another issue that was encountered during data collection from the literary sources was the scarce presence of passive constructions, which rendered the task of judging the distribution of the two participial forms more difficult. For the majority of the verbs for which past participle's passive usage was found, the preference for the PP form aligned with the preference for the PP form in the predicative — this includes five short past participle forms (*vintu*, *ruttu*, *vistu*, *scrittu*, *missu*) and one long past participle form (*chianciutu*), which were all also preferred in the predicative in their respective doublets. However, the short rhizotonic form *vistu* was also preferred in the PPTF function, thus possibly signifying that it is simply a more common form. In the cases of *vintu* and *ruttu* the observed pattern suggests certain split, where the short rhizotonic form is preferred in the predicative and passive, while the long form is preferred in the PPTF. However, in the case of the Sicilian version of *perdere*, unlike in the predicative function, the long arrhizotonic form *pirdutu* was found to be preferred in the passive alongside the PPTF function.

Modern literary sources show that the past participle form chosen in the passive function in the Sicilian dialects is sometimes different to the one chosen in the PPTF, thus suggesting the existence of the PPTF-passive split. Out of 7 verbs for which there were found attestations of the PP's passive usage 2 showed PPTF-passive split: *vincere* and *rompere*. In the case of other 5 verbs for which there were found attestations of passive usage the choice of the PP was the same in the PPTF and passive: *vedere*, *perdere*, *mettere*, *scrivere*, *piangere*.

Furthermore, 10 verbs out of 14 showed the trend according to which forms chosen in the PPTF and predicative are different, and 4 verbs showed the preference towards one form in both PPTF and predicative functions. However, sometimes the difference in number of instances is not substantial enough and, furthermore, there is still not enough data to arrive to any solid conclusion about this issue.

The general preferences of the form in particular functions from the analysed data are presented in Figures 2, 3 and 4.

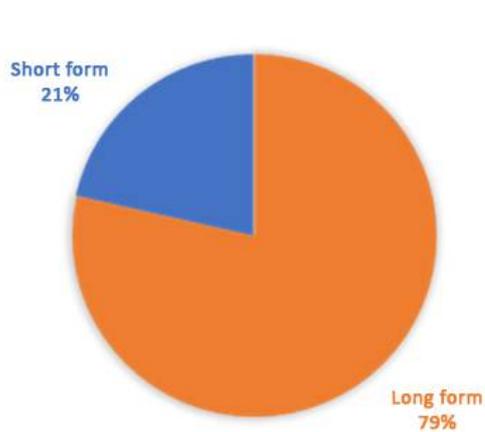

Figure 2. Preference of the past participial form in the PPTF function (based on the analysis of the literary sources)

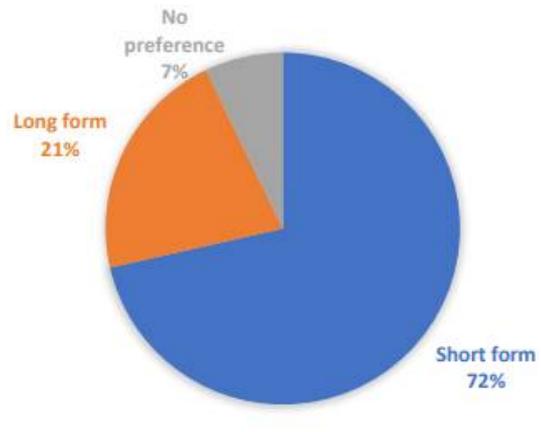

Figure 3. Preference of the past participial form in the predicative function (based on the analysis of the literary sources)

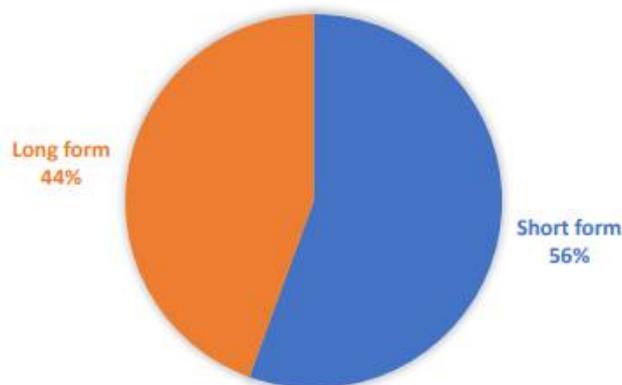

Figure 4. Preference of the PP form in the passive function (based on the analysis of the literary sources)

3.2. Analysis of the native speakers' judgements

Upon completion of the analysis of the available written sources, a decision was made to expand this study to the current usage by native speakers. In order to achieve this goal, a questionnaire was composed which included 52 sentences written in standard Italian and containing a past participle of one of the selected verbs (12 out of 14 original verbs were selected). The participants were then asked to translate these sentences to their local Sicilian variety. The criteria for choosing the speakers were the following: 1) every participant has to be a native speaker of any Sicilian dialect (but he/she has to indicate which

particular variety he speaks in the beginning of the questionnaire), 2) every participant has to be over 20 year old to comply with the ethics regulations required by the University of Oxford.

One of the issues that have been encountered during the questionnaire circulation and completion, is the general reluctance of southern Italian dialects' speakers to use such forms as *passato prossimo*. However, it was crucial to ensure that when translating these sentences speakers used the same forms as the ones used in standard Italian — therefore, if a sentence contained *passato prossimo* in standard Italian, *passato prossimo* had to be used in the translation, and if a sentence contained *trapassato prossimo* in the standard Italian version, *trapassato prossimo* had to be used in the Sicilian translation. Upon the completion of the questionnaire by the first four participants, however, it became clear that the usage of *passato prossimo* seems so unnatural to the native speakers of the Sicilian dialects that it might have a negative impact on the quality of my research. Therefore, the decision was made to modify the questionnaire and to turn all instances of *passato prossimo* into the *trapassato prossimo*, which is much more widespread across Sicily.

Therefore, the first four participants filled in the Type 1 Questionnaire, while the rest twelve participants filled in the Type 2 Questionnaire (not all of them will be discussed in the current work). They were unused to writing in the dialect, however this did not affect their ability to distinguish different forms of the past participle. The below analysis is structured according to the particular Sicilian dialect each completed questionnaire is written in. In the case of Type 1 Questionnaire, participants translated 52 sentences from standard Italian to their own Sicilian dialect, including the ones spoken in Catania (1 participant), in Siracusa (1 participant) and in Trapani (2 participants). However, for reasons of space I will not discuss the results obtained for the dialect of Trapani and will instead look at the results obtained from two participants from Acireale and Monti Nebrodi who filled in the Type 2 Questionnaire.

Verbs that are known to exhibit past participial doublets in the Sicilian dialects were selected based on the analysis of the written sources above. In the analysis below I refer to them with their standard Italian name, since there is a lot of local variation.

Table 3. Summary of the past participial forms encountered in the questionnaires

Standard Italian infinitive form	Sicilian variants of the infinitive form	Long arrhizotonic past participle forms	Short rhizotonic past participle forms
<i>aprire</i>	<i>ap̄riri, gr̄ap̄iri, īap̄riri, r̄ap̄iri</i>	<i>grap̄ùtu, iap̄r̄ùtu, rap̄ùtu, apr̄ùtu</i>	<i>ap̄èrtu, ap̄èttu, ap̄ièrtu</i>
<i>chiudere</i>	<i>chiùdiri, chiùiri, chiùiriri, ciùiriri</i>	<i>chiudùtu, chiuùùtu, chiurùtu</i>	<i>chiùsu, ciùsu</i>
<i>dividere</i>	<i>divìdiri</i>	<i>dividùtu</i>	<i>divìsu</i>
<i>vincere</i>	<i>vìnciri</i>	<i>vinciùtu</i>	<i>vìntu</i>
<i>rompere</i>	<i>rùm̄piri / rump̄iri, rùpp̄iri</i>	<i>rump̄ùtu, rupp̄ùtu</i>	<i>rùttu</i>
<i>vedere</i>	<i>vìriri</i>	<i>vir̄ùtu, vist̄ùtu</i>	<i>vìstu</i>
<i>perdere</i>	<i>pèrd̄iri</i>	<i>pir̄d̄ùtu, pid̄d̄ùtu</i>	<i>pèrsu, pèssu, pièrsu</i>
<i>morire</i>	<i>mòriri / mur̄iri</i>	<i>mur̄ùtu</i>	<i>mòrtu, mòttu, muòrtu</i>
<i>leggere</i>	<i>lègghiri / lègḡiri</i>	<i>ligghiùtu, ligḡiùtu</i>	<i>lèttu</i>
<i>scrivere</i>	<i>scriv̄iri</i>	<i>scriv̄ùtu</i>	<i>scrìttu</i>
<i>confondere</i>	<i>cunf̄unn̄iri</i>	<i>cunf̄unn̄ùtu</i>	<i>cunf̄ùsu</i>
<i>piangere</i>	<i>chiànḡiri / chiànc̄iri / ciànc̄iri</i>	<i>chiangiùtu, chianciùtu, cianciùtu</i>	<i>chiàntu, ciàntu</i>

3.2.1. The dialect of Catania

I will begin with the analysis of the results coming from the dialect of Catania, which is a relatively big city that attracts people from different parts of Sicily. Two participants from Catania answered the Type 1 Questionnaire. More precisely, these participants come from a village close to Catania, but were educated in the city itself. It is important to note that the dialect of Catania is not linguistically homogeneous.

Translations of two participants are compared within each sub-section. For the reasons of clarity, I call them Participant 1 and Participant 2.

The table 4 below provides a summary of the verbs for which both Participants used only one PP form. Respective examples are then provided for each verb separately as an illustration. In the case of subsequent dialects this step will be omitted.

Table 4. Verbs that demonstrated single past participle form for both Participants in the dialect of Catania

Verbs that showed only long arrhizotonic PP form	Functions in which it was used	Verbs that showed only short rhizotonic PP form	Functions in which it was used
<i>aprire (raputu)</i>	PPTF, passive, pred.	—	—
<i>scrivere (scrivutu)</i>	PPTF, passive	—	—
<i>piangere (chiangiutu)</i>	PPTF, passive, pred. with a hint of agentivity	—	—

The table 5 summarizes instances, where a single PP form was used by at least one Participant. The discussion of the encountered doublets then follows.

Table 5. Verbs that demonstrated single past participle form for at least one Participant in the dialect of Catania

Verbs that showed only long ar-rhizotonic PP form	Functions in which it was used	Verbs that showed only short rhizotonic PP form	Functions in which it was used
<i>chiudere</i> (<i>chiurutu</i>) — P2	PPTF, passive, pred.	<i>morire</i> (<i>mortu</i>) — P1	PPTF, pred.
<i>dividere</i> (<i>spattuto</i>) — P2	PPTF, passive	—	—
<i>vincere</i> (<i>vinciutu</i>) — P2	PPTF, passive	—	—
<i>confondere</i> (<i>cunfunnutu</i>) — P2	PPTF, passive, pred.	—	—

Verbs that demonstrated past participial doublets for both Participants are: *rompere*, *vedere*, *perdere*, *leggere*.

Preliminary conclusions for the dialect of Catania are shown in the tables 6 and 7 and figures 5 and 6.

Table 6. General preference of PP forms in different functions in the dialect of Catania (P1)

Verb	Preference of the PP form in the PPTF	Preference of the PP form in the passive	Preference of the PP in the pred.
<i>chiudere</i>	long	long	short
<i>dividere</i>	long	long	long
<i>vincere</i>	long	long/short	—
<i>leggere</i>	long	long/short	—
<i>confondere</i>	long	short	short
<i>rompere</i>	long	long	short/long (depending on agentivity)
<i>vedere</i>	short	long	long
<i>perdere</i>	long	long	short/long (depending on agentivity)

Table 7. General preference of PP forms in different functions in the dialect of Catania (P2)

Verb	Preference of the PP form in the PPTF	Preference of the PP form in the passive	Preference of the PP in the pred.
<i>morire</i>	long in the trapassato prossimo / short in passato prossimo	—	short
<i>leggere</i>	long	long/short	—
<i>rompere</i>	long	long	short
<i>vedere</i>	long	long	short
<i>perdere</i>	long	long	short

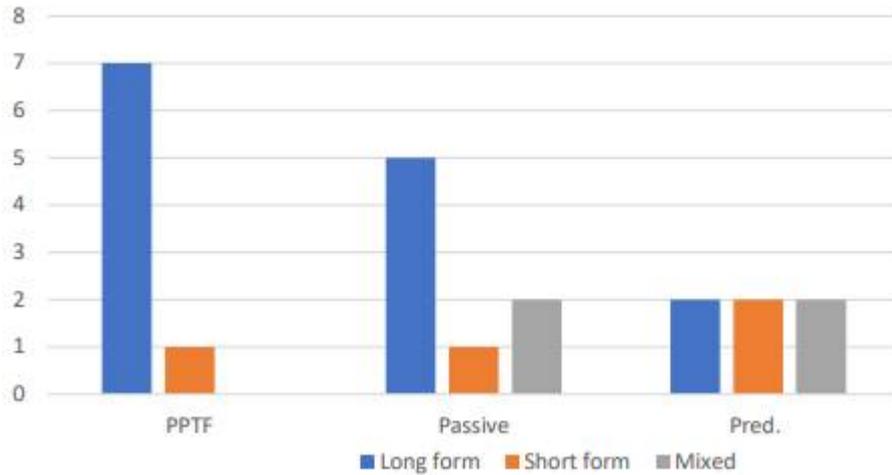

Figure 5. Summary of the preference of the PP form in different functions in the dialect of Catania (P1)

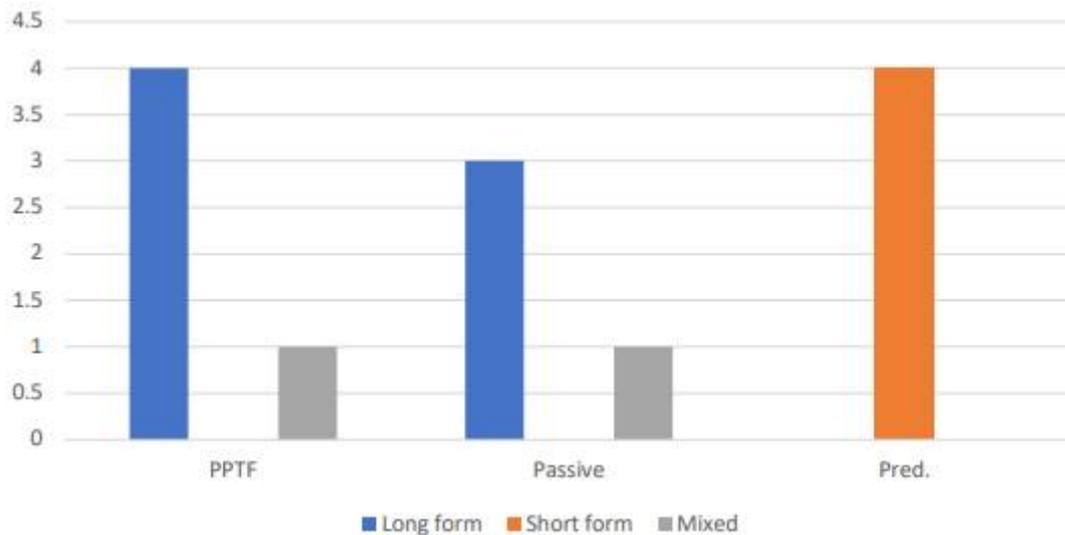

Figure 6. Summary of the preference of the PP form in different functions in the dialect of Catania (P2)

3.2.2. The dialect of Siracusa

One native speaker of the dialect of Siracusa filled in the Questionnaire Type 1. I will refer to him as the Participant in this section.

The table 8 summarizes the verbs where only one past participial form was used by the Participant.

Verbs that demonstrated past participial doublets are: *rompere*, *vedere*, *perdere*, *morire*, *leggere*.

Preliminary conclusions for the dialect of Siracusa are shown in the table 9 and figure 7.

Table 8. Verbs that demonstrated single past participle form in the dialect of Siracusa

Verbs that showed only long ar-rhizotonic PP form	Functions in which it was used	Verbs that showed only short rhizotonic PP form	Functions in which it was used
<i>aprire (raputu)</i>	PPTF, passive, pred. with a hint of agentivity	<i>vincere (vinto)</i>	PPTF, passive
<i>chiudere (chiurutu)</i>	PPTF, passive, pred.	<i>scrivere (scrittu)</i>	PPTF, passive
<i>dividere (spattutu)</i>	PPTF, passive	—	—
<i>confondere (cunfunnutu)</i>	PPTF, passive, pred.	—	—
<i>piangere (chianciutu)</i>	PPTF, passive	—	—

Table 9. General preference of PP forms in different functions in the dialect of Siracusa

Verb	Preference of the PP form in the PPTF	Preference of the PP form in the passive	Preference of the PP form in the pred.
<i>rompere</i>	short	short (trapassato prossimo) / long (passato prossimo)	short
<i>vedere</i>	short	short	long
<i>perdere</i>	short (trapassato prossimo) / long (passato prossimo)	short	short
<i>morire</i>	long	—	short
<i>leggere</i>	short (trapassato prossimo) / long (passato prossimo)	short	—

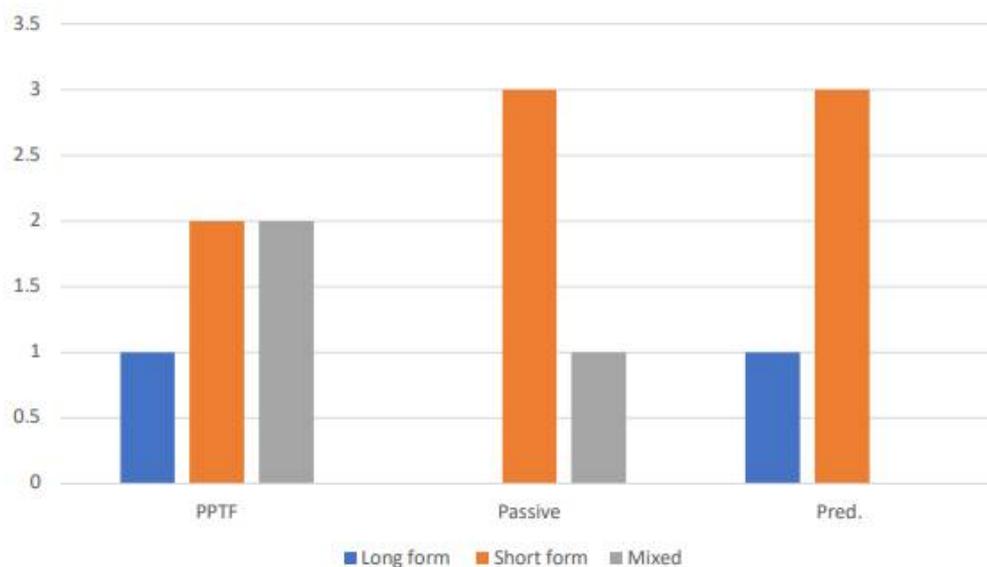

Figure 7. Summary of the preference of the PP form in different functions in the dialect of Siracusa

3.2.3. The dialect of Acireale (province of Catania)

One speaker from Acireale completed the Questionnaire Type 2, indicating that sometimes he had to disregard my advice to use *passato prossimo* and *trappassato prossimo* in his translations from standard Italian to his local variety, because it sounded too artificial to him. Generally, this Participant only used one past participle form — either long or short one — very rarely demonstrating usage of the participial doublets, see the table 10. Verb that demonstrated past participial doublets is only *morire*. Preliminary conclusions for the dialect of Acireale are shown in the table 11 and figure 8.

Table 10. Verbs that demonstrated single past participle form in the dialect of Acireale

Verbs that showed only long ar-rhizotonic PP form	Functions in which it was used	Verbs that showed only short rhizotonic PP form	Functions in which it was used
<i>dividere (spartutu)</i>	PPTF, passive	<i>aprire (apertu)</i>	PPTF, pred.
<i>vincere (vinciutu)</i>	PPTF	<i>chiudere (chiusu)</i>	PPTF, pred.
<i>leggere (liggiutu)</i>	PPTF	<i>rompere (ruttu)</i>	PPTF, pred.
<i>piangere (cianciutu)</i>	PPTF, passive, pred.	<i>vedere (vistu)</i>	PPTF, passive, pred. with a hint of agentivity
—	—	<i>perdere (persu)</i>	PPTF, pred.
—	—	<i>scrivere (scrittutu)</i>	PPTF
—	—	<i>confondere (cunfusu)</i>	passive, pred. with a hint of agentivity

Table 11. General preference of PP forms in different functions in the dialect of Acireale

Verb	Preference of the PP form in the PPTF	Preference of the PP form in the passive	Preference of the PP form in the pred.
<i>morire</i>	long	—	short

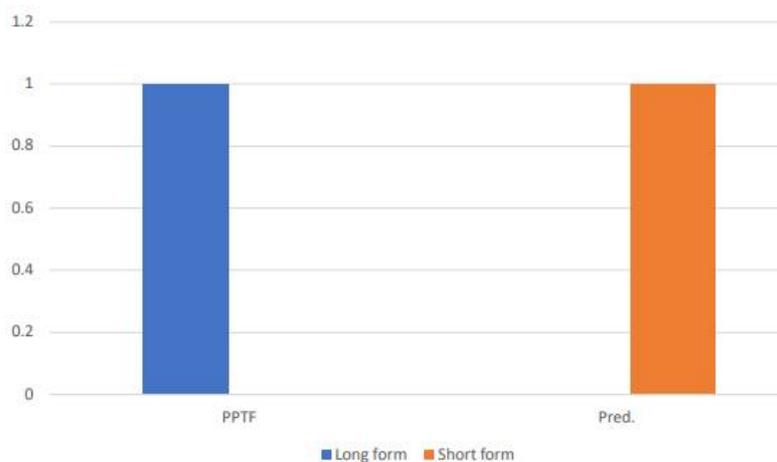

Figure 8. Summary of the preference of the PP form in different functions in the dialect of Acireale

3.2.4. The dialect of Monti Nebrodi (*messinese occidentale*)

One Participant from Monti Nebrodi completed Questionnaire Type 2. Verbs that demonstrated single past participle form are represented in the table 12. Verbs that demonstrated past participial doublets are: *aprire*, *chiudere*, *rompere*, *perdere*, *morire*, *scrivere*, *confondere*. Preliminary conclusions for the dialect of Monti Nebrodi are shown in the table 13 and figure 9.

Table 12. Verbs that demonstrated single past participle form in the dialect of Monti Nebrodi

Verbs that showed only long ar-rhizotonic PP form	Functions in which it was used	Verbs that showed only short rhizotonic PP form	Functions in which it was used
<i>dividere (spartutu)</i>	PPTF, passive	<i>vedere (vistu)</i>	PPTF, passive, pred.
<i>vincere (vinciutu)</i>	PPTF, passive	—	—
<i>leggere (liggiutu)</i>	PPTF, passive	—	—
<i>piangere (cianciutu)</i>	PPTF, passive	—	—

Table 13. General preference of PP forms in different functions in the dialect of Monti Nebrodi

Verb	Preference of the PP form in the PPTF	Preference of the PP form in the passive	Preference of the PP form in the pred.
<i>aprire</i>	long	short	short
<i>chiudere</i>	long	short	short
<i>rompere</i>	long	long	short
<i>perdere</i>	long	long	short
<i>morire</i>	long	—	short
<i>scrivere</i>	long	short	—
<i>confondere</i>	long	short	short

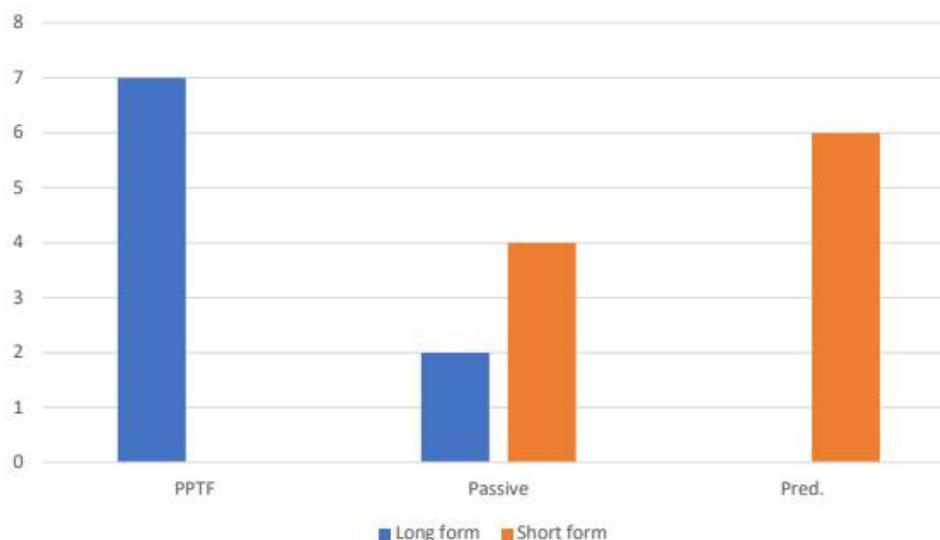

Figure 9. Summary of the preference of the PP form in different functions in the dialect of Monti Nebrodi

3.2.5. Summary of the native speakers' judgements

The following two tables provide a summary of the above discussed questionnaire results for the dialects of Catania, Siracusa, Acireale and Monti Nebrodi. Overall, whenever the split is encountered, the majority of verbs tend to prefer one form in the verbal function (PPTF) and the other form in the predicative function. The long arrhizotonic form tends to be preferred in the PPTF and the short rhizotonic form tends to be preferred in the predicative function. Choice of past participle in the passive usually coincides with the one for the PPTF, with occasional instances of split, as, for example, in the case of *aprire* and *chiudere* in the dialect of Monti Nebrodi.

Table 14. Number and percentage of verbs showing PP doublets in different Sicilian dialects (out of twelve considered verbs). C(P1) stands for the dialect of Catania (Participant 1), C(P2) — the dialect of Catania (Participant 2), S — the dialect of Siracusa, A — the dialect of Acireale, MN — the dialect of Monti Nebrodi

	C(P1)	C(P2)	S	A	MN
Percentage of verbs showing PP doublets	8 verbs, 66,7%	5 verbs, 41,7%	5 verbs, 41,7%	1 verb, 8,3%	7 verbs, 58,3%

4. Conclusions

The results of both parts of my research point into one direction — there seems to be a tendency towards a division between the verbal and adjectival functions of past participle forms in the Sicilian dialects. It was not always possible to elicit sentences with certain functions in either native speakers' translations or literary sources (and differentiate between passive and predicative usages, as discussed above). In particular, native speakers proved to be resistant towards using the passive voice, even when asked to translate sentences containing passive constructions in standard Italian. This problem was also encountered during the analysis of literary sources, with very scarce presence of the passive constructions, thus making it difficult to judge the existence or absence of the PPTF-passive split based on this type of research.

Overall, the data collected from the literary sources supports the distributional pattern of two past participle forms of certain verbs along the verbal-adjectival axis. For the majority of verbs, the long arrhizotonic past participle form was found to be preferred in the PPTF function, while the short rhizotonic form was found to be preferred in the predicative function. This trend is not universal, but it is a very significant one. In the case of those verbs which seem

to prefer the short rhizotonic form in the PPTF as well (such as *vedere*, for example), this short form is nevertheless also preferred in the predicative function. Therefore, it seems that for some verbs a simple generalization of one form to all functions took place, which can explain the unusual preference of the short form in the verbal function. However, more literary sources need to be consulted in order to prove this hypothesis.

Table 15. Summary of the functional split between two past participle forms in verbs that demonstrated PP doublets in the literary sources

Number of verbs that generally use the same PP form in the passive and PPTF (out of 7 verbs with attestations of passive usage)	Number of verbs showing split between PPTF and passive in certain contexts (out of 7)	Number of verbs that generally use the same PP form in the PPTF and pred. (out of 14)	Number of verbs that generally use different PP forms in the PPTF and pred. (out of 14)
5; 71,4%	2; 28,6%	4; 28,6%	10; 71,4%

The results from questionnaires, on the other hand, sometimes show conflicting evidence. At one extreme lies the result obtained from the native speaker of the dialect of Acireale, where the Participant used only one past participle form in all instances but one, and also often disregarded my request to use *passato prossimo* in his translations. The other three questionnaires show different trends for different groups of verbs: thus, based on the results obtained from the native speaker of the dialect of Monti Nebrodi, I divided the analysed verbs into three behavioural groups. One group draws the distributional line along the verbal-adjectival axis, another along the PPTF-passive axis and the final one uses only one form.

This division between different verbs is not unique to the dialect of Monti Nebrodi, since the dialect of Siracusa seems to do the same. One group of verbs generalized one past participle form to all functions. Another group drew a line along the verbal-adjectival axis, while the third drew a line between the choice of the form within the PPTF function itself. The tendency was to choose the short rhizotonic form as part of the *trapassato prossimo* construction and the long arrhizotonic form as part of the *passato prossimo* construction. Since *passato prossimo* is not widely used in Sicily, this might explain the emergence of such interesting and unexpected split.

The results for the dialect of Catania should be considered more carefully, since in this case two native speakers filled in this questionnaire. As expected,

the first group of verbs demonstrated a clear preference towards generalizing one past participle form to all functions. In the case of the second group of verbs, both participants chose the long form in the PPTF function and the short form in the predicative function, preferably without any hint of agentivity involved. There were found cases where the long form was chosen in the predicative function by one of the participants due to the presence of agentivity. Finally, I found some verbs whose past participial distributional pattern might shed light on the influence of standard Italian on the Sicilian dialects. Thus, for example, the only time the short rhizotonic past participle form of *leggere* was used in the translations to Catanese was a very artificial construct ‘The books read by me’. A very literary and artificial nature of this sentence could have prompted both participants to use the short past participle *lettu*, which closely resembles standard Italian *letto*.

The table below provides a summary of the functional split between two PP forms in verbs that demonstrated PP doublets in the questionnaire results. The percentages do not add up to 100%, because a single verb could demonstrate one distributional pattern with regards to PPTF/passive split and another in the case of PPTF/pred. split. Furthermore, not all verbs demonstrated a full range of PP’s functions.

Table 16. Summary of the functional split between two past participle forms in verbs that demonstrated PP doublets in the questionnaire results. C(P1) stands for the dialect of Catania (Participant 1), C(P2) — the dialect of Catania (Participant 2), S — the dialect of Siracusa, A — the dialect of Acireale, MN — the dialect of Monti Nebrodi

	C(P1)	C(P2)	S	A	MN
Number of verbs showing no split between PPTF and passive functions (based on instances where passive PP usage was attested)	3 out of 8, 37,5%	3 out of 4, 75%	1 out of 4, 25%	—	2 out of 6, 33,3%
Number of verbs showing split between PPTF and passive in certain contexts	5 out of 8, 62,5%	1 out of 4, 25%	3 out of 4, 75%	—	4 out of 6, 66,7%
Number of verbs that generally use different PP forms in the PPTF and pred. (based on instances where pred. and PPTF PP usage was attested)	5 out of 5, 100%	4 out of 4, 100%	3 out of 4, 75%	1 out of 1, 100%	6 out of 6, 100%

As can be seen from the table, the only consistently and cross-dialectally high percentage (with the exception of the dialect of Siracusa) marks the split between PPTF and predicative functions. PPTF is a clear-cut verbal function of the PP, while predicative function is clearly an adjectival one. Passive function can be seen as lying in between these two extremes, aligning with one or the

other depending on the context. Thus, the question of the split between PPTF and passive is, on the contrary, more ambiguous. I cannot then conclude whether Sicilian dialects present substantial counterevidence to the morphomic nature of Romance past participle [Maiden 2013].

It seems impossible to state whether the Sicilian dialects align more with Portuguese or with Spanish in their past participial doublet's distributional patterns. The results of this research indicate that one can group verbs together in terms of their behaviour, but it is impossible to give a rule which determines which form of the past participle native speakers have to use in each given case. However, based on the results, one can note a clear tendency of the native speakers towards the generalization of one form (most often the long ar-rhizotonic one) to all functions, alongside the reanalysis of the short past participle form as an adjective.

Abbreviations

3SG — 3rd person singular; LGPP — Long past participle form; P1 — Participant 1; P2 — Participant 2; PP — past participle; PPTF — periphrastic perfect tense forms; Pred. — predicative (function); PRES — present; SHPP — Short past participle form.

References

- Aarts et al. (eds.) 2014 — Aarts B., Chalker S., Weiner E. (eds.). *The Oxford dictionary of English grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Beard 1988 — Beard R. *Lexeme-morpheme based morphology*. Lewisberg: Bucknell University Occasional Papers in Linguistics, 1988.
- Beck, Horn 2002 — Beck D., Horn L.R. *The typology of parts of speech systems: The markedness of adjectives*. New York: Routledge, 2002.
- Gibert Sotelo 2018 — Gibert Sotelo E. *Adjectival passive participles and negative prefixation*. Universitat Autònoma de Barcelona, 2018.
- Laurent 1999 — Laurent R. *Past participles from Latin to Romance*. Los Angeles: University of California, 1999.
- Loporcaro et al. 2004 — Loporcaro M., Pescia L., Ramos A.M. *Costrutti dipendenti participiali e participi doppi in portoghese*. *Revue de linguistique romane*. LXVIII. 2004. P. 15–46.
- Maiden 1995 — Maiden M. *A Linguistic History of Italian*. London: Longman, 1995.
- Maiden 2013 — Maiden M. *The Latin third stem and its Romance descendants*. *Diachronica*. 2013. 30 (4). P. 492–530.
- Thomas 2018 — Thomas A. *Accounting for double past participle forms in Romance*. MPhil thesis. University of Oxford, 2018.
- Thornton 2011 — Thornton A. *Overabundance: A non-canonical phenomenon in Italian verb morphology*. *Morphological autonomy: Perspectives from Romance inflectional morphology*. Maiden M., Smith J.C., Goldbach M., Hinzelin M. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2011.

Статья поступила в редакцию 14.11.2020

The article was received on 14.11.2020

Камила Джавдатовна Ахмеджанова

магистр в области общей и сопоставительной лингвистики; Оксфордский университет

Kamila Akhmedjanova

M.Phil. in General Linguistics and Comparative Philology; University of Oxford

kamila.akhmedjanova@orinst.ox.ac.uk

ПАДЕЖ ПЛАВАЮЩИХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ В ИНФИНИТИВНЫХ КЛАУЗАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОНФИГУРАЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Ф. В. Байков

МГУ имени М. В. Ломоносова

Работа посвящена исследованию поведения плавающих определителей (ПО) в инфинитивных клаузах русского языка на основе примеров их употребления в Интернете. В ней описано поведение ПО в двух прежде не рассматривавшихся подтипах прямообъектного контроля: при матричных предикатах вроде *угораздить* или *подмывать*, которые берут один именной аргумент и приписывают ему падеж, отличный от именительного, и при идиомах вроде *жаба душит* или *черт дернул*. Кроме того, приводятся примеры употребления дативных ПО при полном субъектном контроле, что существующие подходы считают невозможным. Предлагаемый анализ сформулирован в рамках Теории зависимого падежа.

Ключевые слова: русский язык, контроль, плавающие определители, Теория зависимого падежа.

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Информационная структура и её интерфейсы: синтаксис, семантика, прагматика», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

CASE ON FLOATING QUANTIFIERS IN RUSSIAN INFINITIVAL CLAUSES: A CONFIGURATIONAL ANALYSIS*

Fyodor Baykov

Lomonosov Moscow State University

The paper is devoted to a reassessment of the syntax of floating quantifiers in Russian infinitival clauses based on real examples from Internet usage. Two previously ignored subtypes of direct object control are described: matrix predicates taking a single nominal argument which receives accusative case (rather than nominative) and idiomatic expressions with direct object control. It is also demonstrated that many examples can be found with dative floating quantifiers even under exhaustive subject control, which is considered impossible by most existing approaches. The analysis is formulated in terms of a variant of the Dependent Case Theory.

Keywords: Russian syntax, control, floating quantifiers, Dependent Case Theory (DCT).

* I am glad to express my heartfelt gratitude to my scientific supervisor Pavel V. Rudnev for his unfailing support and valuable recommendations at various stages of this work. I also thank all the members of the Research Educational Laboratory on Formal Models in Linguistics at the Higher School of Economics, especially Natalia Slioussar and Alexander Letuchiy, for fruitful discussions of the material presented here. The remarks and suggestions made by the anonymous reviewers have been extremely stimulating (and one of them has improved on my English, as well), as were the questions of some participants of the TMP 2020 conference. Any remaining shortcomings and inaccuracies are entirely my own responsibility. The results of the research project «Information structure and its interfaces: syntax, semantics and pragmatics», carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2020, are presented in this work.

1. Introduction

The topic of Russian floating quantifiers (henceforth FQ) in control constructions and their case patterns has been extensively studied within the generative tradition, beginning with the pioneering work [Comrie 1974] and followed by [Neidle 1988; Franks 1990; Babby 1998; Landau 2008, *i. a.*], which revealed much interesting facts.

FQs are pronominal words such as *sam* ‘self’ or *odin* ‘alone’, which are usually contained within the DP they modify, but which sometimes can be dislocated from it (cf. [Testelefs 2001: 295]).

- (1) *On ezdit tuda sam / odin.*
 he.NOM goes there self.NOM / alone.NOM
 ‘He goes there himself / alone.’ [ibid.: 297, (119)]

The FQ which is contained within an infinitival clause and pertains to its unpronounced subject has two robustly cross-linguistically attested ([van Urk 2010] and the references therein) means to get its case feature valued. It either surfaces in the same case as the controller nominal in the matrix clause (this scenario is henceforth called case transmission/concord; see (2a)), or somehow gets case feature value distinct from that of the controller (so-called case independence; see (2b)).

- (2) a. [matrix verb DP_{i[Case: val1]}} [PRO_{i[Case: val1]}} FQ_{i[Case: val1]}} infinitival verb]]
 b. [matrix verb DP_{i[Case: val1]}} [PRO_{i[Case: val2]}} FQ_{i[Case: val2]}} infinitival verb]]

The present paper aims to shed some new light on previously established generalizations and results by means of a corpus analysis. The main data source for my investigation has become not the Russian National Corpora (RNC), but the Internet, because the relevant examples are extremely sparse, and only with the aid of the Internet has it become possible to collect the amount of data sufficient to draw more or less reliable conclusions from the absence of certain types of patterns. The choice of corpus methodology as opposed to an acceptability judgment experiment is warranted by the fact that native speakers’ judgments, firstly, vary enormously with respect to many crucial examples (cf. fn. 2) and, secondly, may be subconsciously influenced by prescriptive rules (cf. [Pereltsvaig 2008]) and so not be representative of real language usage¹.

¹ All the examples below, unless indicated otherwise, are taken from the Internet.

My assessment of the conclusions drawn in the existing literature will proceed in two different directions: firstly, the behavior of FQs in previously unstudied subtypes of direct object control will be described in section 2, and then some data challenging the established unavailability of non-nominative FQs under exhaustive subject control will be cited in section 3. Section 4 contains one possible way of analyzing the data, cast in terms of the Dependent Case Theory [Marantz 1991; Baker 2014, *i. a.*]. The final section 5 summarizes the main results of the present paper.

2. FQs in some subtypes of direct object control

This section deals with the behavior of FQs in some previously unaddressed subtypes of control of the silent subject of an infinitival clause by a nominal bearing accusative case. Firstly, I will concentrate on the cases when the matrix predicate (e.g. *ugorazdit'* 'end up') takes the controller DP as its sole nominal argument but assigns to it accusative rather than nominative. Secondly, I will scrutinize another subtype of direct object control — namely, the situations in which the matrix subject and the matrix predicate form an idiom (to the exclusion of the matrix direct object) such as *zhaba dushit* 'to feel jealous'. Neither of these cases, to the best of my knowledge, has ever been described in the existing literature on control in Russian.

As the already existing literature reveals [Babby 1998; Landau 2008, *i. a.*], under usual direct object control both accusative and dative FQs in the infinitival clause are acceptable²:

- (3) a. *On poprosil menya_i [PRO_i samomu_i oplatit' poezdku].*
 he asked me.ACC self.DAT pay.INF journey
 'He asked me to pay the journey myself.'
- b. *Irena poprosila Igorya_i [PRO_i idti odnogo_i].*
 Irene asked Igor.ACC go.INF alone.ACC
 'Irene asked Igor to go alone.'

² There exist, nevertheless, complex and intricate idiolectal variations in native speakers' judgments. Some of those I have informally consulted consistently insisted on FQ having to match the controller in case value, rejecting examples such as (3a), others did not allow for accusative case transmission to the FQ, refusing to accept (3b), while yet others (including the author himself) found both (3a) and (3b) equally perfect. Hereafter I rely on the most liberal interpretation of the data, considering an example possible if it is accepted by at least some native speakers, especially provided that it is attested in the Internet usage.

One subtype of previously neglected control configurations is instantiated by sentences with verbs such as *ugorazdit* ‘end up’, *dostat* ‘drive crazy’, and *tyanut’/podmyvat* ‘be tempted’ which take an accusative nominal argument³ and an infinitival clause whose unexpressed subject is construed as coreferential with the accusative DP⁴.

- (4) **Menya_i tak i podmyvalo** [PRO_i s nimi o chem-nibud’ potolkovat’].
 me.ACC just be.tempted with them about something talk.INF
 ‘I was just tempted to talk to them about something.’ (RNC)

As the corpus data presented immediately below reveal, such predicates readily admit both accusative (5b) and dative (5a) FQs inside infinitival clauses. For example, in (5a) the dative FQ *samomu* ‘self.DAT’ refers to the unpronounced subject of the infinitival clause, which is, in its turn, understood to be coreferential with the accusative second person singular pronoun *tebya* in the matrix clause. In (5b), in a similar structure, the FQ *samogo* ‘self.ACC’ bears accusative case and refers to the accusative controller DP *Platona*⁵.

³ Russian also has verbs which take a single dative nominal argument and an infinitival clause, such as *prispichit* ‘got to do sth’ and (*ne*) *ulybaetsya* ‘have no desire to do sth’. In these cases, however, as in dative control more generally, the options of case transmission and case independence cannot be teased apart (since they can be distinguished only when the case of the controller is other than dative), so that examples with such predicates are uninformative.

⁴ The reason why such sentences deserve to be mentioned separately from usual direct object control is that it is not obvious that the accusative controller occupies the direct object position in the matrix clause (as opposed to being a quirky-Case-marked subject), since a nominative DP is usually absent from such structures and the results obtained by using standard subjecthood diagnostics [Testelefs 2001: ch. 6] do not give an unequivocal outcome.

In some cases, however, a nominative subject DP is overtly expressed without any accompanying alternations of syntactic structure, which may be taken as an argument in favor of the accusative nominals having the status of direct object in the matrix clause (provided that sentences both with a nominative subject and without it do instantiate the same construction):

- (i) *ne poymu, kak menya_i chert ugorazdil* [PRO_i togda ot tebya uexat’].
 NEG understand.1SG how me.ACC devil.NOM made then from you go.INF
 ‘(I) can’t understand why the hell I left you then.’ (RNC)

⁵ If the accusative arguments in the matrix clause in these examples are quirky subjects marked with inherent accusative case (and not direct objects, the remarks in fn. 4 notwithstanding), the analysis of possible strategies of FQ case marking proposed in [Boeckx et al. 2010] will not extend to Russian data. Based on Icelandic, the authors claim impossible transmission of an inherent case value received by the controller in the matrix clause to the FQ in the infinitival clause (according to their analysis, only structural case can be thus transmitted).

One another caveat is that in all the examples I was able to find accusative FQs occur on the left periphery of the infinitival clause (in contrast to dative ones, cf. (5a)), so that another analysis taking them to be located in the matrix clause cannot be excluded.

- (5) a. *Kak tebya_i ugorazdilo* [PRO_i *xodit'* ***samomu_i*** *po ulice*]?
 how you.ACC ended.up go.around self.DAT by street
 'How come you decided to walk the streets yourself?'
- b. *Platona ugorazdilo* [PRO_i ***samogo_i*** *v Elenu Fominishnu vlyubit'sya*]!
 Platon.ACC ended.up self.ACC in Elena Fominishna fall.in.love.INF
 'Platon ended up having fallen in love with Elena Fominishna!'

Similar examples can be found with other predicates of this type, e. g. *podmyvat'* 'be tempted':

- (6) a. *Loginova tak i podmyvalo*
 Loginov.ACC just was.tempted
- [PRO_i *samomu_i proytis'* *po etazham*].
 self.DAT stroll.INF around floors
 'Loginov was just tempted to stroll around the floors himself.'
- b. *Ego_i podmyvalo* [PRO_i *samogo_i vzyat'sya za dopros*].
 he.ACC was.tempted self.ACC take.INF for interrogation
 'He was tempted to take the interrogation himself.'

Therefore, the range of case forms FQs can take on in this subtype of control is no different from that they can surface in under usual direct object control with predicates such as *poprosit'* 'ask', cf. (3).

However, FQs in infinitival clauses embedded under idioms such as *zhaba dushit* 'not want to; lit. a toad strangles (someone)' and *chert dernul* 'to inadvertently do (sth unwise); lit. the devil pulled (someone)' behave differently. Both of them take an accusative direct object and an infinitival clause whose unpronounced subject is obligatorily understood to be coreferential with the accusative DP.

- (7) *Odnix_i «zhaba dushit»* [PRO_i *za benzin platit'*]...
 some.ACC toad.NOM strangles for petrol pay.INF
 'Some feel jealous to pay the petrol...' (RNC)

In such constructions, however, the FQ inside the infinitival clause has to take on obligatorily dative form⁶ (8a); examples with accusative FQs such as (8b) were not found (and are considered severely degraded by the native speakers I have consulted).

⁶ I owe this interesting observation to an anonymous reviewer of [Baykov 2020], to whom I express my deepest gratitude for generously pointing out this fact to me.

- (8) a. *Menya_i zhaba dushit* [PRO_i *samomu_i vse delat'*].
 me.ACC toad.NOM strangles self.DAT all.ACC do.INF
 'I feel jealous to do it all myself.'
- b. **Menya_i zhaba dushit* [PRO_i *samogo_i vse oplachivat'*]
 me.ACC toad.NOM strangles self.ACC all.ACC pay.INF
 'I feel jealous to pay it all myself.'
- (9) *Chert dernul Serezhu_i* [PRO_i *samomu_i zalez't v Internet*].
 devil pulled Seryozha.ACC self.DAT go in Internet
 'It was unwise of Seryozha to surf the Internet himself.'

Therefore, the similarity of syntactic structures notwithstanding, if the subject and the verb of the main clause form an idiom, a FQ should obligatorily take on dative, while in usual direct object control both accusative and dative FQs are possible.

3. Case independence under exhaustive subject control

Ever since [Comrie 1974] it has been believed — with the notable exception of [Fortuin 2003], though — that under subject control only nominative FQs are acceptable in infinitival clauses, the position also supported by [Neidle 1988; Franks 1990; Babby 1998] etc.

- (10) *Vanya_i xochet* [PRO_i *priyti odin*].
 Vanya wants come alone.NOM
 'Vanya wants to come alone.' [Comrie 1974: (24)]

[Landau 2008] made an important qualification by pointing out that under partial (as opposed to exhaustive, (11a)) subject control dative FQs are acceptable (11b).

- (11) a. *My predpochli sobrat'sya vse / ??vsem v shest'*.
 we preferred gather.INF all.NOM all.DAT at six
 'We preferred to gather all at six.'
- b. *Predsdatel' predpochel sobrat'sya *vse / ^{OK}vsem v shest'*.
 chair preferred gather.INF all.NOM all.DAT at six
 'The chair preferred to gather all at six.' [ibid.: (53)]

My own work with Internet data, however, unequivocally reveals that there exists ample evidence of use of case independence strategy (i. e. dative FQs) even under subject control (*contra* [Comrie 1974; Babby 1998], *i. a.*), including exhaustive (as opposed to partial) subject control (*contra* [Landau 2008]). Such structures can be exemplified by (12):

- (12) *Xochu* [PRO *samomu* *pomenyat'* *zamok* *na dveri...*]
 want.PRS.1SG self.DAT.SG change.INF lock on door
 'I want to change door lock myself.'

Such examples were found with verbs belonging to different classes of control predicates according to the classification used in [Landau 2015: 6-7], such as the desiderative verbs *xotet'* 'want' (12), *nadeyat'sya* 'hope' (13a), *poboyat'sya* 'be afraid' (13b), *dumat'* 'think' (13c), *predpochitat'* 'prefer', *reshit'* 'decide', *otkazat'sya* 'refuse' and the factive verb *nenavidet'* 'hate' (13d). Both these classes of predicates are partial control predicates, i.e. they admit partial control readings. In all these examples, however, the controller DP is both grammatically and semantically singular (having a single person as its referent), which absolutely excludes the possibility of partial control. Therefore, all these examples instantiate dative FQs under exhaustive subject control and present a serious challenge for [Landau 2008], not to speak of even stricter approaches such as [Comrie 1974; Babby 1998].

- (13) a. *Nadeyus' samomu popast' syuda eshche raz!*
 hope.1SG self.DAT get hither more time
 'And I hope to get here myself once again.'
- b. *ne poboyalsya odnomu ezdit' po Latinskoy Amerike!*
 not be.afraid.PST self.DAT drive around Latin America
 'And he dared to drive around Latin Amerika alone!'
- c. *uzhe dumal samomu nabrat' ee nomer...*
 already thought self.DAT dial.INF her number
 '(He) was already thinking about calling her himself.'
- d. *ya nenavizhu samomu takoe motat'*
 I hate self.DAT such rewind.INF
 'I hate to rewind such things myself.'

Moreover, examples containing dative FQs can be found even with exhaustive control predicates, which never admit partial control readings at all. Such are the implicative verb *izbegat* ‘avoid’ in (14a) and aspectual verb *nachat* ‘begin’ in (14b).

- (14) a. *izbegal samomu sortirovat’ massiv...*
 avoided self.DAT.SG sort.INF array
 ‘(until then I) avoided to sort an array myself.’
- b. *...i nachal samomu uchitsya*
 and began self.DAT learn.INF
 ‘(I had such a friend, a cheater who deleted cheats) and began to learn himself.’

It seems so as if almost any subject control predicate could co-occur with dative FQs. The only exception is modal predicates such as *moch* ‘can, be able to’ and *dolzhen* ‘must’, for which no examples with dative FQs were found, while sentences with dative FQs under aspectual predicates such as *nachat* ‘begin’ are admittedly rare.

The admissibility of dative FQs therefore does not correlate with any of the semantic properties distinguishing different control predicates which were explored in I. Landau’s work [Landau 2000, 2015], such as the availability of independent (i.e. separate from that of the main clause) semantic tense for the infinitival clause, being an attitude predicate or belonging to the class of partial control verbs.

The claim that subject control predicates sometimes admit non-nominative FQs, however controversial it may seem at first glance, is not unprecedented. Firstly, already [Landau 2008] pointed out that such a restriction does not hold of partial subject control. Secondly, [Foruin 2003], working within a cognitive linguistic framework, has cited many examples from published sources where dative FQs were used inside infinitival clauses embedded under two subject control predicates, namely *reshit* ‘decide’ and *norovit* ‘strive’. Therefore, the results of my examination of the Internet usage lead to further relaxing of nominative-only restriction under subject control — a restriction already substantially weakened by [Landau 2008] and [Fortuin 2003].

4. Analysis

The emergent picture of possible case values for FQs in control structures can be summarized as follows. In most cases, both case transmission and case inde-

pendence as alternative strategies of valuing FQ's Case feature are possible⁷. This is so in the following environments:

- under subject control, including exhaustive subject control (*contra* [Comrie 1974; Babby 1998; Landau 2008], *i. a.*);
- under direct object control, including sentences with matrix predicates such as *ugorazdit'* 'end up' and *podmyvat'* 'be tempted';
- and (vacuously, since both strategies lead to FQ receiving dative) indirect object control.

However, accusative case transmission is prohibited when the controller is a direct object and the matrix subject and the matrix predicate form together an idiom chunk such as *zhaba dushit* 'to feel jealous'. A FQ also cannot agree in case with the controller DP (15) if the latter is complement of a preposition (so-called oblique control configuration); this restriction has been described for the first time by [Landau 2008: 893-894] and corpus data supporting it were provided in [Baykov, Rudnev 2020].

- (15) *Èmir potreboval [pp ot [DP sultana_i]] ili [PRO_i samomu / *samogo*
 emir demanded from sultan.GEN or self.DAT self.GEN
raspravit'sya s migrantami], ili dat' emu sdelat' èto.
 massacre with migrants or give him do.INF this
 'The emir required that the sultan either massacre the migrants himself or let him do it.' [Baykov, Rudnev 2020: (20)] (originally from Internet)

Having established the empirical generalizations we will try to derive, we can now proceed to formulating the details of our proposal.

My analysis will use a variant of the Dependent Case Theory [Marantz 1991] developed in [Baker 2014] and some ideas of Phase Theory ([Chomsky 2000] and much subsequent work). In no way, however, do I want to claim hereby that it is the only way to accommodate the empirical data provided above or that other generative theories of Case (e.g. that developed in [Chomsky 2000]) are incapable of dealing with them.

⁷ A reviewer remarks that the ensuing analysis is too unrestrictive. However, in view of the diversity of patterns attested in the Internet data, one has to stick either to a more restrictive theory which runs afoul of some examples (dismissing with them somehow, e.g. by claiming them to be marginal) or a more liberal one encompassing almost all attested patterns. It is the second approach that will be pursued here.

Following [Marantz 1991], I assume that the concrete morphological form of unmarked case assigned to a nominal may vary according to the domain where it is located⁸. Thus, I propose to treat dative as the unmarked case in infinitival clauses (e.g. under *m*-command by an infinitival T^0). An argument in favor of treating dative on infinitival clause subjects as an instance of unmarked case is that a FQ can take on dative irrespective of the concrete infinitival predicate whose silent subject it modifies.

Taking CP and *v*P to be phases and their complements (IP and VP respectively) to form Spell-Out domains, I argue, following [Baker 2014: 355], that both the unmarked and the dependent cases are assigned only when a CP phase is considered with respect to case assignment at Spell-Out, and all the *c*-command relationships already considered at the *v*P stage are not taken into account anymore.

I also suppose that in Russian, the following statement taken from [Baker 2014] is true:

- (16) If NP_x *c*-commands NP_y at the Spell-Out of TP, value the case feature of NP_y accusative. [Baker 2014: 357, (29d)]

In addition, I assume that PRO cannot receive a case value different from that of the controller when assigned case in the same phase the controller is. The last assumption that will be used is that infinitival clauses can vary in the amount of functional projections they include, *viz.* some are CPs and others mere TPs.

Then, if an infinitival clause is a CP, its TP complement is considered with respect to unmarked (dative) case assignment and the FQ (if there is one) receives the dative. This situation, therefore, is not that different from regular case assignment in a finite clause, the only difference being that the subject receives dative instead of nominative.

A more tricky case is instantiated by situations when FQ agrees in case with the controller DP. The infinitival clause is then a TP, hence it does not form on its own an unmarked case assignment domain separate from the main clause. In that case, the FQ agrees in case with its controller.

Let us now consider in more detail the derivational mechanics of how this overall system deals with case concord under subject control:

⁸ The morphological form corresponding to dependent case in Russian obviously does not depend on the finiteness of the clause and is spelled out as accusative in all types of clauses, including infinitival ones.

(17) [_{CP} C [_{TP} NP_{NOM} T [_{VP2} NP_{NOM} v [_{VP2} V_{matrix} [_{TPnon-finite} PRO T [_{VP1} PRO v [_{VP1} V NP_{ACC}]]]]]]]]]]

1) Embedded vP1 phase is considered, VP1 is sent to the interfaces, nothing happens.

2) Matrix vP2 phase is considered, VP2 is sent to the interfaces, there are two caseless NPs (PRO and NP_{ACC}, PRO c-commands NP_{ACC}), nothing happens (both nominative and accusative are assigned when a CP phase is considered only).

3) Matrix CP phase is considered, only new c-command relations count: NP_{NOM} c-commands both PRO and NP_{ACC}. NP_{NOM} receives unmarked nominative, NP_{ACC} dependent accusative⁹. PRO receives the same case as its controller, namely, nominative (which is thereafter transferred to FQ if there is one).

Case concord under direct object control can be dealt with comparably:

(18) [_{CP} C [_{TP} NP_{NOM} T [_{VP2} NP_{NOM} v [_{VP2} NP_{ACC2} V_{matrix} [_{TPnon-finite} PRO T [_{VP1} PRO v [_{VP1} V NP_{ACC1}]]]]]]]]]]

1) Embedded vP1 phase is considered, VP1 is sent to the interfaces, nothing happens.

2) Matrix vP2 phase is considered, VP2 is sent to the interfaces, there are three caseless NPs (NP_{ACC2}, PRO and NP_{ACC1}, NP_{ACC2} c-commands both PRO and NP_{ACC1}, PRO c-commands NP_{ACC1}), nothing happens (both nominative and accusative are assigned when a CP phase is considered only).

3) Matrix CP phase is considered, only new c-command relations count: NP_{NOM} c-commands NP_{ACC2}, PRO and NP_{ACC1}. NP_{NOM} receives unmarked nominative, all the others get dependent accusative¹⁰. PRO receives the same case as its controller, i. e. accusative (transferred to FQ if there is one)¹¹.

⁹ A reviewer remarks that the dependence of embedded clause direct object case marking on the material in the main clause is undesirable, since verbs in Russian can always case-mark their object, even when in infinitival form. It is doubtful, though, that this may lead to incorrect empirical predictions, since embedded clause direct object is always c-commanded by PRO and so will eventually receive accusative.

¹⁰ It may look strange that absolutely unrelated nominals (matrix and embedded direct objects) receive the same case value by the very same process. Such a supposition is not unprecedented, though, and was argued for in an analysis of Korean ditransitives by [Baker 2014].

¹¹ As for the question as to how the sole nominal argument of verbs such as *ugorazdit'* 'end up' receives its accusative, two options are readily available. Firstly, it may be inherent case assigned by concrete lexical items, e.g. *ugorazdit'* (a solution especially pertinent if these nominals are quirky subjects). Secondly, it may be dependent case assigned to the DP in presence of a silent c-commanding nominal, e. g. *pro* occupying subject position (if this accusative argument is a direct object, cf. fn. 4).

Postulating that infinitival clauses hosting dative FQs differ in the amount of functional projections they contain from those hosting nominative or accusative FQs, of course, needs empirical support¹². A hint that my analysis may be on the right track is that dative FQs under subject control give rise to a certain modal flavor of the infinitival clause absent from sentences with nominative FQs (a fact noted also by [Fortuin 2003]) and reminiscent of modal semantics of independent infinitival sentences.

Thus, sentences such as (13a) and (13c) can be paraphrased as in (19a) and (19b) respectively:

- (19) a. *nadeyus', chto mne udastsya samomu popast' syuda*
 hope.1SG that me.DAT will.manage self.DAT get.INF hither
 'I hope that I will manage to get here myself once again.'
- b. *dumal, chto emu pridetsya samomu nabrat' ee nomer...*
 thought that him.DAT will.have.to self.DAT dial.INF her number
 '[He] was already thinking that he would have to call her himself.'

If this modal flavor is contributed by some functional head (say, Mod⁰) located somewhere in between TP and CP, we can explain this fact: the relevant projection, viz. ModP, is present only when the infinitival clause is a CP, in which case FQs necessarily surface in the dative form.

A related, though different, point is made by [Miller 1986] who treats dative FQs under direct object control as vestiges of gradual evolution of parataxis into hypotaxis as exemplified in (20):

- (20) a. Initial stage (parataxis):
<i>My</i>	<i>poprosili</i>	<i>Ivana.</i>	<i>(Ivanu)</i>	<i>poyti</i>	<i>odnomu.</i>
we	asked	Ivan.ACC	Ivan.DAT	go.INF	alone.DAT
- 'We asked Ivan. [Now he has] to go alone.'
- b. Intermediate stage:
<i>My</i>	<i>poprosili</i>	<i>Ivana</i>	<i>poyti</i>	<i>odnomu.</i>
we	asked	Ivan.ACC	go.INF	alone.DAT
- 'We asked Ivan to go alone.' {b = c}

¹² An anonymous reviewer has pointed out that independent diagnostics of the categorial status of the infinitival clause based on locality phenomena is desirable and the results achieved by [Gerasimova 2015] are potentially relevant. Fully agreeing with the reviewer, I admit that, though establishing any correlations between Gerasimova's [2015] generalizations and my own would be very welcome, at present the data do not allow me to draw such conclusions.

c. Final stage (hypotaxis):

<i>My</i>	<i>poprosili</i>	<i>Ivana</i>	<i>poyti</i>	<i>odnogo.</i>
we	asked	Ivan.ACC	go.INF	alone.ACC

That is, an independent infinitival sentence (which, I presume, had the status of a full-fledged CP) with an overt dative subject and modal (necessitive) semantics (20a) was gradually integrated into another erstwhile independent sentence with a transitive verb such as *poprosit'* 'ask'. Thereupon the infinitival clause was reanalyzed as an argument of *poprosit'*. This integration was at first partial, and the use of dative FQs under direct object control (20b), according to this analysis, reflects the stage where this construction has already ceased to be purely paratactic but has not yet taken on all the properties of hypotaxis and was therefore somewhere in between. After the process of integration of previously independent clauses reached its completion (presumably accompanied by the change of the status of the infinitival clause from a CP to a TP), FQs started to agree in case with the controllers (20c).

Finally, examples with dative FQs under subject control ameliorate if the infinitival clause is separated from the main clause by a pause or when it is extraposed and the main clause contains a pronominal-like element referring to it (21) [Alexander Letuchiy, p. c.]:

(21) *Xochu* *odnogo*: [PRO_i *samomu_i* *pomenyat'* *zamok na dveri...*]
 want.PRS.1SG one self.DAT.SG change.INF lock on door
 'I want only that: to change door lock myself.' (constructed example)

In both these situations the infinitival clause is, informally speaking, less tightly connected with the main and may include more functional projections, being a full-fledged CP. Moreover, propositions (i.e. CPs) can be turned into nominals and serve as antecedents for proforms (such as *odnogo* 'one (thing)' in (21)), while TPs cannot [Pavel Rudnev, p. c.].

Since in many cases both dative and nominative/accusative FQs are, as I have argued, acceptable, it has to be postulated that most control predicates can take as their arguments both CP- and TP-infinitivals. Such indeterminacy in subcategorizational properties of many matrix predicates naturally leads to adoption of the notion of disjunctive selection proposed by [Bruening 2019]. Namely, modal predicates such as *mozhet* 'may' and *dolzhen* 'must', for which no examples with dative FQs were found, strictly subcategorize for TP infinitivals only, while other subject control verbs equally permitting nominative and

dative FQs and direct object control verbs which allow both accusative and dative FQs admit both infinitival TPs and CPs as their arguments. Idioms such as *zhaba dushit*, used in structures with direct object control, and oblique control predicates such as *potrebovat' u/ot* 'demand from', which permit only dative FQs in infinitival clauses, can take only CP-infinitivals.

Unattractive though such subcategorizational indeterminacy may seem, we have some argument in favor of allowing for it (also mentioned by [Bruening 2019]): many control predicates can take not only infinitival clauses as their arguments, but also finite ones (as well as nominals and PPs), which necessitates permitting some optionality in the categorial status of their arguments.

- (22) *Vasya dumal postupit' / o postuplenii v magistraturu.*
 Vasya thought enter.INF about entering in M.A.program
 'Vasya was thinking to enter / about entering an M.A. program.' (constructed example)

5. Conclusion

The present paper attempted to examine case properties of FQs in control constructions on the basis of corpus data, first and foremost in the Internet usage. Some previously ignored types of configurations were described, such as sentences with verbs *ugorazdit'* 'end up' and *tyanut'/podmyvat'* 'be tempted' and examples with idioms *zhaba dushit* 'feel jealous' in the matrix clause. While in the first case both dative and accusative FQs are possible (as in typical examples of direct object control), in the second one dative remains the only possibility. In addition, some data challenging the prohibition against dative FQs under subject control (especially exhaustive subject control) were mentioned. As the corpus materials reveal, dative FQs can occur even in infinitival clauses embedded under exclusively exhaustive subject control predicates, including aspectual ones. A possible analysis was proposed, which is formulated in the framework of a variant of the Dependent Case Theory developed by [Baker 2014].

Abbreviations

1 — 1st person; ACC — accusative; DAT — dative; INF — infinitive; NEG — negation; NOM — nominative; PRS — present; PST — past; SG — singular.

References

- Baykov 2020 — Байков Ф.В. Косвенный контроль в русском языке // *Rhema. Rema*. 2020. № 1. С. 106–125. [Baykov F.V. Oblique control in Russian. *Rhema. Rema*. 2020. № 1. P. 106–125.]
- Gerasimova 2015 — Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Коношенко М.Б. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП-2015» Вып. 2. М.: МПГУ, 2015. С. 47–61. [Gerasimova A.A. Licensing negative pronouns in Russian infinitives. // Lyutikova E.A., Zimmerling A.V., Konoshenko M.B. (eds.). Proceedings of the international conference “Typology of morpho-syntactic parameters 2015”. Moscow: Moscow State University of Education, 2015. Iss. 2. P. 47–61.]
- Testeleets 2001 — Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testeleets Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to general syntax]. Moscow: RGGU, 2001.]
- Babby 1998 — Babby L.H. Subject control as direct predication: Evidence from Russian. Bošković Ž., Franks S., Snyder W. (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics 6: The Connecticut Meeting*. Michigan Slavic Publications, 1998. P. 17–37.
- Baker 2014 — Baker M.C. On dependent ergative case (in Shipibo) and its derivation by phase. *Linguistic Inquiry* 45(3), 2014. P. 341–379.
- Baykov, Rudnev 2020 — Baykov F., Rudnev P. Not all obligatory control is movement. *Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 56. No. 4. P. 893–906.
- Bhatt 2006 — Bhatt R. *Covert modality in non-finite contexts*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Boeckx et al. 2010 — Boeckx C., Hornstein N., Nunes J. Icelandic control really is A-movement: Reply to Bobaljik and Landau. *Linguistic Inquiry* 41(1), 2010. P. 111–130.
- Bruening 2019 — Bruening B. Disjunctive selection is necessary for “Hierarchy of Projections” and it accounts for transitivity failures. Unpublished ms, 2019. Available at <https://udel.edu/~bruening/Downloads/DisjunctiveSelection1.pdf>.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. Martin R., Michels D., Uriagereka J. (eds.). *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89–155.
- Comrie 1974 — Comrie B. The second dative: A transformational approach. Brecht R., Chvany C. (eds.). *Slavic transformational syntax*, Michigan Slavic materials, 10. Ann Arbor: Michigan University Press, 1974. P. 123–150.
- Fortuin 2003 — Fortuin E. The conceptual basis of syntactic rules: a semantic motivation for the second dative in Russian. *Lingua* 113(1), 2003. P. 49–92.
- Franks 1990 — Franks S. Case, configuration and argumenthood: Reflections on the second dative. *Russian Linguistics* 14(3), 1990. P. 231–254.
- Landau 2000 — Landau I. *Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions*. Springer, 2000.
- Landau 2008 — Landau I. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory* 26(4), 2008. P. 877–924.
- Landau 2015 — Landau I. *A two-tiered theory of control*. The MIT Press, 2015.
- Marantz 1991 — Marantz A. Case and licensing. Paper presented at the 8th Eastern States Conference on Linguistics. University of Maryland, Baltimore, 1991.
- Miller 1986 — Miller J.E. A third look at the second dative. Brecht R.D., Levine J.D. (eds.). *Case in Slavic*. Columbus: Slavica, 1986. P. 296–311.
- Neidle 1988 — Neidle C.J. *The role of case in Russian syntax*. Dordrecht: Kluwer, 1988.

Pereltsvaig 2008 — Pereltsvaig A. Split phrases in colloquial Russian. *Studia Linguistica* 62(1), 2008. P. 5–38.

van Urk 2010 — van Urk C. On obligatory control: a movement and PRO approach. Unpublished manuscript, 2010.

Appendix

Following an anonymous reviewer's suggestions, I include in the paper a corpus of examples which served as the basis for my analysis. The list below is meant to be just illustrative and not exhaustive, it is not intended to contain all the potentially relevant examples which may be found in the Internet, though I assume that all the acceptable patterns are instantiated by one or more sentences provided herein.

The examples are presented as they were found, in Cyrillic alphabet and preserving the authors' orthography and punctuation, and they were neither glossed nor translated into English due to space limitations.

- (1) «У нас действительно надолго? Хочешь мучиться самой и мучить меня?.. У меня был один... ОПЫТ. [Л. В. Зайцева. Где прошлогодний снег (2002)] (НКРЯ)
- (2) Тогда я решил быть внимательнее и попытаться самому разобраться в следах. [В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю (1917)] (НКРЯ)
- (3) И Челентано оставил Богу — Богово, а себе — кесарево. Решил самому кино не снимать, только сниматься. И снялся — в «Укрощении строптивого» (1980). С Орнеллой Мути. [Анна Глебова. Раствор Челентано // «Домовой», 2002.02.04] (НКРЯ)
- (4) А я никуда и не ходил. Решил остаться дома и самому подготовиться. [<https://books.google.ru/books?id=ExKiDwAAQBAJ>]
- (5) Таким образом, Алан Тьюринг принял свое судьбоносное решение и предпочел самому выйти на связь с британским правительством. [<https://books.google.ru/books?id=O1nmCgAAQBAJ>]
- (6) ...предпочёл самому скакать верхом, обдумывая тот путь, где могло не оказаться твёрдой дороги. [<https://books.google.ru/books?id=YYINDgAAQBAJ>]
- (7) Честно говоря, я предпочел самому нарисовать новое дерево с еще более проработанной структурой — мне легче, когда нет посторонних глаз. [<https://n-dodonov.livejournal.com/262461.html>]

- (8) Писать много не буду) но если не хочешь самому менять антифриз, тогда машинка подскажит сама.
[<https://www.drive2.ru/r/subaru/legacy/502261310688330481/logbook/>]
- (9) Если хочешь самому жить сыто и достойно, то необходимо дать другим тоже жить хорошо.
[<http://saint-petersburg.china-consulate.org/rus/zlgxw/t794470.htm>]
- (10) Хочу самому поменять замок на двери, что для этого понадобится?
[<https://otvet.mail.ru/question/216947751>]
- (11) Настоятельно рекомендую всем этот отель, и надеюсь самому попасть сюда еще раз!
[<https://www.hotels.ru/rus/hotels/spain/pineda-de-mar/merce/reviews>]
- (12) Попробую самому сделать пакеты из стопки бумаги, купленной ранее для "мемуаров", так как туалетная быстро разваливается.
[<https://dxdy.ru/post605520.html>]
- (13) Я все таки попробую самому научиться, так как собираюсь менять форму каждый сезон... [<https://fmfan.ru/profile/131260-fara-kz/>]
- (14) Спасибо, как-то до этого избегал самому сортировать массив, но с твоего комментария решил начать.
[<https://javarush.ru/tasks/com.javarush.task.task08.task0826>]
- (15) Он избегал взгляда Стаса, избегал самому смотреть на него, пропихивал руки поглубже в карманы куртки и хмурился.
[<https://ficbook.net/readfic/5587996/14566599>]
- (16) мы тут стоим с такой прекрасной арочке, фото которой у нас тоже нет. я совсем забыла самой что-то фототкать для истории хотя бы)
[<https://amano.livejournal.com/421836.html>]
- (17) Мне устанавливали в конторе, т.к. я поостерегся самому разбирать почти всю панель.... [<http://cr-v.su/forums/honda-cr-v-Multimediynye-GU-v-shtatnoe-mesto-t2140-st990>]
- (18) Смелый и креативный)) Придумал такой классный ресурс! И не боялся одному ездить по Латинской Америке!
[<https://www.adme.ru/svoboda-puteshestviya/avtor-admeru-proehal-pochti-vsyu-latinskuyu-ameriku-za-100-dnej-priznatsya-on-do-sih-por-v-shoke-1961965/comments/>]

- (19) Серега побоялся одному заходить внутрь и поэтому позвал Леху.
[<https://zen.yandex.ru/media/id/5d981e84fc69ab00ada57669/nashli-izbu-iz-proshlogo-5d98ac163639e600b082ab75>]
- (20) Ох как же я ненавижу одному в доме быть, так одиноко.
[<https://thesims.cc/threads/telefon-doverija.10288/page-47>]
- (21) Знал бы, так заказал бы тебе его намотать сразу, а то я ненавижу самому такое мотать :)
[<https://www.radiokot.ru/forum/viewtopic.php?f=51&t=144974>]
- (22) Когда закончился фильм, Сергей Сергеевич уже думал самому набрать ее номер, но в ту же минуту телефон зазвонил. Звонила она.
[<https://books.google.ru/books?id=OfybDwAAQBAJ>]
- (23) Я уж решил, что ты не придешь, думал самому за тобой ехать, ну, проходи, чего встал?
[<https://books.google.ru/books?id=LwFPDwAAQBAJ>]
- (24) Я бы не отказался самому там постоять...
[<https://alexmoskalyuk.livejournal.com/650274.html>]
- (25) Сын этой супружеской пары и внук строителя дома, предпочёл не жить самому во дворце, но отдавал его в пользование приезжим сановникам... [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дворец_Итурбиде]
- (26) Правда, реально университет предпочел не выгонять, а самому отделиться от церкви. [<https://machanaim.livejournal.com/247333.html>]
- (27) Поэтому я предпочел не делать это самому, а обратиться за помощью в соответствующую компанию.
[<https://www.uznai24.su/company/diplomgarant>]
- (28) Люди, меня жаба душит самому все делать.
[<https://forum.mista.ru/topic.php?id=339277>]
- (29) Эт всё мишура, на самом деле меня тоже жаба душит самому купить %). [<http://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=596843&page=8>]
- (30) И дернул же его черт покинуть архив и самому пилить через весь город! [<https://proza.ru/2013/10/18/486>]
- (31) Чёрт дёрнул Серёжу самому залезть в Интернет в поисках подтверждения бесплодности их самодеятельности.
[<https://ficbook.net/readfic/3527975>]

- (32) Черт дёрнул ещё и щиток самому собрать. Вроде несложно показалось.
[<https://mastergrad.com/forums/t270354-menyayu-provodku-nuzhna-konsultaciya/?page=3>]
- (33) Вообще, денег не было, проездил два года, и чёрт меня дёрнул по-пробовать самому вручную полирнуть, авось получится, гараж то без электричества, всё вручную приходится делать.
[<https://www.drive2.ru/l/7432584/>]
- (34) Все бы хорошо, но черт меня дернул поленился менять их самому(там 10 минут времени нужно) [<https://www.drive2.com/l/151540/>]
- (35) 1 месяц вождения: из сервиса черт дернул выкатить авто самому...
[<https://teron.online/index.php?showtopic=33875&st=40>]
- (36) Черт меня дернул, недавно, самому его затронуть.
[<http://dibr.nnov.ru/hf1.php?n=2718&d=hf1.html>]
- (37) к слову, я сам проверял качество звука у знакомой девченки. ну и черт меня дернул не просто самому проверить, а еще дать попробовать сравнить хозяйке смартфона.
[https://www.iguides.ru/main/gadgets/airpods_phobias/?itape=]
- (38) Черт меня дернул попытаться сделать самому((
[<https://javascript.ru/forum/showthread.php?s=f31c75f9bba088abc69cb936e5112ec7&p=509253#post509253>]
- (39) Сейчас без повестки черт дернул пойти самому без повестки.
[<https://povestka.by/question/10858/>]
- (40) Логинова так и подмывало самому пройтись по этажам, поговорить с людьми, опросить возможных свидетелей.
[<https://books.google.ru/books?id=vfG7Csiqhu0C>]
- (41) Его так и подмывало самому отправиться на место событий и выяснить, что же происходит на самом деле.
[<https://books.google.ru/books?id=GrLcDAAAQBAJ>]
- (42) Барни так и подмывало самому сойти на сушу и отправиться на поиски Беллы. [<https://books.google.ru/books?id=DHpFDwAAQBAJ>]
- (43) Его так и подмывало самому сесть за штурвал и отправиться на поиски загадочного острова.
[<https://www.litmir.me/br/?b=240310&p=6>]

- (44) Сперва меня так и подмывало самому ей напомнить, но потом я отказался от этой идеи...
[https://books.google.ru/books?id=3_8RAgAAQBAJ]
- (45) Расставаться же с замечательным сюжетом Ефремову не хотелось, так и подмывало написать самому — но где же взять время?
[<http://www.i-efremov.ru/publikacii/eremina-smirnov-ivan-efremov66.html>]
- (46) Его подмывало самого взяться за допрос.
[<https://www.litmir.me/br/?b=231787&p=37>]
- (47) Очень его подмывало самого съездить в этот <...> Я. и посмотреть, что к чему, но не хотелось наводить лишний шухер.
[<https://www.proza.ru/2013/03/26/2376>]
- (48) Очень его подмывало и самому совершить воздушное это путешествие и покататься в подземной «болотине».
[<https://cyberleninka.ru/article/n/belletrizovannaya-biografiya-i-anovikova-pushkin-v-izgnanii-sopostavitelnyy-analiz-redaktsiy-teksta>]
- (49) Вас достало самому по утрам искать свои домашние тапочки.
[<https://zen.yandex.ru/media/id/5c7784678964fb00b3c757b0/pravdiviyi-goroskop-na-2021-marta-2019-5c922b520150d300b3d5d444>]
- (50) А меня если честно достало самому искать каталожные и\или кросс-коды -> приходиться в магаз -> говорить какой каталожный мне надо — > еще и бабки им платить.
[<https://www.drive2.ru/l/551756926124294591/>]
- (51) Все, Вернера достало самому читать все анекдоты...
[<https://www.anekdot.ru/id/-9997516/>]
- (52) Начал с малого, написал в УК, чтобы заменили лампы на 2 из 3 этажей в нашем доме, достало самому ползать и за своей счет менять.
[https://pikabu.ru/story/strannosti_zhkkh_i_uk_4691249]
- (53) Просто уже меня достало постоянно одному кататься. [<https://police-russia.com/showthread.php?t=22406&page=12>]
- (54) А отдел уже выздоровел зато, а то меня достало сидеть одному целую неделю, втроём веселее хоть. [<https://juick.com/tag/Птз>]
- (55) Ничего выдающегося при комнатной акустике конешн, но меня уже достало самого громкость поднимать у трека при прослушивании
[<https://vk.com/wall-8758628?own=1>]

- (56) Однако самого удачливого пиратского капитана угораздило самого пасть жертвой несчастной любви к пылкой рыжеволосой красавице-голландке. [<https://books.google.ru/books?id=N2e2BgAAQBAJ>]
- (57) Меня угораздило самого написать подробное пособие. [<http://forum.blf.ru/showthread.php?t=4458&page=3>]
- (58) Может быть, какие-то лаборатории, может быть -спецслужбы... может быть, Тиста угораздило самого попасть в качестве разрабатываемого объекта. [<http://academymagic.ru/corner/user/1173>]
- (59) А Платона-то оказывается угораздило самого в Елену Фоминишну влюбиться! [<http://adjutantilubvi.flybb.ru/topic389.html>]
- (60) Миша-Миша, как же тебя угораздило самому так бездарно влететь с тем халявным спиртом? [<https://books.google.ru/books?id=3Za6CwAAQBAJ>]
- (61) Вот тогда меня впервые угораздило самому ощутить это чувство — влюблённость. [<https://books.google.ru/books?id=fDrBDwAAQBAJ>]
- (62) Как вас угораздило самому вести «Ночной дождор»? [<https://tricolorotvmag.ru/article/canals/anton-arens-intervyu-s-generalnym-direktorom-kanala-telekafe-2018/>]
- (63) Хотел предостеречь от заказа двери в компании Крассталь, в которой угораздило самому заказать дверь. [<https://www.zamkidveri.com/forum/40/thread33984.html>]
- (64) Как меня угораздило самому себя исключить из компании? [<http://www.psychologies.ru/story/pochuvstvovat-sebya-odnim-iz-nih/>]
- (65) Вскоре, правда, меня угораздило самому написать плеер:) [<http://www.klyachin.ru/forum/topic.php?forum=3&topic=1129&p=7&PHPSESSID=u814f74paa6ld20h8vum2lkrq6>]
- (66) Как тебя угораздило самому стать мотеро? [<https://www.litmir.me/br/?b=278886&p=65>]
- (67) И вот, когда мне было около 19 лет, меня угораздило самому вляпаться в такую историю. [<http://притяжениеростова.рф/2017/06/18/ул-советская-д-32/>]
- (68) И как это Вас угораздило самому принести на блюдечке против себя же разгромный аргумент, да еще Вашему залятому другу Зафоду, ума не приложу. [<http://www.conservator.ru/forums/telegraf/posts/20177.html>]

- (69) Как тебя угораздило вообще ходить самому по улице?
[<https://4stor.ru/histori-for-not-life/22582-zastyvshaya-sekunda.html>]
- (70) я из Украины из Донецка, в виду сложившихся обстоятельств вынужден был бежать из родного города, и угораздило меня забраться одному в Питер. [https://pikabu.ru/story/ugorazdilo_zhe_tak_2780822]
- (71) Раскройте, так сказать, глаза, раз уж вас угораздило здесь одному во всём белом оказаться, не ограничивайтесь лишь праведным негодованием. [<https://bmpd.livejournal.com/3117001.html?page=2>]
- (72) Но если все же близнеца угораздило остаться одному в квартире, он легко может восполнить недостаток энергии...
[<http://ierofanta.net/gde-cherpaut-sily-raznye-znaki-zodiaka.php>]
- (73) От странного ритма его так и тянуло затанцевать самому.
[<http://newlit.ru/~vadimov/5063-5.html>]
- (74) Очень сильно тянуло переобуться самому, но что-то не давало это сделать. [<https://www.drive2.ru/l/500354482647859398/>]
- (75) Володю очень тянуло сбегать самому на Митридат и узнать, что там произошло, [<https://www.litmir.me/br/?b=13653&p=53>]

Статья поступила в редакцию 01.10.2020

The article was received on 01.10.2020

Федор Владимирович Байков

МГУ имени М. В. Ломоносова

Fyodor V. Baykov

Lomonosov Moscow State University

baykov3105@mail.ru

К ТИПОЛОГИИ ЛИЧНО-ПАДЕЖНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: ДАнные ХЕТТСКОГО ЯЗЫКА *

Е. А. Лютикова¹, А. В. Сидельцев²

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, ²Институт языкознания РАН

В статье мы анализируем конфигурации, демонстрирующие лично-падежные ограничения, в хеттском языке. Эти конфигурации включают активные и пассивные битранзитивные конструкции, а также неаккузативные конструкции с аппликативным аргументом. Мы показываем, что хеттский язык уникален внутри класса языков с лично-падежными ограничениями субъектных слабых местоимений (баскский, чинук, исландский), поскольку обладает двумя локусами лицензирования местоименных клитик. Во-первых, поскольку аргументные клитики в хеттском языке могут быть только внутренними аргументами, лицензирование клитик, связанное с лично-падежными ограничениями, должно происходить на уровне νP . Во-вторых, поскольку субъектные клитики падежно зависимы от финитного T, падежное лицензирование и предикативное согласование должны происходить на уровне TP. Таким образом, хеттский язык занимает особое место в типологии языков с лично-падежными ограничениями и показывает, что такие ограничения могут быть следствием согласовательных процессов, не связанных с приписыванием падежа.

Ключевые слова: лично-падежные ограничения, согласование, падеж, аргументные клитики, хеттский язык.

* Работа над статьей была поддержана грантом РФФИ 20-012-0017А. Мы признательны анонимным рецензентам за критические замечания и предложения.

TOWARDS THE TYPOLOGY OF PERSON CASE CONSTRAINT: EVIDENCE FROM HITTITE*

Ekaterina Lyutikova¹, Andrei Sideltsev²

¹Lomonosov Moscow State University, ²Institute of Linguistics RAS

In this paper, we analyse the configurations of Person Case Constraint (PCC) in Hittite, which include both ditransitive and passive/unaccusative construals. We show that Hittite is unique among languages exhibiting PCC with subject weak elements (e.g. Basque, Chinook, Icelandic) in that it involves two loci of licensing clitic pronouns. First, since clitics are only licit as internal arguments in Hittite, clitic licensing characterized with the PCC effects should take place at the ν P level. Secondly, since subject clitics are case-dependent on the finite T, they should be case-licensed at the TP level, after their ν P-level clitic-licensing. In this way, Hittite introduces a new cell in the typology of PCC languages and demonstrates that PCC may result from agreement processes distinct from case assignment.

Keywords: Person Case Constraint, agreement, Case, argument clitics, Hittite.

* This work has been supported by the grant RFBR 20-012-0017A. We are grateful to the anonymous reviewers for the helpful criticism and suggestions.

1. Background

In this section we introduce background information on Person Case Constraint (PCC) and licensing conditions behind it. The key notion here is ϕ -agreement, which is syntactic agreement in person and number. In the minimalist literature, ϕ -agreement is modelled as a generalized Agree operation, which establishes a relation between a lexical item α — a probe — and a feature F — a goal — in some restricted search space (domain) of α [Chomsky 2000]. ϕ -agreement is generally found in verbal predicates, as in (1a) from Tatar; in this case, functional heads T (for subject agreement) and ν (for object agreement) act as probes. Another configuration where ϕ -agreement is regularly found is possessive agreement on nouns ((1b) from Tatar), with a nominal functional category (Poss/D) serving a probe.

(1) Tatar

a. *min kil-di-m* / **kil-di-∅*.
 I.NOM come-PST-1SG come-PST-(3)
 ‘I came.’

b. *minem kijem-em* / **kijem-e* / ?**kijem*
 I.GEN clothing-1SG clothing-3 clothing
 ‘my clothing’

In the formal syntactic literature, ϕ -agreement has been claimed to be a licensing condition for at least two linguistic phenomena — structural case licensing and marked person licensing.

Since [Chomsky 2000], ϕ -agreement is considered as a precondition for valuation of the structural case feature on DP. Minimalism inherits GB’s idea of Case as a licensing condition for nominal constituents [Chomsky 1981]; consequently, any DP that is not lexically governed needs to agree with a functional head in order to be licensed. In the feature-driven computation, case licensing is conceived of as valuation of *uCase* feature: “Taking structural Case to be a reflex of an uninterpretable ϕ -set, it too erases under matching with the probe” [Chomsky 2000: 122]. The need for valuation follows from legibility conditions: unvalued uninterpretable features cannot be erased and, consequently, provide an illegitimate input to interface levels.

Competing conceptions of case dissociate case assignment from ϕ -agreement (and other unmediated relations with functional heads). The most influential

alternative is a family of configurational case theories [Marantz 1991; Bobaljik 2008], where structural case assignment is independent of agreement (but agreement can be case-discriminating).

Typological consideration gave rise to a more moderate position, involving Case-Dependency of Agreement Parameter [Baker 2008; Baker, Vinokurova 2010; Baker 2015], which states that there is a parametric variation among languages and even within a single language with respect to the one-to-one correspondence between structural case assignment and ϕ -agreement.

(2) Case-Dependency of Agreement Parameter [Baker 2008: 155]

F agrees with DP/NP only if F values the case feature of DP/NP or vice versa.

Numerous cross-linguistic studies of agreement phenomena in the last decades revealed specific restrictions on the distribution of weak pronominal elements involving their person feature and syntactic position — the Person Case Constraint (PCC) [Perlmutter 1971; Kayne 1975; Bonet 1991, 1994; Anagnostopoulou 2003, 2005, 2017; Béjar 2003; Béjar, Rezac 2003; Rezac 2007, 2011; a.m.o.]. The constraint is exemplified in example (3) from French.

(3) French

- a. *Paul la / *me / *te lui présentera.*
 Paul 3SG.F.ACC 1SG.ACC 2SG.ACC 3.SG.DAT present.FUT.3SG
 ‘Paul will introduce her / *me / *you to him.’
- b. **Paul me te présentera.*
 Paul 1SG.ACC/DAT 2SG.ACC/DAT present.FUT.3SG
 Int.: ‘Paul will introduce me to you / you to me.’
- c. **Paul te me présentera.*
 Paul 2SG.ACC/DAT 1SG.ACC/DAT present.FUT.3SG
 Int.: ‘Paul will introduce you to me / me to you.’

Example (3) demonstrates restrictions on cooccurrence of argument clitics with specific features in French: in combinations of a direct and indirect object, both of which are phonologically weak, the direct object may not be 1st or 2nd person.

PCC effects differ crosslinguistically as for the combinations of values excluded — there are attested strong, weak, “me first”, ultrastrong versions of PCC [Bonet 1991; Nevins 2007]. However, specific restrictions on the distribution

of weak pronominal elements can be subsumed under a uniform requirement that marked values of the interpretable person feature ([+person]) have to enter agree relation with a functional head. This requirement has been formulated as Person Licensing Condition axiom (4).

(4) Person Licensing Condition axiom [Béjar, Rezac 2003: 53]

An interpretable 1st / 2nd person feature must be licensed by entering into an Agree relation with a functional category.

PCC configurations are structurally defined as domains where two weak elements check their features against the same functional head, and the lower element cannot license its marked person feature. In the ditransitive configuration exemplified with French (5a), phonologically weak indirect and direct objects check their features against v . The indirect object intervenes, and the person feature on the DO remains unchecked. In the unaccusative or passive configuration exemplified with Icelandic (5b), indirect and direct internal arguments compete for agreement with T. Again, person agreement with the nominative object is prevented by intervening quirky subject. In this way, PCC follows from the PLC.

(5) a. ditransitive configuration (French)

b. unaccusative / passive configuration (Icelandic)

Many approaches to PCC [Anagnostopoulou 2003; Béjar, Rezac 2003; Rezac 2007, 2011, a.m.o.] assume that the failure of the structural case assignment is a driving force of PCC. Thus, Rezac states that “...the assimilation of [+person] and Case licensing as a single failure seems promising...” [Rezac 2011: 193]. This move is motivated by theoretical considerations and empirical data. From the theoretical point of view, it is desirable that licensing conditions with overlapping explanatory range be unified. Empirical evidence boils down to the fact that repair strategies for PCC often have to do with alternative case-licensing strategies for the offending argument. In the literature, the following case-related repair strategies are identified: use of a PP with a strong pronoun

instead of an indirect object clitic pronoun in French [Bonet 1991]; “ergativization” of the absolutive agreement in Basque and Chinook [Rezac 2010]; “accusativization” of the unaccusative subject in Finnish [Rezac 2011]; change of clitic in Catalan and French, e.g. “locativization” of the dative clitic [Bonet 2008; Rezac 2011]. All these strategies have to do with alternative syntactic categorization and, consequently, case-licensing of one of the competing arguments.

The line of reasoning bringing together structural case licensing and marked person licensing is as follows. In the situation where a single functional head agrees with two goals, the lower goal cannot have its case feature valued — either because the probe is not ϕ -complete or because the indirect object intervenes. In this way, the PLC axiom becomes epiphenomenal and derives from a single case-licensing condition on DPs.

An alternative of case-based accounts is that PCC follows from PLC axiom, which is an independent requirement, coupled with some structural condition on the licensing agreement, e.g. a strict locality condition in (6).

(6) Structural condition on person agreement (SCOPA) [Baker 2008: 52]

A category F can bear the features $+1$ or $+2$ if and only if a projection of F merges with a phrase that has that feature and F is taken as the label of the resulting phrase.

If multiple specifiers are prohibited, only the higher argument can enter into the local configuration with F by moving to the specifier of F . Consequently, in double object configurations, only the higher argument is allowed to be 1st or 2nd person.

In this paper we present evidence for the latter approach, severing [$+person$] licensing from case licensing. Specifically, we discuss data from Hittite (Indo-European language of the Anatolian group, attested in the 17th–12th centuries BC in cuneiform writing on clay tablets found in Central Anatolia). Identifying major properties of the two licensing conditions — [$+person$] licensing in clitics and case licensing in nominal arguments — for Hittite, we argue for two distinct processes of licensing in Hittite clitics. This distinction is a rationale of the proposed analysis which derives PCC effects in Hittite clitics independently of structural case assignment.

The rest of the paper is organized as follows. In section 2, we present Hittite data and draw generalizations capturing clitic licensing and case assignment in this language. Section 3 discusses problematic aspects of case-based approaches to PCC in Hittite, which call for an alternative analysis. This analysis is presented in section 4. Section 5 concludes.

2. Data

In this section, we discuss the two relevant issues of Hittite grammar: the syntax of argument clitics and the syntax of agreement and case.

Argument clitics in Hittite are positioned within Wackernagel enclitic chain, which can host the following clitics: quotative particle *-wa(r)*; argument clitics; reflexive particle *-za*; locative adverbs *-an*, *-ap(a)*, *-(a)šta*, *-kan*, and *-šan*. We see one of the longer chains in (7) where four enclitics simultaneously occur in the enclitic chain: the quotative particle *-war*, the 3rd person singular common argument clitic *-aš*, the reflexive pronoun *-za* and the locative clitic adverb *-kan*:

- (7) *nu = war = aš = za = kan* *anda* *[wa]ršiya-zi*
 CONN = QUOT = 3SG.C.NOM = REFL = LOCP in be_satisfied-3SG.PRS
 ‘And she will show herself satisfied with it.’
 (NH/NS (CTH 583) KUB 15.5 + obv. i 15 following [de Roos 2007: 72]).

As for the linear order, clitic clusters in Hittite are consistently arranged in the template of six slots (Table 1). The three slots reserved for argument clitics are identified by shading.

Table 1. The structure of clitic clusters in Hittite

Slot i	Slot ii	Slot iii	Slot iv	Slot v	Slot vi
quotative particle	argument clitics: 1/2PL.DAT/ACC, 3PL.DAT	argument clitics: 3SG/PL.NOM/ACC	argument clitics: 1/2SG.DAT/ACC, 3SG.DAT	reflexive particle	locative adverb

Argument clitics are true arguments, not agreement markers. Hittite does not employ clitic doubling, that is, argument clitics are not used for indexing verbal arguments. This follows from the complementary distribution of clitics and DP-arguments, illustrated in (8)–(10).

- (8) ... = CL_i ... (*stressed pronoun_i/DP_i)
kēzza = ma = mu ^D*Hebat* ^{URU}*Kummanni* ANA EZEN
 this.ABL = but = I.DAT Hebat Kummanni to festival

ḫalziya-uwaš *nakkēš-ta*
 invoke-INF trouble-3SG.PST

‘At that time Hebat of Kummanni troubled me with regard to the festival of invocation.’ (NH/NS (CTH 61.II.4) KUB 19.30 rev. iv 11-13 following [CHD L-N: 371]).

(9) ... (= *CL_i) ... DP_i

[*nu ap*]*āt* *ēšhar* *apēdani* UN-*ši*¹ *nak*[*kēš-z*]*i*
 CONN that.NOM.SG blood.NOM.SG that.DAT.SG person.DAT.SG trouble-3SG.PRS

‘And that act of bloodshed troubles that person.’ (NH/NS (CTH 277.4.B) KBo 14.68 + obv. i 16’-7’ following [Dardano 2006: 150–151], [CHD L-N: 372]).

(10) ... (= *CL_i) ... stressed pronoun_i

n = aš *ammuk nakkēš-tat*
 CONN = 3SG.C.NOM I.DAT trouble-3SG.PST.MED

‘She troubled me.’ (NH/NS (CTH 70.1.A) KUB 14.4 + rev. iii 25 following [Singer 2002: 76], [CHD L-N: 371]. Cf. [Miller 2014: 521]).

As for case paradigm, Hittite argument clitics distinguish three cases: NOM (subject), ACC (direct object), DAT (indirect object) (see also Table 1). Other nominals have a wider paradigm, which comprises also genitive and ablative case forms.

The essential generalization restricting the distribution of argument clitics is that argument clitics, including subject clitics, are only licit as internal arguments [Garrett 1990]. Accordingly, accusative and nominative clitics are complementarily distributed: nominative subject clitics only appear in passives and unaccusatives, whereas accusative direct object clitics only turn up in transitives (Table 2).

Table 2. Distribution of subject / direct object clitics

	Transitives	Passives	Unaccusatives	Unergatives
subject clitic	—	+	+	—
DO clitic	+	—	—	—

Dative clitics can instantiate both “thematic” datives (Recipient, Addressee, Experiencer), cf. (11), and “free” datives (e.g. possessive dative, dative of interest), cf. (12).

(11) *nu = šmaš = at* *pe-ḥḥi*

CONN = you.PL.DAT = 3SG.N.ACC give-1SG.PRS

‘I will give it to you.’ (NH/NS (CTH 378.2.A) KUB 14.8 rev. 36’ following [Rieken et al. (eds.)], hethiter.net/: CTH 378.2 (INTR 2016-01-18)).

(12) *n = aš = ta = kkan* BA.Úš

CONN = 3SG.C.NOM = you.DAT = LOCP died

‘She died on you!’ (NH/NS (CTH 180) KUB 23.85 obv. 6 following [Hoffner 2009: 365]).

¹ Hyphen separates morphemes, en dash separates components of a single morpheme written in different scripts.

Traditionally, restrictions on the cooccurrence of argument clitics is described as a ban on doubly filled slots in the clitic cluster: one slot cannot be filled twice. Additionally, slots (ii) and (iv) are mutually exclusive. This amounts to the following list of empirical generalizations:

(i) the Hittite clause licenses at most two argument clitics;

(ii) in a combination of two argument clitics, one is dative and the other is either accusative or nominative;

(iii) in a combination of two argument clitics, the accusative / nominative clitic can only be 3rd person.

In [Lyutikova, Sideltsev 2020], we reinterpret the generalization (iii) as an instance of the strong PCC, often attested in languages with argument clitics [Bonet 1994]. PCC in Hittite affects both transitive (13) and intransitive (14) configurations.

(13) *nu = šmaš = at* *lē* *āra* *iyenzi*
 CONN = YOU.PL.DAT = 3PL.ACC PROHIB right do.3PL.PRS
 ‘They will not make them right for you.’ (NH/NS (CTH 42.A) KBo 5.3 + obv. ii 8).

(14) *n = aš = mu* *ariyašešna-za* *GIM-an* *SI × S[Á-at]*
 CONN = 3SG.C.NOM = I.DAT inquiry-ABL as determine-3SG.PST.MED
 ‘And just as she has been ascertained for me through the inquiry.’ (NH/NS (CTH 578) KUB 50.87 rev.[?] 7, similar to 12’ following [van den Hout 1998: 156]).

Importantly, non-clitic arguments do not cause PCC violation either as indirect objects or as direct objects / subjects. That is, they are licit as 1st-2nd person direct internal arguments, even in the presence of the dative clitic (15), and do not intervene as datives when the clitic direct internal argument is 1st-2nd person (16).

(15) a. *nu = wa = mu = za* *zik* *EN-aš* *ēš*
 CONN = QUOT = I.DAT = REFL you.NOM lord.NOM.SG.C be.2SG.IMP
 ‘Be my lord!’ (NS (CTH 341.III.1) KUB 33.123 rev. iv 4, cf. [Rieken et al. (eds.)], hethiter.net/: CTH 341.III.1 (INTR 2009-08-12)).

b. *nu = šši = kan* *zik* *DINGIR-LUM* *anda aššuli* *tīya*
 CONN = 3SG.C.DAT = LOCP you.NOM.SG goddess in favourably step.2SG.IMP
 ‘You, goddess, be favourable to him.’ (NS (CTH 406) KUB 7.8 + obv. ii 18, cf. [Mouton (ed.)], hethiter.net/: CTH 406 (INTR 2017-01-12)).

- (16) a. *nu = mu = za kēdani kēzza tuppiazza katta [p]unušš-andu*
 CONN = I.ACC = REFL this.DAT this.ABL tablet.ABL down ask-3PL.IMP
 ‘They may ask me about this on the basis of this tablet.’ (NH/late NS (CTH 203) KUB 40.1 rev¹. 30-31, Cf. [Hoffner 2009: 361]).
- b. DINGIR-LIM-n-i = *wa = tta ammuk tarna-ḥḥi*
 deity-DAT.SG = QUOT = you.ACC.SG I.NOM.SG lead-1SG.PRS
 ‘To the deity of the process I will lead you!’ (NH/NS (CTH 81.A) KUB 1.1 + obv. i 37-8 following [Otten 1981: 6–7], [van den Hout 2003: 200]).

Predicate agreement in Hittite targets the subject irrespective of whether it is instantiated by a clitic (17) or by another nominal (18).

- (17) *n = aš āppa QATAMMA kiš-aru*
 CONN = 3SG.C.NOM back likewise become-3SG.IMP.MED
 ‘May he become likewise.’ (MH²/MS CTH 331.1 KUB 33.66 + obv. ii 21’ following [Rieken et al. (eds.)], hethiter.net/: CTH 331.1 (INTR 2009-08-12)).

- (18) *k[u]itman = wa = za weš INA URU Hattuš-i eš-wen*
 while = QUOT = REFL we.NOM in Hattusa-DAT.SG be-1PL.PST
 ‘While we were in Hattusa...’ (MH/MS (CTH 186) HKM 17 obv. 5–6).

Predicate agreement appears to be in one-to-one correspondence with subject licensing. Non-finite clauses (infinitives, participial clauses, nominalizations) lack agreement and do not license a subject (overt subjects are only available in raising/ECM configurations, see [Lyutikova, Sideltsev, to appear]). Thus, Hittite nominative can be said to be dependent on predicate agreement (CDAP: yes). It seems plausible that accusative direct objects are licensed by the transitive *v* / active Voice: on the one hand, accusative DOs are licit in control infinitives of transitive verbs; on the other hand, they are not found with unaccusatives and passives.

Importantly, non-clitic noun phrases (strong pronouns, DPs) are licit in those structural positions where clitics are attested. This fact provides a significant contrast with French, where strong pronominal arguments are excluded and only appear under PCC repair. Specifically, various types of datives, including “free” datives, are available for non-clitic nominals, cf. (19)–(20).² Therefore,

² This excludes analyses which rely on the dichotomy of applicative and prepositional datives in explaining why strong elements do not cause PCC.

weak and strong arguments do not differ as to their base position, case-licensing and agreement-inducing properties.

(19) *n = aš ammuk nakkēš-tat*
 CONN = 3SG.C.NOM I.DAT trouble-3SG.PST.MED
 ‘She troubled me.’ (NS/NH (CTH 70.1.A) KUB 14.4 rev. iii 25 following [CHD L-N: 371]).

(20) *n = an = kan UN-š-i imma tāi-tteni*
 CONN = 3SG.C.ACC = LOCP man-DAT.SG FOC steal-2PL.PRS
 ‘Are you stealing it from just a man?’ (MH/NS (CTH 264.A) KUB 13.4 rev. iv 21 following [Miller 2013: 262–263]).

To sum up, argument clitics in Hittite are like other nominals with respect to case issues but are special in that they show PCC and are only licensed ν P-internally. These properties of the two classes of arguments are summarized in Table 3.

Table 3. Properties of argument clitics vis-à-vis non-clitic nominals

	Structural positions	[+ person] licensing	Intervention in PCC contexts	Case-licensing	Predicate agreement
argument clitics	internal arguments	+	+	+	+
non-clitic nominals	whatever	—	—	+	+

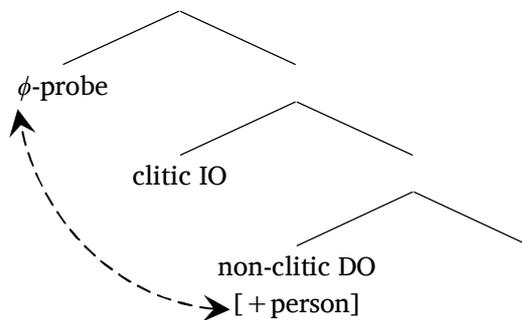
3. Problem

The approach unifying the two agreement-based licensing conditions and reducing them to a single case-related filter is highly appealing. However, it encounters several problems, both general and language-specific.

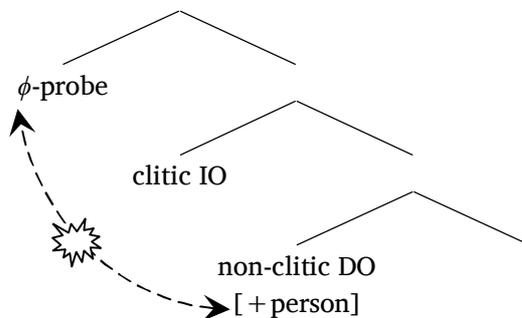
For one thing, this approach cannot capture the difference between weak and strong pronouns. The problem is that all types of DPs are subject to Case filter (therefore, should be assigned case under ϕ -agreement), but only phonologically weak elements show restrictions like PCC which result from the failure of ϕ -agreement.

This is shown schematically in (21). Since non-clitic nominals are case-licensed in PCC configurations (21a), ϕ -agreement should be successful. But, in the very same configuration, [+ person] clitic arguments are not licit (21b).

(21) a. ϕ -agreement holds (case assigned)

b. ϕ -agreement fails (PCC)

Another problem arises when languages like Hittite are incorporated into the whole picture. The peculiarity of Hittite is that in this language, [+person] licensing and case licensing are associated with different functional heads.

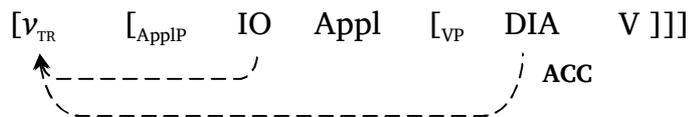
Let us consider the minimal typology of PCC configurations represented in Table 4. We see that the configurations where PCC is attested — transitive, intransitive, or both — are generally determined by the structural case assigned by the head licensing the weak argument — clitic or agreement marker. In Hittite, however, PCC arises in both transitive and intransitive configurations, whereby only the lower head can license clitics.

Table 4. Case assignment in PCC configurations: A minimal typology

	weak element	PCC in ditransitives	PCC in unaccusatives / passives	Structural case in PCC configuration	Locus of [+person] licensing
French	clitic	+	—	ACC (v)	v
Icelandic	agreement	—	+	NOM (T)	T
Basque / Chinook	agreement	+	+	ABS (v)	v
Hittite	clitic	+	+	NOM (T), ACC (v)	v

French, Icelandic, Basque and Chinook show correlation of [+person] agreement and case assignment to the direct internal argument: the structural case attested in PCC configuration (accusative, nominative, or absolutive) is associated with the functional head responsible for [+person] licensing agreement. Accusative languages employ different functional heads to case-mark the direct internal argument in transitive and intransitive configurations. Consequently, if the clause contains only one [+person] licensing probe, PCC would appear either in transitive clauses, if this probe is associated with ν , or in intransitive clauses, if the probe is associated with T, but not in both cases. In contrast, ergative languages case-mark the direct internal argument uniformly with absolutive. Since absolutive licensing in various configurations can be associated with the same functional head — the light ν , as in Tsez and Basque [Polinsky 2016], or T, as in Georgian [Legate 2008] — PCC can emerge in both transitive and intransitive configurations.

(22) a. ditransitive configurations exclusively (e.g. French)

b. unaccusative / passive configurations exclusively (e.g. Icelandic)

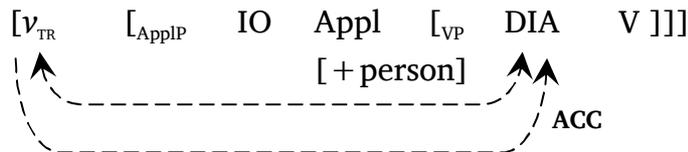
c. ditransitive **and** unaccusative / passive configurations (e.g. Basque)

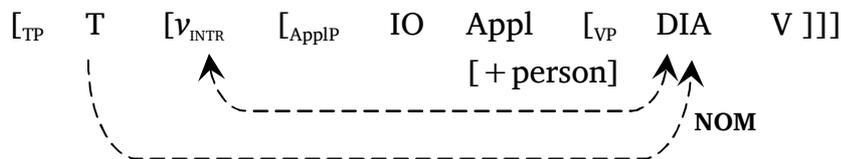
Hittite, however, departs from this model and provides clear evidence for dissociating [+person] licensing and case licensing. Indeed, it instantiates the following bundle of properties. On the one hand, clitics are restricted to internal arguments, hence licensed at the ν -level. On the other hand, subject clitics are assigned nominative and control ϕ -agreement at the T-level. Therefore, structural case assignment in Hittite can depend on a higher functional head (T) that has not yet entered the derivation at the moment when PCC-inducing agreement (at ν -level) takes place.

Schemes in (23) represent the two configurations where PCC is attested in Hittite. Whereas (23a) with a ditransitive configuration can be identified with French (22a), (23b) is different: in unaccusative and passive configurations, clitic licensing and case assignment diverge.

(23) a. ditransitive configurations: clitic licensing and case assignment depend on v

b. unaccusative / passive configurations: clitic licensing depends on v ,
case assignment depends on T

To sum up the problem, we observe that in Hittite, [+ person] licensing and case licensing do not match. As Table 5 states, they differ with respect to various parameters: the licensee, the licensor, the possible interveners, and the exponence.

Table 5. [+ person] licensing and case licensing in Hittite

	[+ person] licensing	Case licensing
Licensee	weak elements (clitics)	any nominal
Licensor	ϕ -probe on v	ϕ -probe on v_{TR} / ϕ -probe on T
Intervention	weak elements (clitics)	—
Exponence	(clitic climbing)	morphological case; predicate agreement

In the next section, we are going to develop the analysis relying on two separate licensing conditions for Hittite. One condition is the [+ person] licensing condition, which is based on ϕ -agreement. It is independently stated and does not follow from the Case filter. The other condition is case licensing. For simplicity, we adopt the standard theory of structural case assignment under ϕ -agreement. However, our approach is perfectly compatible with other views on structural case, in particular, with a family of configurational approaches, which abandon ϕ -agreement as a precondition of structural case licensing.

4. Analysis

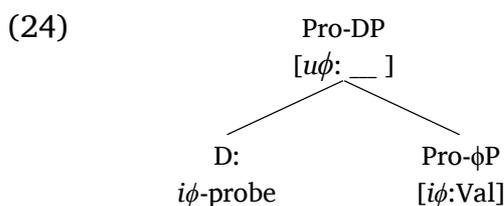
Our analysis includes the following ingredients. First, we propose structural and featural differentiation of weak and strong pronominal arguments. Secondly, we assume the independent requirement of licensing interpretable person feature being operative as a generalized Person Licensing Condition. Thirdly, we propose a system with two licensing conditions based on ϕ -agreement: [+person] licensing and case licensing.

We start by examining the syntactic category of weak and strong pronouns in Hittite. Table 3 in section 2 summarizes their properties. We see that weak pronouns are found in the subset of syntactic positions available for strong pronouns. Both types are case-marked and control predicate agreement, but only weak pronouns are subject to PCC restrictions and can produce PCC effects as interveners.

Evidently, properties of strong pronouns are problematic for two reasons. First, since they can have [+person] feature, how is this feature licensed? Secondly, why do they not intervene in PCC contexts?

[Rezac 2011: 190–191] charts a way to solving the first problem. He proposes that strong pronouns may “have their own Agree/Case system, at least for their [+person], while remaining visible to clausal accusative assignment... The outcome must be such that the clausal Agree/Case system see some ϕ -features on the strong pronoun, which will be a goal for Case assignment, even if these features are already licensed in the DP and incapable of valuing the clausal probe”.

Our analysis elaborates on this proposal. In order to ensure the visibility of clitic pronouns for the [+person]-licensing probe and the invisibility of strong pronouns for it, we propose that in Hittite, clitic pronouns and strong pronouns represent two different classes of Pro-forms in the typology of [Déchaine, Wiltchko 2002]: strong pronouns are DP-proforms, whereas clitic pronouns are ϕ P-proforms. ϕ P possesses the full set of ϕ -features in their interpretable variant, whereas DP acquires ϕ -features' values via agreement of D with its complement ϕ P (cf. (24)).

Crucially, ϕ -features on ϕ Ps and DPs have the same values, but differ in the interpretability: ϕ Ps possess interpretable ϕ -features, and DPs — uninterpretable ϕ -features. The properties of weak and strong pronouns can now be reformulated in the following way: all pronouns possess ϕ -features, but weak pronouns are special in that their ϕ -features are interpretable.

This generalization opens a new perspective in differentiating licensing processes based on ϕ -agreement: [+ person] licensing is associated with specified ϕ -probes, which look for interpretable ϕ -features exclusively, whereas case-licensing probes are unspecified and look for any variants of ϕ -features.

Table 6. Properties of weak and strong pronouns in Hittite reformulated

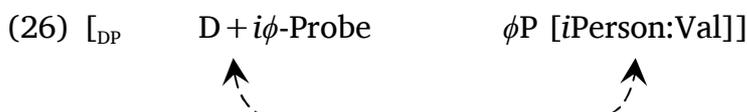
	Specified $i\phi$ -probe: looks for $i\phi$		Unspecified ϕ -probe: looks for ϕ	
	[+ person] licensing	Intervention in PCC contexts	Case-licensing	Predicate agreement
ϕ P [$i\phi$:Val]	+	+	+	+
DP [$u\phi$:Val]	—	—	+	+

This approach allows us to effectively solve the two problems posed by strong pronouns: their invisibility to ϕ -probes responsible for the PCC and their ability to license marked person features on their own.

Recall that the person licensing condition requires interpretable marked person feature to be licensed by agreement. In our approach, interpretable marked person is only found in ϕ Ps, which can appear in argumental positions on their own, as clitic pronouns, or in DP-shell, as strong pronouns. Accordingly, there are two ways of licensing interpretable person of ϕ Ps. In weak pronouns, ϕ P agrees with the clausal functional system. We represent this in (25) as the clitic-licensing head H equipped with a specified $i\phi$ -probe. Intervention effects caused by clitic applicative arguments exclusively follow naturally.

In strong pronouns, ϕ P agrees with its sister D, which is equipped with a specified $i\phi$ -probe as well (cf. (24)). Sisterhood is the most local configuration, and intervention is not expected (26).

Finally, let us introduce case licensing into the picture and determine positioning of various ϕ -probes in the clausal functional system. Since clitics are only licensed as internal arguments, the interpretable person licensing functional head can only be lower than the light ν P. It can be the case that the transitive ν combines the two functions — clitic licensing and structural case assignment, and therefore associated with two ϕ -probes — the specified $i\phi$ -probe, which searches for interpretable ϕ -features, and non-specified ϕ -probe, which searches for whatever ϕ -features. This decision, however, would require additional stipulation about the order of probing. This is why we prefer to introduce a specialized head H. For case-licensing heads — the transitive ν and T — we follow standard assumptions about their positions.

Thus, in (27), a configuration with the two kinds of ϕ -probes obtains. The lower specified $i\phi$ -probe undergoes Agree with clitic goals exclusively and licenses their marked person feature, unless intervention produces PCC. The higher unspecified ϕ -probe enters the Agree relation with any nominal goal and case-licenses it in a standard manner.

(27) [_{TP} T + ϕ -Probe	→ NOM
[_{VP} (EA) ν (+ ϕ -Probe)	→ ACC
[_{HP} H + $i\phi$ -Probe	→ [+ person] licensing
[_{AppIP} IO Appl	← DAT
[_{VP} DIA V ...]]]]	

5. Conclusions

In this paper, we have shown that the Hittite PCC has a number of peculiar properties that make conventional models of PCC reducing the person licensing condition to case issues inadequate. The fact that in Hittite, direct object clitics and unaccusative / passive subject clitics participate in PCC forces us to assume that structural case assignment and [+ person] licensing are two distinct processes. In order to implement this assumption, we have developed an analysis that implies two distinct mechanisms of licensing: interpretable person licensing based on the Person Licensing Condition and case licensing based on a feature-driven version of the Case filter. Keeping the two types of licensing apart allows us to consider clitic and non-clitic nominal arguments as having identical requirements with respect to case-licensing but different requirements with respect to [+ person] licensing. In this way, Hittite gives us an opportunity to see that Person Licensing Condition is not necessarily connected with case licensing but constitutes a separate type of licensing.

Abbreviations

HKM — Hethitische texte aus Maşat-Höyük; MH — Middle Hittite; MS — Middle Hittite script; NH — New Hittite; NS — New Hittite script; CTH — Catalogue des texts Hittites; KBo — Keilschrifttexte aus Boğazköy; KUB — Keilschrifturkunde aus Boğazköy;

1–3 — 1st–3rd person; ABL — ablative; ACC — accusative; APPL — applicative; C — common gender; CONN — clause connective; DAT — dative; DO — direct object; F — feminine; FOC — focus; FUT — future; IMP — imperative; INF — infinitive; LOCP — locative particle; MED — middle; N — neuter gender; NOM — nominative; IO — indirect object; PL — plural; POSS — possessive; PROHIB — prohibitive; PRS — present; PST — past; QUOT — quotative; REFL — reflexive; SG — singular.

References

- Anagnostopoulou 2003 — Anagnostopoulou E. The syntax of ditransitives. Evidence from clitics. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 2003.
- Anagnostopoulou 2005 — Anagnostopoulou E. Strong and weak person restrictions: A feature checking analysis. Heggie L., Ordoñez F. (eds.). *Clitic and Affix Combinations*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2005. P. 199–235.
- Anagnostopoulou 2017 — Anagnostopoulou E. The Person Case Constraint. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds.). *The Wiley Blackwell companion to syntax*, 2nd edition, Oxford: Blackwell, 2017. P. 1–47. <https://doi.org/10.1002/9781118358733.wbsyncom101>.
- Baker 2008 — Baker M.C. The syntax of agreement and concord. Cambridge: Cambridge University Press. 2008.
- Baker 2015 — Baker M.C. Case. Its principles and parameters. Cambridge: Cambridge University Press. 2015.
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M.C., Vinokurova N. Two modalities of case assignment: Case in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. 28(3). P. 593–642.
- Béjar 2003 — Béjar S. Phi-syntax. A theory of agreement. Ph.D. thesis. University of Toronto. 2003.
- Béjar, Rezac 2003 — Béjar S., Rezac M. Person licensing and the derivation of PCC effects. Perez-Leroux A.T., Roberge Y. (eds.). *Romance linguistics: Theory and acquisition*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2003. P. 49–62.
- Bobaljik 2008 — Bobaljik J. Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation. Adger D., Harbour D., Bejar S. (eds.). *Phi-theory: Phi features across interfaces and modules* (Oxford Studies in Theoretical Linguistics 16). Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 295–328.
- Bonet 1991 — Bonet E. Morphology after syntax: Pronominal clitics in Romance languages. Ph.D. thesis, MIT. 1991.
- Bonet 1994 — Bonet E. The Person-Case Constraint: A morphological approach. *MIT Working Papers in Linguistics* 22. The Morphology-Syntax Connection. 1994. P. 33–52.
- Bonet 2008 — Bonet E. The Person-Case Constraint and repair strategies. D'Alessandro R., Fischer S., Hrafnbjargason G.H. (eds.). *Agreement restrictions*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2008. P. 103–128.
- CHD — Güterbock H., Hoffner H. van den Hout T. (eds.). *The Hittite dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*, Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago. 1989–.
- Chomsky 1981 — Chomsky N. Lectures on Government and Binding. The Pisa lectures. Dordrecht: Foris. 1981.

- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. Martin R., Michels D., Uriagereka J. (eds.). *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89–155.
- Dardano 2006 — Dardano P. *Die hethitischen Tontafelkataloge aus Hattusa (CTH 276–282) (StBoT 47)*, Wiesbaden: Harrassowitz. 2006.
- Déchine, Wiltschko 2002 — Déchine R.-M., Wiltschko M. Decomposing pronouns. *Linguistic Inquiry*. 2002. 33(3), P. 409–442.
- Garrett 1990 — Garrett A. *The syntax of Anatolian pronominal clitics*. Ph.D. thesis. Harvard University. 1990.
- Hoffner 2009 — Hoffner H.A.Jr. *Letters from the Hittite Kingdom (SBL WAW 15)*, Atlanta. 2009.
- van den Hout 1998 — van den Hout T. *The purity of Kingship. An edition of CTH 569 and related oracle inquiries of Tudhaliya IV*, Leiden – Boston – Köln. 1998.
- van den Hout 2003 — van den Hout T. *Apology of Hattusili II*. Hallo W., Younger K. (eds.). *The context of scripture*, Vol. 1, Leiden, Boston. 2003. P. 199–204.
- Kayne 1975 — Kayne R. *French syntax*. Cambridge MA: MIT Press. 1975.
- Legate 2008 — Legate J. *Morphological and Abstract Case*. *Linguistic Inquiry*. 2008. 39(1). P. 55–101.
- Lyutikova, Sideltsev 2020 — Lyutikova E., Sideltsev A. On the syntax of argument clitics in Hittite. *Transactions of the Philological Society*. 2020. 118(1). P. 29–78.
- Lyutikova, Sideltsev (to appear) — Lyutikova E., Sideltsev A. Voice neutrality in Hittite infinitives: a restructuring analysis. *Journal of Historical Syntax*. To appear.
- Marantz 1991 — Marantz A. *Case and Licensing*. Westphal G., Ao B., Chae H.-R. (eds.). *Proceedings of ESCOL 91*, Cornell University, Ithaca, NY, Cornell Linguistics Club. 1991. P. 234–25.
- Miller 2013 — Miller J. *Royal Hittite instructions (SBL WAW 31)*, Atlanta. 2013.
- Miller 2014 — Miller J. *Mursili II's Prayer concerning the misdeeds and the outstanding of Tawananna*. *Proceedings of the 8th International Congress of Hittitology*, Warsaw, September 5–9, 2011. Warsaw. 2014. P. 516–557.
- Nevins 2007 — Nevins A. *The Representation of third person and its consequences for Person-Case effects*. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2007. Vol. 25. P. 273–313.
- Otten 1981 — Otten H. *Die Apologie Hattusilis III. (StBoT 24)*, Wiesbaden: Harrassowitz. 1981.
- Perlmutter 1971 — Perlmutter D.M. *Deep and Surface Structure constraints in syntax*. New York: Rinehart and Winston Inc. 1971.
- Polinsky 2016 — Polinsky M. *Deconstructing ergativity: Two types of ergative languages and their features*. Oxford: Oxford University Press. 2016.
- Rezac 2007 — Rezac M. *Escaping the Person Case Constraint: Referential computation in the phi-system*. *Linguistic Variation Yearbook*. 2007. No6. P. 97–138.
- Rezac 2010 — Rezac M. *On the unifiability of repairs of the Person Case Constraint: French, Basque, Georgian, and Chinook*. Etxepare R., Gómez R., Lakarra J.A. (eds.). *Beñat Oihartzabali Gorazarre — Festschrift for Beñat Oyharçabal*, UPV-EHU, Special issue of *Anuario del Seminario de Filología Vasca “Julio de Urquijo” XLIII: 1-2*. 2010. P. 769–790.
- Rezac 2011 — Rezac M. *Phi-features and the modular architecture of language*. Berlin: Springer. 2011.
- de Roos 2007 — de Roos J. *Hittite votive texts (PIHANS 109)*, Leiden. 2007.
- Singer 2002 — Singer I. *Hittite prayers (SBL WAW 11)*, Atlanta. 2002.

Статья поступила в редакцию 02.10.2020

The article was received on 02.10.2020

Екатерина Анатольевна Лютикова

доктор филологических наук; профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова

Ekaterina A. Lyutikova

Dr. Phil. Hab.; professor, Lomonosov Moscow State University

lyutikova2008@gmail.com

Андрей Владимирович Сидельцев

доктор филологических наук; заместитель директора, Институт языкознания РАН

Andrei V. Sideltsev

Dr. Phil. Hab.; deputy director, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

acidelcev@gmail.com

ВЫБОР КЛИТИКИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ ПРЕДИКАТА: ДАННЫЕ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА*

Т. А. Майсак

Институт языкознания РАН,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В работе рассмотрено необычное распределение пяти пар клитик в андийском языке (аваро-андийская группа нахско-дагестанской семьи). Имеется два общевопросительных показателя, два частновопросительных показателя, два показателя косвенного вопроса, два квотатива (показателя цитации) и два репортатива, причем в каждой из пар один показатель используется только при форме аориста в клаузе, тогда как другой — во всех остальных случаях. Мы предлагаем две гипотезы, которые могут пролить свет на природу рассматриваемого явления: во-первых, это связь большинства клитик в парных наборах с фокусным выделением; во-вторых, это утрата связки настоящего времени в аналитических формах, которая позволяет объяснить отнесение (исходно аналитического) перфекта в «дефолтную» группу, противопоставленную синтетическому аористу.

Ключевые слова: клитики, общие вопросы, частные вопросы, косвенные вопросы, квотатив, репортатив, аорист, андийский язык, нахско-дагестанские языки.

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии». Мы благодарим за консультации носителей андийского языка Рамазана Газиева, Чопана Газиева и Меседу Алисултанову, а участников Андийского семинара и участников конференции ТМП-2020 — за плодотворное обсуждение.

THE CHOICE OF A CLITIC CAN BE DRIVEN BY THE TENSE-ASPECT FORM OF THE PREDICATE: EVIDENCE FROM ANDI^{*}

Timur Maisak

Institute of Linguistics RAS,

National Research University Higher School of Economics

The paper addresses the unusual distribution among five clitic pairs in Andi (< Andic < Nakh-Daghestanian). There are two polar question markers, two content question markers, two indirect question markers, two quotatives and two reportatives. One of each pair is used when the clause is headed by the aorist (perfective past), while the other marker is used elsewhere. I suggest two hypotheses which can shed light on the nature of this phenomenon: first, the connection of these clitics with focus marking, and second, the loss of the copula in periphrastic forms, which explains the attribution of the perfect to the non-aorist group.

Keywords: clitics, polar questions, content questions, indirect questions, quotative, reportative, aorist, Andi, Nakh-Daghestanian.

^{*} This research is part of the project “Andi morphosyntax in a typological perspective” supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant No. 18-012-00852a. My thanks are due to Ramazan Gaziev, Chohan Gaziev and Mesedu Alisultanova for their native speaker judgements on Andi, and to the participants of the Andic Seminar and the TMP-2020 conference for fruitful discussions.

1. Введение

В андийском языке (аваро-андийская группа нахско-дагестанской семьи) для выражения целого ряда грамматических функций используются показатели, которые могут быть квалифицированы как (эн)клитики. Эти показатели просодически и синтаксически неавтономны и нуждаются в опорном слове, при этом они примыкают к уже морфологически оформленным словоформам (не к основам) и имеют низкую селективность — в роли опорных могут выступать слова разных грамматических классов. К такого рода клитическим показателям относятся, в частности, аддитив ('тоже'), комитатив ('вместе с'), интенсификатор ('именно', 'даже'), квотативы (вводящие цитату при передаче речи), репортативы ('как говорят, как я знаю с чужих слов'), показатели общего и частного вопроса, показатели сравнения, показатель серии неопределенных местоимений, субординаторы и пр. Сходные единицы, в особенности с аддитивной и квотативной и/или репортативной функцией, отмечаются и во многих других андийских (и, шире, нахско-дагестанских языках). В фокусе нашего дальнейшего внимания, однако, будет находиться одна особенность андийских клитик, которая если и не является уникальной, то по крайней мере обнаруживает гораздо меньше внутригенетических и, вероятно, типологических параллелей.

Дело в том, что некоторые из андийских клитик образуют пары (парные наборы) с дополнительным распределением: а именно, имеется два общевопросительных показателя, два частновопросительных показателя, два показателя косвенного вопроса, два квотатива и два репортатива. В качестве предварительного примера рассмотрим (1) и (2) из рикванинского говора андийского языка: оба предложения представляют собой общие вопросы, в обоих к глаголу примыкает общевопросительный показатель, но если в предложении (1) с формой презенса прогрессива этим показателем является *-le*, то в (2) с формой аориста (перфективного прошедшего) выступает показатель *-de*. Применяемое здесь и далее цветное оформление примеров будет пояснено чуть позже.

(1) андийский (Риквани); элицитация

men *χица* *raL'-rado-le?*
 ты книга читать-PROGR = Q
 'Ты читаешь книгу?'

(2) андийский (Риквани); элицитация

men ingur arχon-de?

ты окно открывать.AOR = Q

‘Ты открыл окно?’

Далее в статье мы остановимся именно на принципах распределения клитик внутри выявленных парных наборов, а также наметим возможные пути поиска причин возникновения такого распределения. В разделе 2 будет дан обзор тех пяти грамматических областей, в которых мы находим по два показателя, выражающих определенную функцию; в разделе 3 будет сформулирован принцип распределения и подчеркнут его не вполне тривиальный характер; в разделе 4 мы обсудим некоторые частичные параллели наблюдаемого распределения, которые удалось обнаружить в языках, родственных андийскому; наконец, в разделе 5 будут сформулированы гипотезы, которые могут пролить свет на природу рассматриваемого явления и его диахронический источник.

Андийский язык — один из малых языков Республики Дагестан, на котором говорят в нескольких горных селах Ботлихского района, а также в переселенческих селах и в городах равнинной части Дагестана. Как и другие языки нахско-дагестанской семьи, это язык с эргативным падежным кодированием, большим количестве локативных падежей, преобладанием левого ветвления, с согласованием по роду («именному классу») на глаголах, прилагательных, демонстративах и ряде других мишеней.

Материалом нашего исследования послужили как тексты на андийском языке, так и наши полевые данные, в том числе экспедиционные материалы, собранные в с. Риквани в 2015–2017 гг. К числу опубликованных на сегодня андийских текстов относятся два переводных издания 2010-х гг. (сборник сказок народов мира на говоре с. Анди и перевод Евангелия от Луки, содержащий черты нескольких говоров), а также тексты из приложений к опубликованному грамматическому очеркам [Дирр 1906; Сулейманов 1957; Церцвадзе 1965; Салимов 2010]. Источники примеров указываются в строке номера примера после указания на язык и говор (село); если пример был получен в ходе полевой работы, он помечен как элицитированный.

2. Парные наборы клитик: обзор грамматических функций

Рассмотрим те функции, которые в андийском языке выражаются парными наборами клитик. Для наглядности в строке глоссирования клитики двух

разных наборов будут выделены разными цветами, **синим** и **красным** (как это сделано в примерах (1)–(2)); в разделе 2.6 будет дана суммирующая таблица с указанием диалектных вариантов клитик¹. Тем же цветом в примерах выделен ярлык глагольной формы

2.1. Общий вопрос

Общие вопросы содержат одну из двух клитик, *-le* или *-de*, причем линейно они могут находиться либо на глаголе, либо на другой составляющей — фокусе вопроса. Расположение на глаголе показано в примерах (1) и (2), а в (3) и (4) ниже иллюстрируется позиция общевопросительных клитик на предглагольном фокусе вопроса.

- (3) андийский (Риквани); элицитация

ali šela-le w-uq'-dja?

Али [завтра] = Q м-приходить-FUT

‘Али ЗАВТРА приедет?’

- (4) андийский (Риквани); элицитация

ali sun-de w-ugo?

Али [вчера] = Q м-приходить.AOR

‘Али ВЧЕРА приехал?’

2.2. Частный вопрос

В частных вопросах используется другой набор клитик — *-vil* (по говорам *-vi*, *-vo*) либо *-di* (по говорам *-to*). Линейно они располагаются на вопросительном слове, как в (6); в случае, если вопросительная группа включает несколько слов, — на ее правой границе, как в (5).

- (5) андийский (Анди); сказки

eʁbi maš:qil-vil χan-šlu-b b-ik'u-dja?

[что <IV> умение] = WH царь-ОБЛ.М-GEN(IV) IV-быть-FUT

‘Какое у царя может быть ремесло?’

- (6) андийский (Анди); сказки

du-j eʁbi-di ti?

ТЫ-ДАТ [что <IV>] = WH статья.AOR

‘Что с тобой случилось?’

¹ Оговоримся сразу, что, учитывая ограниченность доступных нам данных, употребление клитик рассмотрено ниже на материале трех верхнеандийских говоров — сс. Анди, Гагатли и Риквани.

2.3. Репортативность

Одним из способов указания на то, что о сообщаемой ситуации говорящему известно с чужих слов, в андийском языке является использование показателей репортатива *-vodi* либо *-todi*. Такое использование особенно характерно для нарративных произведений фольклорных жанров — сказок, анекдотов, ср. примеры (7) и (8).

(7) андийский (Риквани); элицитация

w-uk'o-d-vodi, *w-uk'o-č'igu-vodi* *se-w* *χan...*
 м-быть-PRF = REP м-быть-PRF.NEG = REP один-М царь
 'Жил да был один царь...' {начало сказки}

(8) андийский (Анди); [Дирр 1906: 78]

onš'i *mola-rasadin-o-di* *b-ič'i-todi* *l'ank:ala*,
 однажды Молла-Насреддин-OBL-ERG III-ловить.AOR = REP заяц

b-ikoti-todi *hede-b* *g^wal-u-la* *hinu*.
 III-быть.CAUS.AOR = REP DEM-III мешок-OBL-IN внутри
 'Однажды Молла Насреддин поймал зайца и посадил его в мешок.'

Интересно, что репортативные клитики, как и вопросительные, не обязательно располагаются на глагольных формах: так, в (9) показатель *-todi* энклитизируется к предглагольной субъектной именной группе 'Молла-Насреддин' (в эргативе).

(9) андийский (Анди); [Церцвадзе 1965: 303]

he-b *rihi* *molla ras:adin-š:-di-todi* *hit'on...*
 DEM-IV время [Молла Насреддин-OBL.M-ERG] = REP говорить.AOR
 'Тогда Молла-Насреддин сказал...'

2.4. Чужая речь (квотатив)

Как это свойственно многим нахско-дагестанским языкам, при передаче речи цитата оформляется клитикой квотатива. При этом в андийском квотативный показатель может быть представлен единой «слитной» формой, располагающейся на правой границе цитаты, либо выступать в «разрывном» виде, с первой частью внутри цитаты и второй — на ее правой границе. Неконечными могут быть компоненты *-vo* либо *-tovo*, вторая часть квотатива выглядит как *-du* (по говорам *=jd*, *=did*).

Слитные формы кватативов *-vojɔd* и *-ʔovojɔd* представлены в примерах (10) и (11). Напротив, в примере (12) на правой границе цитаты находится только компонент *-jd*, тогда как *-vo* располагается внутри цитаты, на форме императива.

(10) андийский (Риквани); элицитация

ali-l'o *ruɬ-o,* *ho-ɰw>a* *w-ugo-b-vojɔd*
 Али-SUP.LAT говорить-IMP [DEM-DIR <M> М-приходить-IMP] = QUOT
 'Скажи Али, чтоб пришел сюда.'

(11) андийский (Риквани); элицитация

ali-d *di-l'o* *ruɬi,* *ʒi-w* *w-ukon-ʔovojɔd*
 Али-ERG я-SUP.LAT говорить.AOR [сам-М М-есть.AOR] = QUOT
 'Али_i мне сказал, что он_i уже поел.'

(12) андийский (Риквани); устный корпус

hege-l-d *ruɬi-d, (...)*
 DEM-OBL.F/N-ERG говорить-PRF

kaj-b-vo *hinni-jd* *ruɬi-d*
 [входить-IMP = QUOT внутри] = QUOT говорить-PRF
 'Она сказала: «Заходи внутрь», — сказала.'

2.5. Косвенный вопрос

Для введения косвенного вопроса в андийском языке используются показатели *-bolo* или *-dibolo*, помещаемые на правой границе зависимой клаузы. Первый из них *-bolo* восходит к уступительному показателю *-bollo*, представляющему собой сочетание кондиционала с аддитивом (*-bollo* < **-bor-lo* [-COND = ADD]); показатель *-dibolo*, насколько нам известно, в литературе ранее не упоминался. В отличие от рассмотренных выше клитик парных наборов, показатели косвенного вопроса не могут смещаться в какую-либо другую позицию, кроме правого края клаузы.

(13) андийский (Анди); сказки

eɰig^wa *isib-lo* *j-ilin-nja-bolo*
 [какой <IV> сторона = ADD F-уходить-FUT] = INDIR

c'inni-r *b-ik^wo-č'igu*
 знать-PROGR IV-быть-PRF.NEG

'В какую сторону пойти, она не знала.'

(14) андийский (Анди); сказки

hege-b hege-ldu b-ik^wo=dibolo se·b·lo-doqi
 [DEM-IV DEM-MNR IV-быть.AOR] = INDIR [другой <IV> -ADV]

b-ik^wo=dibolo c'in-no-su
 IV-быть.AOR] = INDIR знать-НАВ-NEG

‘Так было или иначе — не знаю.’

2.6. Резюме: два набора клитик по функциям

В таблице 1 суммированы данные по парным наборам клитик (ярлыки, которыми названы два набора, будут пояснены в разделе 3). Как можно заметить, по говорам андийского языка клитики не всегда выглядят одинаково. Кроме того, в каждом из наборов клитики не обладают каким-то единым формальным признаком: обобщить их фонетическое сходство можно таким образом, что к дефолтному набору относятся *v*- или *l*-начальные клитики, а к «аористному», — *d*- или *t*-начальные клитики. Можно также заметить, что противопоставление между клитиками двух наборов часто выглядит эквивалентным, хотя в некоторых случаях показатель «аористной» серии представим через показатель дефолтной серии с наращением другой морфемы (ср. *-vo* ~ *-tovo*, *-bolo* ~ *-dibolo*).

Таблица 1. Парные наборы клитик

Функция	Дефолтная серия	«Аористная» серия
Частные вопросы	<i>-vo, -vi, -vil</i>	<i>-di, -to</i>
Репортативы	<i>-vodi</i>	<i>-todi</i>
Квотативы	<i>-vo (-vodli, -vojɔ)</i>	<i>-tovo (-tovodli, -tovoɔ)</i>
Общие вопросы	<i>-le</i>	<i>-de</i>
Косвенные вопросы	<i>-bolo</i>	<i>-dibolo</i>

3. Принцип распределения клитик в парных наборах

Исходя из приведенных выше примеров, а также другого проанализированного нами материала, можно утверждать, что некоторые потенциально возможные принципы, регулирующие выбор клитики, могут быть смело отвергнуты. Так, распределение между вариантами клитик внутри пары не связано

- с разницей в функции (между членами одной пары не заметно каких-либо семантических или иных различий),
- с синтаксической позицией и выбором опорного слова,
- с фонологическими свойствами опорного слова.

Заключение, которое позволяет сделать рассмотренный материал, состоит в том, что выбор клитики из пары связан исключительно с *видо-временной формой предиката*. А именно, одна из клитик в паре может считаться «дефолтной» и используется в большинстве контекстов («синий» набор в Таблице 1), тогда как другая используется в клаузах с вершиной в форме аориста («красный» набор)². Так, в примерах (1), (3), (5), (7), (10), (12), (13) с клитикой из «дефолтного» набора мы видим предикат в таких формах, как презенс прогрессива, футурум, перфект, императив, в остальных примерах — только аорист.

В предложениях с кватативами и косвенным вопросом выбор клитики потенциально мог бы регулироваться либо формой главного глагола, либо формой глагола во вложенной клаузе (цитате, косвенном вопросе). Как оказалось, выбор набора связан именно с формой предиката в зависимой клаузе: ср. дополнительно пример (15), по которому хорошо видно, что в то время как показатель репортатива выбирается по главному предикату (аорист *rɯɬi* ‘сказал’), показатель квататива относится к «дефолтной» серии, что может быть связано только с императивом в цитате.

(15) андийский (Риквани); устный корпус

hogu w-uk'o-b-vojd-ɬodi rɯɬi
 [[внизу м-быть-IMP] = QUOT] = REP говорить.AOR
 ‘{Как рассказывают,} (они) сказали, чтобы он сел.’

Распределение клитик по принципу «аорист vs. всё остальное» достаточно нетривиально по ряду причин:

- значение клитик во всех имеющихся парных наборах не связано напрямую с видо-временной зоной;
- сами парные наборы относятся к разным семантическим / морфосинтаксическим областям — это вопросительность (в широком смысле) и передача речи / заглазность, между которыми вроде бы нет явной связи;
- в форме аориста семантически и деривационно нет чего-то особенного, что бы однозначно противопоставляло его всем прочим формам (по крайней мере на синхронном уровне).

² Для показателей частного вопроса такое обобщение было ранее сделано Я. Г. Сулеймановым [1957: 339; 1983: 172]; он же отметил этот принцип распределения для показателей общего вопроса в рикванинском говоре [Сулейманов 1957: 382].

В связи с последним пунктом обращает на себя внимание тот факт, что вторая (после аориста) наиболее частотная форма прошедшего времени в андийском, а именно перфект, относится к другой группе, чем аорист, см. примеры (7), (13).

4. Частичные параллели и аналоги

Наличие парных наборов показателей (не из видо-временной зоны), выбор которых определялся бы видо-временным значением предиката, для нахско-дагестанских языков в целом не характерно. Нам известно лишь несколько параллелей такого рода, которые описаны ниже.

Прежде всего, сходное поведение некоторых показателей наблюдается как минимум в двух близкородственных андийскому языках андийской группы. Так, для годоберинского языка описаны следующие пары показателей, распределенных по времени глагола: вопросительные *-wi* (*-gu*) vs. *-da*, «эвиденциальные частицы» *-wa* vs. *-la*, «частицы неуверенности» *-waqi* (*-g^waqi*) vs. *-laqi* ‘интересно, Р ли’. В каждой из этих пар первый показатель используется с непрошедшими временами, тогда как второй — с прошедшими, см. подробнее [Kibrik 1996: 39, 182–183, 185, 227–228; Саидова 1973: 106, 140, 141]. В чамалинском языке две пары показателей также имеют распределение, связанное с формой глагола: общевопросительное *-le* (по другим данным, *-χa*) употребляется с будущим временем, а *-du* (*-k'a*) — с прочими формами; репортативное *-χa* / *-χalla* употребляется с прошедшим временем, тогда как *-k'a* / *-k'alla* — с прочими формами [Бокарев 1949: 92, 114; Magomedova 2004: 50]. Не исключено, что в других андийских языках могут обнаружиться похожие примеры, пока еще не отмеченные в существующих описаниях. Так или иначе, наличие подобных параллелей говорит нам о том, что связь выбора определенного показателя с видо-временной формой предиката не является уникальной для андийского и вряд ли представляет собой какую-то необъяснимую «случайность», но скорее всего основана на пока не до конца понятных нам путях диахронического развития, воспроизведенных в ряде родственных языков.

Другой аналог рассматриваемого явления обнаруживается в ицаринском даргинском, языке другой ветви нахско-дагестанской семьи, и касается распределения показателей неопределенных местоимений. Ицаринские неопределенные местоимения образуются от вопросительных при помощи показателей *-āl* или *-dēl*, причем второй из них представляет собой

стяжение *-āl* с показателем прошедшего времени *-di*. Важно при этом, что местоимения на *-dēl* используются в предложениях с временной референцией к прошлому [Sumbatova, Mutalov 2003: 40–41]. В примерах (16) и (17) ниже *čāl* представляет собой стяжение основы *ča-* ‘кто’ с показателем *-āl*, а форма *hil.dēl* включает местоимение *hi-l* ‘кто-ERG’ и стяжение клитики прошедшего времени *-di* с той же морфемой *-āl*.

(16) ицаринский даргинский; [Sumbatova, Mutalov 2003: 42]

čāl *sērʷ-an-caw*
 somebody (M)go:IPF-OBLG-PRS[M]
 ‘Somebody is going to come.’

(17) ицаринский даргинский; [Sumbatova, Mutalov 2003: 42]

ał *hil.dēl* *zaʹnʷ.daʹq-ib*
 you:SUP.LAT somebody [NPL]phone:PF-PRET
 ‘Someone (the speaker does not know who) has telephoned you.’

Ицаринский пример любопытен в том отношении, что в паре показателей один морфологически произведен от другого, причем морфема, при помощи которой осуществляется эта деривация, известна и по-прежнему функционирует в языке. Хотя в андийском в двух из парных наборов также имеется отношение производности (см. выше), ни для каких компонентов диахронический источник установить пока не удастся.

5. На пути к объяснению: возможные перспективы

Итак, ни для одной из упомянутых выше андийских клитик из парных наборов этимология неизвестна, а сам принцип распределения «аорист vs. все прочие формы предиката» на первый взгляд не представляется мотивированным. Попробуем, тем не менее, сформулировать некоторые направления того, как мы могли бы приблизиться к пониманию природы интересующего нас явления, а также его диахронических предпосылок.

5.1. Связь с фокусным маркированием?

Для большинства из рассмотренных в разделе 2 парных наборов можно отметить одно нетривиальное общее свойство — связь позиции клитики внутри клаузы с *фокусным выделением*. Так, частновопросительные клитики располагаются на группе вопросительного слова, общевопросительные —

на фокусе вопроса, см. примеры (3)–(6). Репортативные показатели и первый компонент квотативных могут находиться не на правой границе клаузы (цитаты), а на выделенной составляющей внутри нее, см. (9) и (12) выше, а также (18), в котором первый компонент квотатива *-tovo* примыкает к субъектной именной группе.

(18) андийский (Анди); сказки

hege-l̥i-b>o *č'o-du* *j-it'i~j-it'i*
DEM-OBL.F/N-AFF < IV > казаться-PRF [RDP~F-прямой]

en-χo *hiri* *raç^wara-tovo* *j-igo-du.*
сам.F/N-AD.LAT [красный шапка] = QUOT F-приходить.AOR] = QUOT

‘Она подумала, что к ней и правда Красная Шапочка пришла.’

В целом ряде нахско-дагестанских языков существуют грамматические механизмы фокусирования, при этом «подвижными» показателями, осуществляющим фокусное выделение различных типов составляющих, как правило, являются «предикативные частицы», в частности связки и вспомогательные глаголы [Kalinina, Sumbatova 2007: 242–246]; некоторые типы частиц — аддитивные, эмфатические, вопросительные — также проявляют чувствительность к фокусному маркированию [Forker, Belyaev 2016: 248–257]. В этой связи нельзя не отметить, что в близкородственном андийскому багвалинском языке андийской группы имеется целый ряд клитик с начальным согласным *в-*, в том числе квотативная клитика *-vala*³. Хотя этот багвалинский показатель не являются частью парного набора, он напоминает андийский квотативный компонент *-vo* как фонетически, так и позиционно: ср. использование *-vala* на правой границе цитаты в (19) и на вопросительном слове внутри нее в (20). В обоих примерах правее *-vala* находится другой квотативный показатель *-di*: такая двухкомпонентная структура заставляет вспомнить андийское сочетание *-vo + -du* (*=jd, =did*), см. раздел 2.4.

(19) багвалинский; [Кибрик и др. 2001: 437, 758]

tak'a *woč'e-vala-di*, — *hel'i* *o-ti-r.*
[место COP.NEG] = QUOT = QUOT говорить.AOR ЭТОТ-OBL-ERG

‘«Места нет,» — сказала она.’

³ В грамматике [Кибрик и др. 2001: 529–531, 683] *-vala* описывается и как один из показателей косвенной речи, и как один из «плавающих» показателей фокуса.

(20) багвалинский; [Кибрик и др. 2001: 822]

he-b-ī-~~v~~ala *b-uṭu-di?* — *ek^wa* *musa*.

[что-N-Q = QUOT N-случаться.AOR] = QUOT COP Муса

‘«А что случилось?» — сказал Муса.’

Не исключено, таким образом, что морфемы, этимологически родственные андийским клитикам в парных наборах, стоит искать в родственных языках среди тех показателей, которые чувствительны к фокусному выделению, даже если в этих языках они не входят в парные наборы (а, может быть, и вовсе выражают какую-либо другую функцию).

5.2. Связь с исходной структурой глагольных форм?

Как уже отмечалось выше, противопоставление аориста всем остальным формам предиката, которое является ключевым для распределения клитик в парных наборах, представляется синхронно немотивированным как с семантической, так и с морфологической точки зрения. Во-первых, среди основных форм индикатива в андийском есть еще одна частотная форма прошедшего времени — это перфект на *-di* (*-d*), см. выше его употребление в примерах (7), (12), (13), (18). Однако распределение не проходит по линии «формы прошедшего времени ~ формы непрошедшего времени»: аорист и перфект оказываются в разных группах. Во-вторых, аорист деривационно не отличается от остальных ядерных форм индикатива, которые также являются синтетическими: это общий презенс и презенс прогрессива, хабитуалис, футурум, проспектив, интенционалис и уже упоминавшийся перфект. Некоторые из этих форм синкретичны с нефинитными формами (например, перфект — с перфективным деепричастием, футурум — с имперфективным причастием), однако финитные формы не содержат никаких специальных предикативных показателей типа связки настоящего времени.

Таким образом, синхронно ассоциация двух синтетических андийских форм прошедшего времени, аориста и перфекта, с разными наборами клитик — соответственно, аористным и «дефолтным», — не представляется объяснимой. Однако наше предположение состоит в том, что это противопоставление аориста и перфекта в действительности может отражать не синхронную деривацию этих форм, а их историю, прежде всего — исходную аналитическую структуру перфекта.

Дело в том, что в целом для андийских языков использование аналитических форм со связкой настоящего времени чрезвычайно характерно, в том

числе и среди ядерных форм индикатива: так, аналитические структуры типа «перфективное деепричастие + связка» стандартно используются для образования перфекта, «имперфективное деепричастие + связка» — для образования презенса и т.п. В багвалинском языке аналитическими формами являются такие функциональные аналоги андийских форм, как обобщенный презенс, перфект, проспектив и интенционалис, а также одно из будущих времен [Кибрик и др. 2001: 116–118].

Причина отсутствия аналитических форм со связкой в современном андийском языке заключается, по нашему мнению, в специфической эволюции собственно андийской связки настоящего времени *i* (по говорам *ži, ži*). Можно говорить о том, что андийская связка сместилась в сторону бытийного глагола: как правило, она отсутствует в предложениях идентификации или характеристики типа «он пастух», однако присутствует в локативных или посессивных предложениях типа «у него есть машина». Однако для более раннего состояния андийского языка отнюдь нельзя исключать наличия стандартных для родственных ему языков андийской группы аналитических форм со связкой — вероятно, со временем связка перестала использоваться в этих формах, что и привело к возникновению чисто синтетической парадигмы в индикативе. Андийский перфект, как это и свойственно андийским языкам, в таком случае тоже должен был быть аналитическим: его исходную структуру можно представить как «перфективное деепричастие на *-du* (*-d*) + связка»⁴.

Отнесение перфекта к «дефолтной» группе в данном случае объяснялось бы тем, что деривационно он принадлежит к формам «плана настоящего», имея в своем составе вспомогательный глагол (связку) настоящего времени. Напротив, аорист является «исконной» формой прошедшего времени, возводимой к праандийскому уровню [Алексеев 1988: 107–109], и тем самым оказывается по сути единственной формой «собственно прошедшего времени» в андийском. Таким образом, в рамках рассмотренной гипотезы оппозицию «аорист vs. всё остальное» можно было бы переформулировать как «прошедшее время vs. непрошедшее время» (в этом случае принцип противопоставления близок к тому, что выше мы видели для гоберинского и ицаринского).

⁴ Заметим, что синхронно аналитическая структура отмечается для перфекта в одном андийском говоре — кванхидатлинском (нижнеандийская группа говоров), см. [Церцвадзе 1965: 365–366].

На данный момент нам известен еще лишь один аспект поведения аориста, отличающего его от остальных форм глагольной парадигмы. В андийском языке некоторые глагольные формы могут присоединять согласовательный показатель множественного числа — суффикс $-(V)l$, по всей видимости заимствованный из именной парадигмы. При том, что разные формы различаются по степени обязательности и частотности этого типа числового согласования, на материале зиловского говора было установлено, что только аорист в принципе не допускает присоединения суффикса $-(V)l$ [Закирова 2020]. Причиной такого ограничения также может быть особый диахронический статус аориста в андийском языке как единственной «исконно финитной» формы, поскольку ряд других форм парадигмы имеют нефинитное происхождение.

6. Заключение

Итак, мы рассмотрели пять грамматических функций в андийском языке, показатели которых (все они относятся к энклитикам) представлены парными наборами с нетривиальным распределением между членами пары: один показатель используется только при наличии в клаузе формы аориста, другой — во всех остальных случаях. Сами грамматические области, в которых используются парные наборы, при этом не связаны напрямую с видо-временной семантикой: это общий, частный и косвенный вопрос, передача речи и репортативность.

В близкородственных языках сходное распределение встречается у некоторых функционально аналогичных показателей, хотя правила распределения формулируются для них не в точности так же, как в андийском. В целом же рассматриваемое явление нельзя считать очень характерным ни для языков андийской группы, ни для нахско-дагестанской семьи в целом.

В данной работе мы наметили два возможных направления дальнейших исследований, которые могли бы пролить свет на природу типологически необычного противопоставления, отмечаемого в андийском языке. Во-первых, в большинстве случаев рассматриваемые андийские показатели связаны с фокусным выделением, а значит их аналоги (и когнаты) имеет смысл искать и среди фокусных показателей родственных языков, не обязательно «парных» (здесь явным когнатом кажутся багвалинские частицы

с начальным согласным *в*-). Во-вторых, мы предположили, что распределение «аорист vs. прочие формы предиката» может иметь историческое объяснение, связанное с утратой связки настоящего времени в аналитических формах. В результате исходная, более функционально мотивированная, оппозиция «прошедшее vs. непрошедшее время» была затемнена из-за того, что перфект превратился в форму прошедшего времени, утратив структурную связь с «планом настоящего» (связку настоящего времени).

Список условных сокращений

III, IV — 3, 4 именные классы; AD — локализации «возле»; ADD — адитив; ADV — наречие; AFF — аффектив; AOR — аорист; CAUS — каузатив; COP — связка; DAT — датив; DEM — демонстратив; DIR — директив (направление); ERG — эргатив; F — женский именной класс; F/N — немужской именной класс; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; IMP — императив; IN — локализация «внутри»; INDIR — косвенный вопрос; IPF — имперфективная основа; LAT — латив; M — мужской именной класс; MNR — образ действия; N — средний именной класс; NEG — отрицание; NPL — средний класс мн.ч.; OBL — косвенная основа; OBLG — облигатив; PF — перфективная основа; PRET — претерит; PRF — перфект; PROGR — прогрессив; PRS — презенс; Q — общий вопрос; QUOT — квотатив; RDP — редупликация; REP — репортатив; SUP — локализация «наверху»; WH — частный вопрос.

Литература

- Алексеев 1988 — Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988. [Alekseev M.E. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andiiskikh yazыkov* [A comparative-historical morphology of the Avar-Andic languages]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Бокарев 1949 — Бокарев А.А. Очерк грамматики чамалинского языка. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1949. [Bokarev A.A. *Oчерk grammatiki chamalinskogo yazыka* [A sketch of Chamalal grammar]. Moscow—Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949.]
- Дирр 1906 — Дирр А.М. Краткий грамматический очерк андийского языка // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 36. Тбилиси, 1906. [Dirr A.M. *A short grammar sketch of Andi*. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemeni Kavkaza*. No. 36. Tbilisi, 1906.]
- Закирова 2020 — Закирова А.Н. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных // Родной язык. 2020. №2. С. 94–123. [Zakirova A.N. *Number agreement in Andi: Expansion from the nominal paradigm*. *Rodnoy yazыk*. 2020. No. 2. P. 94–123.]
- Кибрик и др. 2001 — Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. Кибрик А.Е., Казенин К.И., Лютикова Е.А., Татевосов С.Г. (ред.). М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Bagvalinskiy yazыk. *Grammatika. Teksty. Slovare*. Kibrik A.E., Kazenin K.I., Lyutikova E.A., Tatevosov S.G. (eds.). Moscow: IMLI RAN, 2001.]

- Саидова 1973 — Саидова П.А. Годоберинский язык (Фонетика, морфология). Махачкала: ИЯЛИ ДФ АН СССР, 1973. [Saidova P.A. Godoberinskiĭ yazyk (Fonetika, morfologiya) [Godoberi: Phonetics, morphology]. Makhachkala: IYaLI DF AN SSSR, 1973.]
- Салимов 2010 — Салимов Х.С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ, 2010. [Salimov Kh.S. Gagatlińskiĭ govor andiĭskogo yazyka [The Gagatli dialect of Andi]. Makhachkala: IYaLI, 2010.]
- Сулейманов 1957 — Сулейманов Я.Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1957. [Suleĭmanov Ya.G. Grammaticheskiĭ ocherk andiĭskogo yazyka (po dannĭm govora s. Rikvani) [A grammar sketch of Andi: based on the dialect of the Rikvani village.]. Ph.D. thesis. Moscow, 1957.]
- Сулейманов 1983 — Сулейманов Я.Г. Местоимение в североандийских говорах андийского языка // Местоимения в языках Дагестана. Джидалаев Н.С. (ред.). Махачкала, 1983. С. 151–172. [Suleĭmanov Ya.G. Mestoimenie v severoandiĭskikh govorakh andiĭskogo yazyka. Mestoimeniya v yazykakh Dagestana. Dzhidalaev N.S. (ed.). Makhachkala, 1983. P. 151–172.]
- Церцвадзе 1965 — Церцвадзе И.И. Андийский язык (Грамматический анализ с текстами). Тбилиси: Мецниереба, 1965. [На груз. яз., резюме на рус. яз.] [Tsertsvadze I.I. Andiĭskii yazyk (Grammaticheskiĭ analiz s tekstami) [Andi: Grammar sketch with texts]. Tbilisi: Metsniereba, 1965. In Georgian, summary in Russian.]
- Forker, Belyaev 2016 — Forker D., Belyaev O. Word order and focus particles in Nakh-Daghestanian languages. Information structuring of spoken language from a cross-linguistic perspective. Fernandez-Vest J.M.M., Van Valin Jr. R.D. (eds.). Berlin/Boston: de Gruyter, 2016. P. 239–262.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — Kalinina E., Sumbatova N. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages. Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 183–249.
- Kibrik 1996 — Godoberi. Kibrik A. (ed.). München: Lincom Europa, 1996.
- Magomedova 2004 — Magomedova P.T. Chamalal. The indigenous languages of the Caucasus, Vol. 3: The North East Caucasian Languages, Part 1. Job M. (ed.). Ann Arbor; MI: Caravan Books, 2004. P. 1–65.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — Sumbatova N.R., Mutalov R.O. A grammar of Icarī Dargwa. München: Lincom Europa, 2003.

Источники примеров

- Сказки — Дунялла бахуннирсси халгъгьиллОл гъгъванаб миццИллассол мухал (Сказки народов мира на андийском языке) / Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010. [Dunyalla bakhunnirssi khalg"g"illol g"g"vanab mitsItsillla-ssol mukhal [World fairy-tales in Andi]. Magomedova P. A. (ed.), Alisultanova M. A. (transl). Makhachkala: ID «Nurul' irshad», 2010.]

Статья поступила в редакцию 16.11.2020

The article was received on 16.11.2020

Тимур Анатольевич Майсак

кандидат филологических наук; старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН; ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Timur Maisak

Ph.D.; Senior Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences;
Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics

timur.maisak@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ МАРКИРОВАНИЯ ИМЕННОГО ЧИСЛА В КОНСТРУКЦИИ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ*

А. Д. Ногина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В данной статье приведен обзор различных стратегий выражения именного числа в контексте без числительных и аналогичное рассмотрение контекстов с числительными. Целью исследования является выявление как можно большего количества различных условий маркирования числа, а также проверка наличия зависимости между выражением числа в именных группах с числительными и его выражением в именных группах без числительных. Отдельное внимание уделяется влиянию иерархии одушевленности на наличие маркированного числа.

Ключевые слова: типология, именное число, числительные, иерархия одушевленности.

* Автор выражает благодарность в первую очередь Ю. А. Ландеру, под чьим руководством была выполнена работа. Автор также благодарен М. А. Даниэлю и А. И. Виняру за помощь на различных этапах исследования.

MARKING NUMBER IN CONSTRUCTIONS WITH NUMERALS: A TYPOLOGICAL STUDY*

Alexandra Nogina

National Research University Higher School of Economics

This paper provides an overview of various strategies of expressing nominal number in contexts without numerals and in contexts with numerals. The purpose of the study is to identify as many different conditions of number marking as possible, as well as to verify the relationship between the expression of a number in noun phrases with numerals and its expression in noun phrases without numerals. Special attention is paid to the effect of animacy hierarchy on the presence of a marked number.

Key words: typology, nominal number, numerals, animacy hierarchy.

* I am deeply grateful to Yury Lander, who was my supervisor throughout the entire work. I am also grateful to Michael Daniel and Alexey Vinyar for their help at various stages of this research.

1. Введение

В языках мира выделяются различные стратегии маркирования именного числа в конструкциях с числительными. Число на имени может выражаться всегда, может не выражаться никогда, а может выражаться только при определенных условиях. Последняя ситуация наблюдается, например, в языке брауи (Brahui¹, дравидийские языки, Евразия), где число маркируется только при наличии демонстратива. Так, в (1a) демонстратив отсутствует, поэтому слово *bandagh* ‘человек’ употребляется в форме единственного числа, тогда как в примере (1b) то же слово маркировано суффиксом множественного числа *-āk* из-за наличия демонстратива *amē* ‘те’ :

(1) a. *irā bandagh*

два человек

‘два человека’

b. *amē bīstangā bandagh-āk*

те двадцать человек-PL

‘те двадцать человек’ [Andronov 1980: 36]

Цель настоящей работы — описать различные сценарии выражения в языках мира неединственного числа в конструкциях с числительными, а также проверить, есть ли корреляции между употреблением неединственного числа в именных группах без числительных и его употреблением в именных группах с числительными. В статье рассматриваются исключительно конструкции с количественными (cardinal) числительными, при этом партитивные конструкции по типу *трое из них* во внимание не берутся. Работа основана на данных 171 языка из 125 семей (см. Приложение).

Исследованию категории именного числа и конструкций с числительными посвящено немало литературы, к примеру: монография Г. Корбетта, в которой описаны и проанализированы различные системы числа [Corbett 2004]; исследование Д. Харфорда, описавшего модели поведения конструкций с числительными и их внутреннюю структуру [Hurford 2003]; работа Я. Райкхоффа об именных группах с приведением их семантических

¹ Названия языков и их классификация приводится в соответствии с электронным каталогом языков Glottolog <https://glottolog.org>.

и морфосинтаксических характеристик [Rijkhoff 2002]; статья Р. Матасовича, где автор выявляет связь между наличием маркированного числа в именных группах с числительными и согласованием по числу в именных группах без числительных [Matasović 2019]. Несмотря на то, что именные группы без числительных и с ними в данных работах подробно рассматриваются и анализируются с точки зрения выражения числа, их авторы не исследуют корреляции между теми и другими, а сосредотачиваются на описании чего-то одного. Исключение составляет работа Р. Матасовича, однако в ней акцент сделан на согласовании по числу в пределах именной группы, настоящее же исследование имеет другое направление.

Структура статьи такова. В разделе 2 представлен обзор различных стратегий выражения числа в именных группах без числительных, раздел 3 посвящен аналогичному анализу именных групп с числительными. В разделе 4 приведена проверка гипотез, выдвигаемых по ходу работы. Раздел 5 содержит выводы и обсуждение дальнейших планов по исследованию.

2. Выражение именного числа в контексте без числительного

Выделение различных стратегий выражения числа в именных группах без числительных основано на характеристике обязательности числа, чье определение в свою очередь базируется на рассуждениях, приведенных в монографии Г. Корбетта “Number”. В ней, помимо всего прочего, автор показывает, что выражение числа связано с принадлежностью имени к той или иной семантической группе. Другими словами, важно расположение имени на иерархии одушевленности [Corbett 2004]. Опираясь на это утверждение, сформулируем определение обязательности.

Итак, число является обязательным, если оно выражается всегда на именах всех уровней иерархии одушевленности: имена родства > имена лиц > одушевленные (не имена лиц) > неодушевленные².

На основании данного определения можно выделить пять различных стратегий выражения числа в именных группах без числительных.

² Версия иерархии одушевленности Г. Корбетта также включает в себя местоимения (1 лицо > 2 лицо > 3 лицо > имена родства...), однако в данной работе местоимения не рассматриваются.

Первый сценарий, прямо соответствующий понятию обязательности, — языки с обязательным числом. В качестве примера приведем африканский язык гаам (Gaam, восточнотжебелские языки, Африка). В представленных ниже предложениях маркер множественного числа есть на представителях всех уровней иерархии: на термине родства *jīð* ‘муж’, на имени лица *ǝð* ‘женщина’, на одушевленном не-личном *tʃ* ‘корова’ и на неодушевленном *máà* ‘дом’:

(2) *ǝð-ǝǝgg=ɔ* *nà* *bēl-l* *jīð-əgg=i* *bà*
женщина-PL = DEF REL иметь муж-PL = DEF INTJ

ð *wāē* *jāām=é* *máà-gg* *ūlg=i* *bà*
и идти неправильно = SUB дом-PL в = 3SG.POSS INTJ

‘Те женщины, что имеют мужей и совершают нехорошие поступки в их домах.’ [Stirtz 2011: 343]

(3) *tʃ-gg* *tā* *səggār-g*
корова-PL COP сильный-PL

‘Коровы сильные.’ [Stirtz 2011: 290]

Распределение числа в языках такого типа можно представить в виде подобной схемы, где черной линией обозначается собственно обязательное число:

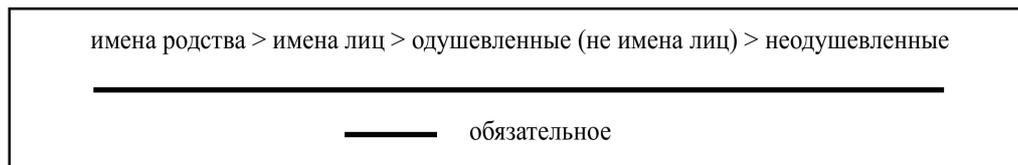

Рисунок 1. Системы с обязательным числом

В противоположность обязательному, есть системы с необязательным числом, то есть число может как выражаться, так и не выражаться на именах всех уровней иерархии. Примером языка с такой системой является фуюг (Fuyug, гойлаланские языки, Новая Гвинея); в (4) употребление клитики = *ing*, маркирующей множественное число, опционально, ее можно опустить:

(4) *amul(=ing)* *ge* *halond=iti* *g-a*
женщина(=PL) TOP сад=ILL идти-3IND

‘Женщины ушли в сад.’ [Bradshaw 2007: 58]

На Рисунке 2 показано распределение числа в фуюг и аналогичных ему языках, где серой линией обозначается собственно обязательное число:

Рисунок 2. Системы с обязательным числом

Отметим, что при обсуждении обязательности числа мы абстрагируемся от вопроса, идёт ли речь о свободном варьировании числа, не определяемом грамматикой, или же в описании языка недостаточно данных, чтобы выявить какую-либо закономерность касательно его выражения.

В третью группу попадают языки с частично обязательным числом первого типа, которое выражается всегда на именах только части иерархии, а для других имен его выражение является необязательным. Так, в языке гаррва (Garrwa, гарравские языки, Австралия) число является обязательным только для имен родства и имен лиц, для одушевленных (не имен лиц) его выражение необязательно, а на неодушевленных оно вообще не выражается (Рис. 3) [Mushin 2012]. В языке квомтари (Kwomtari, квомтарские языки, Новая Гвинея) обязательное выражение числа присуще только именам родства, для остальных же его употребление факультативно (Рис. 4) [Honsberger et. al 2008].

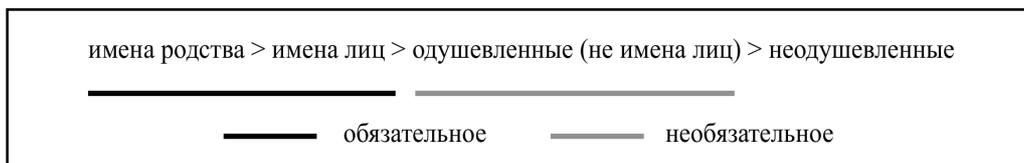

Рисунок 3. Распределение числа в языке гаррва

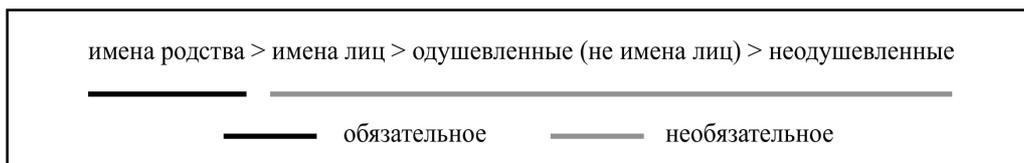

Рисунок 4. Распределение числа в квомтари

Четвертый тип числа — частично обязательное число второго типа — похож на предыдущий, за одним исключением: в языках с подобным

распределением нет имен, для которых число было бы необязательным. То есть на части имен число должно быть обязательно маркировано, а на других именах его быть не может. В качестве примеров приведены южный помо (Southern Pomo, языки помо, Северная Америка), в котором число обязательно для всех одушевленных (Рис. 5) [Walker 2013], а также палау (Palauan, австронезийские языки, Океания), в котором оно выражается только на именах родства и именах лиц (Рис. 6) [Josephs 1975].

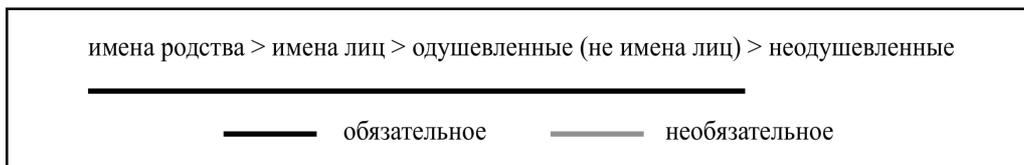

Рисунок 5. Распределение числа в южном помо

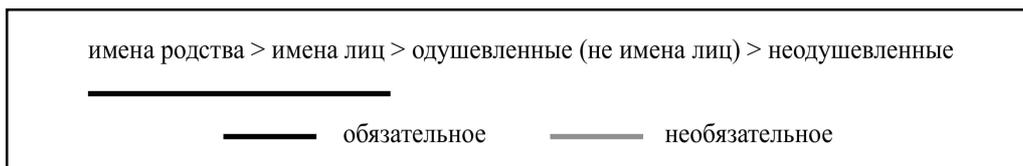

Рисунок 6. Распределение числа в палау

Наконец, последней стратегии следуют языки с частично необязательным числом, которое может выражаться на именах только части иерархии, но и для них является необязательным. Такому сценарию соответствует, к примеру, язык кулина (Culina, араванские языки, Южная Америка), в котором число в принципе может быть маркировано только у одушевленных имен, но и на них его выражение является факультативным [Dienst 2014]:

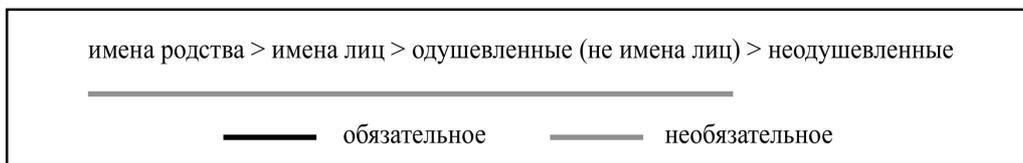

Рисунок 7. Распределение числа в языке кулина

Итак, выше были описаны все возможные стратегии выражения числа в именных группах без числительных. В Таблице 1 показано их общее распределение по языкам выборки:

Таблица 1. Частотность стратегий выражения числа по языками выборки

	количество языков	процент от общего количества языков выборки
обязательное	90	52,6%
необязательное	57	33,3%
частично обязательное первого типа	7	4,1%
частично обязательное второго типа	12	7%
частично необязательное	5	3%

Сформулируем первую гипотезу данной работы. Гипотеза А заключается в том, что, чем обязательнее число в именных группах без числительных, тем скорее оно будет выражаться в конструкции с числительными, а чем необязательнее, тем скорее не будет.

Прежде чем перейти непосредственно к обзору конструкций с числительными, необходимо сделать одно важное уточнение.

В уже упоминавшейся ранее монографии Г. Корбетта “Number” автор выдвигает утверждение, названное им ограничением иерархией одушевленности различения единственного и множественного числа³: «Различение единственного и множественного числа в конкретном языке должно затрагивать верхний сегмент иерархии одушевленности⁴» [Corbett 2004: 56]. Представим данное утверждение в виде схемы, отражающей принцип распределения числа по иерархии одушевленности:

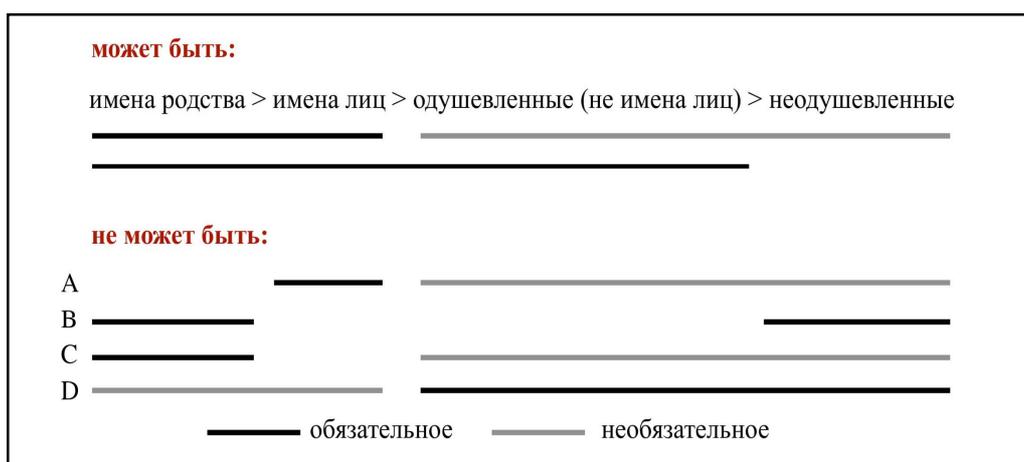

Рисунок 8. Первый принцип распределения числа по иерархии одушевленности

³ “Constraint of the Animacy Hierarchy on the singular–plural distinction”.

⁴ “The singular–plural distinction in a given language must affect a top segment of the Animacy Hierarchy”.

Помимо того, что число должно непременно затрагивать верхний уровень иерархии (нарушается в случае А на Рис. 8), в распределении числа не может быть разрывов, вне зависимости от его типа (нарушается в В и С). Данное правило также указано у Г. Корбетта [Corbett 2004: 57]; по выборке настоящего исследования устанавливается еще одно: обязательность числа не может усиливаться на именах более низких уровней иерархии (нарушается в D). Исключений из данного правила в языках выборки нет.

3. Выражение именного числа в конструкциях с числительными

Два самых простых варианта включают языки, в которых число с числительными выражается всегда, и языки, в которых число с числительными не выражается никогда. К первому типу относится, например, язык кокама (Cocama-Cocamilla, языки тупи, Южная Америка). Множественность имени в нем выражается энклитиками, которые варьируются в зависимости от рода референта:

(5) *pichka tsa = mīmira = nu*
 пять 1SG.F = сын_женщины = PL.F
 ‘У меня пять детей.’ (Букв.: ‘Моих детей пятеро.’). [Yorán 2010: 267]

(6) *iruaka ra tsuwi = kira = kana*
 четыре 3SG.M хвост = DIM = PL.M
 ‘У него четыре маленьких хвостика.’ (Букв.: ‘Его маленьких хвостиков четыре.’). [Yorán 2010: 267]

Примером языка второго типа является уже упоминавшийся ранее южно-американский язык кулина. В (7) представлен контекст без числительного, где на слове *amonehe* ‘женщина’ есть суффикс множественного числа, тогда как в (8) — в контексте с числительным — на том же слове никакого показателя уже нет:

(7) *amonehe-deni hada-ni-deni to-hika-ni*
 женщина-PL старый-F-PL 3-умереть.PL-DECL.F
 ‘Старые женщины умерли.’ [Dienst 2014: 226]

(8) *amonehe ∅-pama-e khi o-na-bakhi-ni*
 женщина 3-быть_двумя-REL.F видеть 1-AUX-PL.OBJ-DECL.F
 ‘Я видел двух женщин.’ (Букв.: ‘Я видел женщин, которых было две.’)
 [Dienst 2014: 138]

Аналогично необязательному числу в именных группах без числительных, с числительными число также может быть опциональным. Примеры (9), (10) из языка мананг (Manange, сино-тибетские языки, Евразия) демонстрируют, что клитика = *tse*, маркирующая множественное число на имени, может быть опущена:

- (9) *khuriŋ* ₁*khimi* = *yuŋ* ₂*ŋi* *kòla* = *tse* ₁*ta* *a*
 следующий_год 3(PL) = СОМТ семь ребенок = PL становится возможно
 ‘Возможно, к следующему году они будут иметь семь детей.’
 [Hildebrandt 2004: 141]

- (10) ₁*khimi* = *yuŋ* ₁*ŋa* *kòla* ₁*mo* ₁*mi*
 3(PL) = СОМТ пять ребенок COP EVID
 ‘У них есть/было пять детей.’ [Hildebrandt 2004: 141]

При выделении различных стратегий выражения числа в именных группах без числительных мы основывались на иерархии одушевленности. В языке маунг (Mawng, языки ивайдя, Австралия) число в именных группах с числительными также выражается только при условии одушевленности референта. Так, в примере (11) с именем лица *arrarrkpi* ‘мужчина’ присутствует аналитический показатель множественного числа *pata*, в примере (12) с неодушевленными *warlk* ‘палка’ и *panikin* ‘ведро’ его уже нет:

- (11) *pata* *ngarrkarrk* *arrarrkpi* *awu-yama-ngung* *kirrkju*
 PL два мужчина 3PL-работать-РС оба
 ‘Эти двое мужчин оба работали.’ [Singer 2006: 27]

- (12) *ngapi* *nganum-aya-n* *ngarrkarrk* *warlk* *la*
 1SG 1SG/3VEG-видеть-NP два палка(VEG) CONJ

ngarrkarrk *la* *y-arakap* *panikin*
 два CONJ м-один ведро(м)
 ‘Я вижу две палки и три ведра.’ [Singer 2006: 98]

Следующая стратегия выражения числа в именных группах с числительными основан на модификаторах. Выше приводился пример (1) из языка брауи, в котором число может быть маркировано на имени только при наличии демонстратива. Чуть более широкие условия наблюдаются в восточноармянском (Eastern Armenian, индоевропейские языки, Евразия), где число употребляется при наличии любого модификатора: прилагательного, выра-

женной посессивности, детерминатива и др. (13). В примере (14) же модификатор отсутствует, поэтому число на слове *atjik* ‘девочка’ не выражено:

(13) *es tesn-um em ays erek' atjik-ner-i-n*
 я.НОМ видеть-PTCP.PRES AUX этот три девочка-PL-DAT-DEF
 ‘Я вижу этих трех девочек.’ [Dum-Tragut 2009: 67]

(14) *es tesn-um em erek' atjk-a*
 я.НОМ видеть-PTCP.PRES AUX три девочка-DAT
 ‘Я вижу трех девочек.’ [Dum-Tragut 2009: 67]

Помимо модификаторов, выражение числа может зависеть от величины самого числительного. Следующие примеры относятся к арабскому диалекту Персидского залива (Gulf Arabic, афразийские языки, Африка), в котором число маркируется только в конструкциях с числительными от двух до десяти (15а): слово *walad* ‘мальчик’ с числительным 3 принимает форму множественного числа *awlaad* ‘мальчики’. С числительными больше десяти именное число не выражается (15b):

(15) а. *θalaθ awlaad*
 три мальчик.PL
 ‘три мальчика’ [Qafisheh 1977: 125]

б. *tisfiin walad*
 девяносто мальчик
 ‘девяносто мальчиков’ [Qafisheh 1977: 127]

Среди языков выборки есть один, в котором стратегия выражения числа основана на порядке слов. Африканский язык шеко (Sheko, дизоидные языки) запрещает маркирование числа, если числительное следует за именем:

(16) *kyānū kāddū-ra há = wuṣ-k-ə*
 собака три-ACC 3М.SUBJ = убить-REAL-STI
 ‘Он убил трех собак.’ [Hellenthal 2010: 220]

Если же, наоборот, числительное предшествует имени, маркирование числа является опциональным.

Наконец, последний принцип выражения числа с числительными связан с регулярностью именной основы. Такой стратегии придерживается язык чаморро (Chamorro, австронезийские языки, Микронезия), в котором только имена, образующие множественное число изменением основы, могут прини-

мать такую форму в конструкциях с числительными. Так, имя *táotao* ‘человек’ имеет регулярную основу, поэтому в примере (17a) употребляется в единственном числе. А слово *patgon* ‘ребенок’ обладает нерегулярной основой, поэтому с числительным образует форму множественного числа *famagûon* ‘дети’ (18b):

- (17) a. *tres na táotao* b. *tres na famagûon*
 три CONJ человек три CONJ ребенок.PL
 ‘три человека’ ‘три ребенка’ [von Preissig 1918: 16]

Прежде чем перейти к обобщению данных и проверке гипотез, выдвинем еще одно предположение касательно иерархии одушевленности.

В предыдущем разделе обсуждалось утверждение Г. Корбетта об ограничении иерархией одушевленности различия единственного и множественного числа и правила, следующие из этого утверждения (см. Рис. 9). На основе этого обсуждения выдвинем следующее предположение, которое должно связать влияние одушевленности на выражение числа без числительных и ее влияние на выражение числа с числительными. Кажется, что в одном языке обязательность числа в именных группах с числительными должна иметь либо такое же распределение по иерархии одушевленности, как и в именных группах без числительными (ситуация А на Рис. 9), либо меньшее (ситуация В). Таким образом, мы предполагаем, что невозможно усиление обязательности выражения числа с числительными относительно того, что было без них (ситуация С). Назовем данную гипотезу — Гипотезу В — вторым принципом распределением числа по иерархии одушевленности:

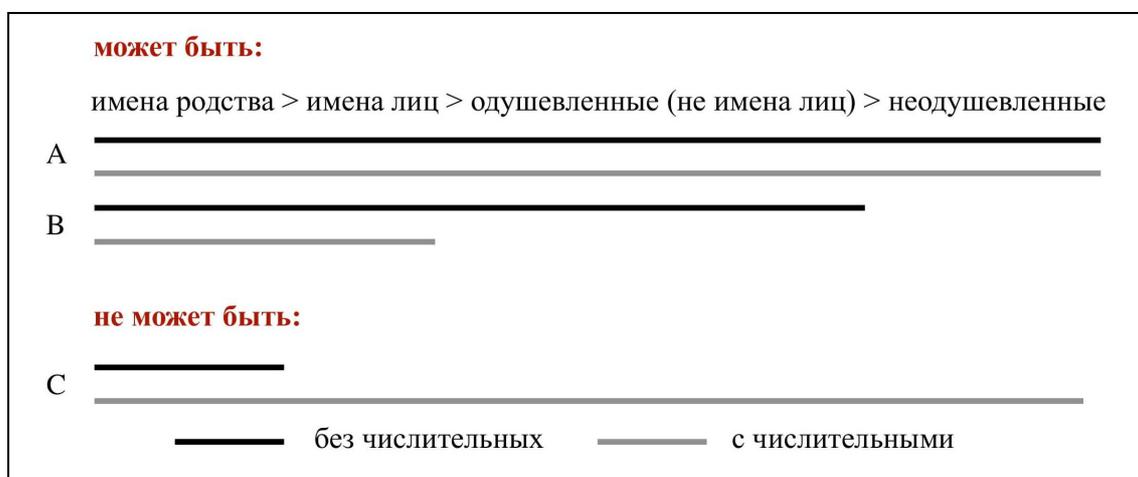

Рисунок 9. Второй принцип распределения числа по иерархии одушевленности

Проверка данной гипотезы, а также Гипотезы А, выдвигавшейся выше, представлена в следующем разделе.

4. Проверка гипотез

4.1. Гипотеза А: влияние обязательности числа на его выражение с числительными

Чтобы проверить истинность данного предположения, представим обобщенные данные по количеству языков с той или иной стратегией выражения числа в виде Таблицы 2 ниже.

По строкам таблицы отображены варианты числа в контекстах без числительных; сверху вниз отражается уменьшение обязательности числа. По столбцам таблицы указаны варианты числа в контекстах с числительными; здесь уменьшение обязательности числа отражается слева направо. В пересечениях указано количество языков в выборке с данным набором стратегий выражения числа.

Таблица 2. Распределение различных стратегий выражения числа по языкам выборки

	Выражается	Выражается в зав-ти от одушевленности	Выражается при других условиях	Опционально	Не выражается
Обязательно	46	2	10	16	16
Частично обяз. 2 типа	0	6	1	0	5
Частично обяз. 1 типа	0	3	0	1	3
Необязат.	0	2	2	18	35
Частично необязат.	0	0	0	0	5

Прежде чем перейти непосредственно к проверке гипотезы, поясним, что представляет собой столбец под названием «число выражается при других условиях». В эту категорию занесены случаи, обсуждавшиеся в разделе 3, то есть выражение в зависимости от модификаторов, от номинала числительного, и другие неосновные стратегии выражения числа в именных группах с числительными. Было принято решение объединить эти случаи на данном этапе, поскольку в контексте общего количества языков выборки представителей таких стратегий слишком мало, чтобы сделать по ним какие-либо четкие выводы.

Видно, что чем ниже мы сдвигаемся по таблице, тем правее группируются значения, и это, в принципе, подтверждает предположение о присутствии связи между обязательностью числа в контекстах без числительных и его выражением с числительными. Чтобы сделать окончательный вывод, рассчитаем по данным Таблицы 2 коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для этого присвоим вариантам обязательности числа в контексте без числительного значения от 1 до 5, где 5 — обязательное, 1 — частично необязательное. Аналогично обозначим варианты числа в конструкциях с числительными, где 5 — выражается, 1 — не выражается. Таким образом, получим, к примеру, 46 языков с параметрами 5–5, 35 языков с параметрами 2–1 и т. д. Рассчитанное значение коэффициента окажется равным 0,6 при уровне значимости $p < 0.001$, что доказывает наличие направленной зависимости. Таким образом, Гипотеза А подтверждается.

4.2. Гипотеза В: второй принцип иерархии одушевленности

Мы ожидаем, что невозможно усиление обязательности выражения числа с числительными относительно того, что было без них (см. Рис. 9). Однако в выборке есть два языка, которые ведут себя противоположным образом. Один из них — австралийский язык маунг — уже упоминался ранее, в нем число в именных группах с числительными выражается только при условии одушевленности референта (11, 12). При этом в именных группах без числительных выражение числа является необязательным для имен всей иерархии. Аналогичная ситуация наблюдается и в североамериканском языке толь (Tol, хикакские языка) [Holt 1999].

Что же в таком случае происходит с обязательностью числа? Если изначально, без числительного, не имело значения, выражено число или нет, то теперь, при добавлении числительного в именную группу, иерархия одушевленности задает строгие рамки: с одной группой имен число должно быть обязательно маркировано, с другой — его употребление запрещено. Такое поведение и говорит об усилении обязательности выражения числа с числительными относительно того, что было без них.

Тем не менее, как уже было сказано, подобных языков всего два, и для остальных 169 языков выборки второй принцип иерархии одушевленности работает, так что процент исключений невероятно мал. По этой причине мы не опровергаем гипотезу В, а только делаем помету о том, что для нее есть исключения в виде языков маунг и толь.

5. Заключение

Итак, в работе были рассмотрены различные варианты выражения числа в именных группах без числительных и в именных группах с числительными. По каждому из контекстов были выделены пять основных стратегий:

1. контекст без числительных:

- a. обязательное выражение числа,
- b. необязательное,
- c. частично обязательное первого типа,
- d. частично обязательное второго типа,
- e. частично необязательное.

2. контекст с числительными:

- a. число выражается всегда,
- b. не выражается никогда,
- c. выражение опционально,
- d. выражается в зависимости от одушевленности референта,
- e. выражается при других условиях (наличие модификатора, величина числительного, порядок слов, регулярность основы).

На основании собранных данных была проверена и подтверждена истинность Гипотезы А о влиянии обязательности числа в именных группах без числительных на его выражение в именных группах с числительными: чем обязательнее число, тем скорее оно будет выражаться в конструкции с числительными, а чем необязательнее, тем скорее не будет.

Гипотеза В о втором принципе иерархии одушевленности подтвердилась для всех языков выборки, кроме двух: австралийского языка маунг и североамериканского языка толь.

Следующим шагом для продолжения данного исследования может быть анализ связи между способом маркирования именного числа и его наличием в конструкции с числительными. Кроме того, отдельный интерес представляют языки, в которых наблюдаются необычные условия выражения числа в именных группах с числительными. В использованной выборке таких языков слишком мало, чтобы сделать какие-либо обоснованные выводы. Однако если расширить базу данных в этом направлении, могут выясниться новые подробности и закономерности.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; COMIT — комитатив; CONJ — соединительный союз; COP — копула; DAT — датив; DECL — декларатив; DEF — определенный артикль; DIM — диминутив; ERG — эргатив; EVID — эвиденциальность; F — женский род; GEN — генитив; ILL — иллатив; IND — индикатив; INTJ — междометие; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; M — мужской род; NOM — номинатив; NP — непрошедшее время; OBJ — объект; PC — прошедшее длительное время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRES — настоящее время; PTCP — причастие; REAL — реалис; REL — показатель релятивизации; SG — единственное число; STI — косвенный позиционный маркер; SUBJ — субъект; VEG — род растений.

Литература

- Andronov 1980 — Andronov M.S. The Brahui language. Moscow: Nauka, 1980.
- Bradshaw 2007 — Bradshaw R. Fuyug grammar sketch. Ukarumpa, Papua New Guinea: SIL-PNG Academic Publications, 2007.
- Corbett 2004 — Corbett G.G. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Dienst 2014 — Dienst S. A grammar of Kulina. Berlin, München, Boston: Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Dum-Tragut 2009 — Dum-Tragut J. Armenian: Modern Eastern Armenian. Amsterdam/Philadelphia: Amsterdam: John Benjamins, 2009.
- Hellenthal 2010 — Hellenthal A.C. A grammar of Sheko. Doct. diss. Rijksuniversiteit te Leiden, 2010.
- Hildebrandt 2004 — Hildebrandt K.A. A grammar and glossary of the Manange language. Genetti C. (ed.). Tibeto-Burman languages of Nepal: Manange and Sherpa. Canberra: Pacific Linguistics. 2004.
- Holt 1999 — Holt D. Tol (Jicaque). Munich: Lincom Europa: München: Lincom, 1999.
- Honsberger et. al 2008 — Honsberger M., Honsberger C., Tupper I. Kwomtari phonology and grammar. Ukarumpa, Papua New Guinea: SIL-PNG Academic Publications, 2008.
- Hurford 2003 — Hurford J.R. The interaction between numerals and nouns. Empirical Approaches to Language Typology. Vol. 20. No. 7. Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Plank F. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Josephs 1975 — Josephs L.S. Palauan reference grammar. Honolulu: University of Hawaii Press, 1975.
- Matasović 2019 — Matasović R. A universal about adnominal number agreement. Italian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 31. No. 2. Pp. 169–200.
- Mushin 2012 — Mushin I. A grammar of (Western) Garrwa. Berlin, Boston: Berlin: De Gruyter Mouton, 2012.
- Qafisheh 1977 — Qafisheh H.A. A short reference grammar of Gulf Arabic. University of Arizona Press, 1977.
- Rijkhoff 2002 — Rijkhoff J. The noun phrase. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Singer 2006 — Singer R. Agreement in Mawng: Productive and lexicalised uses of agreement in an Australian language. Ph.D. thesis. School of Languages and Linguistics, The University of Melbourne. 2006.
- Stirtz 2012 — Stirtz T.M. A grammar of Gaahmg, a Nilo-Saharan language of Sudan. Doctoral thesis. Leiden University. 2012.
- von Preissig 1918 — von Preising E.R. Dictionary and grammar of the Chamorro language of the island of Guam. Washington: Government Printing Office, 1918.

- Walker 2013 — Walker N.A. A grammar of Southern Pomo: An indigenous language of California. Doctoral thesis. University of California at Santa Barbara, 2013.
- Yopán 2010 — Yopán R.V. A grammar of Kokama-Kokamilla. Doctoral thesis. University of Oregon. 2010.

Приложение. Выборка

В выборку вошел 171 язык из 125 семей, которые были распределены по шести макроареалам: Африка, Австралия, Евразия, Северная Америка, Южная Америка и Папунезия.

Составление выборки прошло в два этапа. Первым был отбор данных, собранных в 2015 году студентами Школы лингвистики НИУ ВШЭ в рамках курса «Языковое разнообразие» (преп. М. А. Даниэль, Ю. А. Ландер). Эти данные представляли собой выборку в двести языков с достаточно подробным описанием числа в каждом из них. Однако выборка была несбалансированной, многие языковые семьи повторялись, многие, напротив, отсутствовали. В результате были отобраны около семидесяти языков из разных семей. Материалы по каждому языку дополнительно проверялись по грамматикам, чтобы убедиться в их достоверности и избежать неточности формулировок.

Кроме того, был составлен список семей, к тому моменту не вошедших в выборку. Дальнейшая работа состояла в поиске и анализе грамматик их представителей с целью сбалансировать генетическое распределение языков выборки. Из особенно крупных языковых семей (афразийской, атлантическо-конголезской, австронезийской, индоевропейской, трансновогвинейской и других) в выборку попало по несколько языков, принадлежащих разным ветвям, отсюда преобладание количества языков над количеством семей.

На Рисунке 10 обозначено географическое расположение языков выборки, ниже приведен полный список языков по ареалам.

Африка

Awjilah, Coptic, Gulf Arabic, Hausa, Chakali, Eton-Mengisa, Ewe, Jola-Fonyi, Bambassi, Mbay, Ngiti, Sheko, Tommo So Dogon, Gaam, Northern Gumuz, Moro, Izon, Tima, Nama (Namibia), Gwama, Ik, Amkoe, Maba (Chad), Mende (Sierra Leone), Dagik, Bari, Southwestern Dinka, Kenuzi-Dongola, Ama (Sudan), Tagoi (Orig dialect), Central Kanuri, Tadaksahak, Dime, Murle, Kachama-Ganjule-Haro, Tama (Chad), Xam.

Австралия

Gooniyandi, Kamu, Garrwa, Anindilyakwa, Mawng, Kitja, Limilngan, Mangarrayi, Mullukmulluk, Bardi, Dieri, Nhanda, Warlpiri, Murriny Patha, Kayardild, Wardaman.

Евразия

Abkhaz, Shwe Palaung, Sora, Koryak, Brahui, Tamil, Great Andamanese, Breton, Catalan, Danish, Eastern Armenian, Hindi, Macedonian, Modern Greek, Northern Tosk Albanian, Norwegian, Slovenian, Hokkaido Ainu, Japanese, Jarawa (India), Georgian, Korean, Bonan, Avar, Kham, Manange, Even, Azerbaijani, Bashkir, Chuvash, Estonian, Nganasan, Yugh, Southern Yukaghir.

Северная Америка

Arapaho, Chippewa, Tanacross, Teribe, Quileute, Kathlamet, Ineseño, Maricopa, Hanis, Aleut, Southern Haida, Oneida, Tol, Western Keres, Northeast Maidu, Tzotzil, Mískito, Lake Miwok, Highland Popoluca, Lealao Chinantec, San Miguel Chalcatongo (dialect of San Miguel El Grande Mixtec), Southern Pomo, Northwest Sahaptin, Northern Straits Salish, Highland Oaxaca Chontal, Upper Necaxa Totonac, Coast Tsimshian (dialect of Southern-Coastal Tsimshian), Cupeño, Southeastern Tepehuan, Nuu-chah-nulth, Northern Yokuts, Wappo.

Южная Америка

Culina, Central Aymara, Bora, Bororo, Galibi Carib, Wari', Kadiwéu, Cholón, Movima, Trumai, Kakua, Wichí, Hup, Mamaindé, Apinayé, Cavineña, Matsés, Huallaga Huánuco Quechua, Imbabura Highland Quichua, Barasana-Eduria, Cocama-Cocamilla, Chamacoco, Iquito.

Папунезия⁵

Cebuano, Chamorro, Dehu, Hoava, Maori, Mokilese, North Tanna, Palauan, Saliba, Tagalog, Momu-Fas, Imonda, Moskona, Konai, Meriam, Fuyug, Hatam, Suabo, Kamula, Grass Koiari, Kwomtari, Yimas, Bumbita Arapesh, Amele, Kobon, Korowai, Wambon, Alablak, Abui.

Рисунок 10. Карта языков выборки

⁵ Данное название является калькой с англ. *Papunesia*, которое используется в электронном каталоге языков Glottolog для обозначения ареала, включающего все острова между Суматрой и Америками за исключением удаленных австралийских островов, Японии и островов к северу от нее.

Статья поступила в редакцию 17.11.2020

The article was received on 17.11.2020

Александра Дмитриевна Ногина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Alexandra D. Nogina

National Research University Higher School of Economics

sashanogina@gmail.com

ЯВЛЕНИЯ СОЮЗА КЛАУЗ НА МАТЕРИАЛЕ КАЗЫМСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА*

В. А. Поцелуев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Статья посвящена явлению союза клауз в казымском диалекте хантыйского языка (село Казым). В статье приводятся аргументы в пользу наличия в рассматриваемом диалекте союза клауз. Кроме этого, выделяется множество матричных предикатов, для которых возможны явления, связанные с союзом клауз; эти данные сравниваются с имеющимися данными других диалектов.

Ключевые слова: хантыйский язык, союз клауз, инфинитив, дистантное согласование, длинный пассив.

CLAUSE UNION IN KAZYM KHANTY**

Vsevolod Potseluev

National Research University Higher School of Economics

This article is dedicated to clause union phenomena in Kazym Khanty (the village of Kazym). In this article I provide arguments for existence of clause union in the dialect under discussion. Also, I show what matrix predicates are compatible with phenomena related to clause union and try to compare the results I got to the data from other dialects, when possible.

Keywords: Khanty language, infinitive, clause union, long passive, long-distance agreement.

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Информационная структура и ее интерфейсы: синтаксис, семантика, прагматика», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году. Автор благодарен А. А. Козлову за комментарии к работе.

** This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). I am grateful to A. Kozlov for his comments.

1. Введение

Настоящая статья посвящена явлению союза клауз в казымском диалекте хантыйского языка. Используемые в статье данные были собраны в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и МГУ имени М. В. Ломоносова в с. Казым (Белоярский район Ханты-Мансийского автономного округа) летом 2019 года. Кроме этого, часть данных была получена в ходе устных онлайн-опросов весной 2020 г. Предложения получены методом элицитации, если не указано иное.

Союз клауз (clause union) — это явление, при котором матричный предикат и зависимая клауза демонстрируют некоторые свойства моноклаузальности. Явления такого рода ранее активно исследовались в различных теоретических парадигмах (см. [Rizzi 1978], clause union [Aissen, Perlmutter 1983], verb raising [Aissen 1974]). В этой работе я буду описывать данные хантыйского языка, используя термин «союз клауз», потому что такое обозначение не подразумевает специальных теоретических допущений относительно устройства таких конструкций.

В хантыйском языке зависимые клаузы при разных семантических классах матричных предикатов демонстрируют разную степень грамматической слитности с главной.

Распределение способов кодирования сентенциальных актанта в целом совпадает с иерархией, предложенной в работе [Cristofaro 2005: 125], ср. (1).

(1) Иерархия *complement deranking*

Модальные, фазовые > дезидеративные, манипулятивные ('заставить', 'приказать') > перцепции > знания, отношения к пропозиции, речи

При фазовых, модальных и манипулятивных глаголах используется инфинитив на *-ti* (2). При предикатах перцепции, оценки, а также при ментальных предикатах используется нефинитная форма с суффиксом *-əm-* или *-ti-*. Эти суффиксы кодируют различную временную референцию зависимой клаузы (прошедшее и непрошедшее время соответственно). Эта нефинитная форма допускает некорреферентность субъектов матричной и зависимой клауз (3). Зависимая клауза предикатов речи может кодироваться как нефинитной формой (4) на *-əm-/ti-*, так и финитной клаузой (5).

- (2) *ma χot-εm ner-ti λᾱηχα-λ-εm*
 я дом-POSS.1SG красить-NFIN.NPST хотеть-NPST-1SG
 ‘Я хочу покрасить свой дом.’
- (3) *was'a-jen ma rat χort-m-εm wə-λ-λε*
 Вася-POSS.2SG я костер тушить-NFIN.PST-1SG знать-NPST-3SG > SG
 ‘Вася знает, что я потушил костер.’
- (4) *nᾱη jōχət-t-en ma lōp-s-εm*
 ты прийти-NFIN.NPST-2SG я говорить-PST-1SG > SG
 ‘Я сказал, (что) ты приезжаешь.’ (пример из [Кошкарева 2005: 173])¹
- (5) *ma λᾱweλ-a lup-s-εm kińška λᾱηət-λ-εm*
 я он-DAT сказать-PST-1SG книга читать-NPST-1SG
 ‘Я сказал ему, что читаю книгу.’

Для семантических типов матричных глаголов, находящихся в левой части иерархии, можно было бы ожидать, что конструкции с ними демонстрируют большую степень слитности. Действительно, явления, указывающие на наличие союза клауз, ранее отмечались в обдорском [Nikolaeva 1995, 1999] и тегинском [Холодилова 2012] диалектах хантыйского языка.

Целью моего исследования было узнать, есть ли явления такого рода в казымском диалекте хантыйского языка, а в случае, если таковые явления существуют, определить какие предикаты или классы предикатов допускают союз клауз, а какие нет.

Статья устроена следующим образом: в разделе 2 рассказывается о конкретных проявлениях союза клауз, релевантных для хантыйского языка. В разделе 3 представлено краткое описание данных других диалектов. В разделе 4 изложены результаты самого исследования, а в разделе 5 я суммирую полученную информацию.

2. Необходимая терминология

В своем описании союза клауз хантыйского языка я вслед за М. А. Холодиловой [Холодилова 2012] буду рассматривать контексты с прозрачным согласованием, длинным пассивом и подъемом преверба.

¹ Здесь и дальше, приводя примеры из других работ, я буду оставлять транскрипцию, принятую в оригинале. Глоссы для примеров из казымского диалекта будут изменены, чтобы унифицировать представление материала.

Прозрачное согласование (дистантное согласование, long-distance agreement) — явление, при котором мишень и контролер согласования находятся в разных клаузах (определение из [Polinsky 2003]). Это явление ранее описывалось для различных языков (например, для даргинского [Кибрик 2003], цезского [Polinsky, Potsdam 2001]).

Примером прозрачного согласования может служить пара цезских предложений в (6). В примере (6b) матричный глагол согласуется с абсолютным аргументом зависимой клаузы по третьему классу. Если бы он согласовался с зависимым предикатом, у него бы был показатель четвертого класса, как в предложении (6a). Ожидается, что в хантыйском языке аналогичным образом будет возможно объектное согласование матричного глагола с объектом зависимой клаузы.

(6) цезский [Polinsky, Potsdam 2001: 584]

a. *enir* [uʒā magalu bāc'ruṭi] r-iyxo
 мать [мальчик хлеб.Ш.АВS есть].IV IV-знать

‘The mother knows the boy ate the bread.’

‘Мать знает, что мальчик хлеб съел.’

b. *enir* [uʒā magalu bāc'ruṭi] b-iyxo
 мать [мальчик хлеб.Ш.АВS есть] Ш-знать

‘The mother knows the boy ate the bread.’

‘Мать знает, что мальчик хлеб съел.’

При **длинном пассиве** (“Long Passive” / “Super Passive”) прямое дополнение зависимой клаузы поднимается в позицию субъекта матричной клаузы, получая маркеры именительного падежа, если таковые имеются. Вместе с этим, матричный глагол оформляется так же, как и в обычной (моноклаузальной) пассивной конструкции. Длинный пассив засвидетельствован, например, в немецком (7).

(7) немецкий [Wurmbrand 1998: 36]

weil [dieser Turm]_i [t_i zu restaurieren] versucht wurde
 потому_что эта башня.NOM INF чинить пытаться был

‘since somebody tried to restore the tower’

‘потому что кто-то попытался починить башню’

Подъем преверба — это явление аналогичное подъему клитики (clitic climbing). В случае подъема клитики элемент, который линейно находится

в главной клаузе, семантически или структурно относится к зависимой клаузе. Например, в итальянском языке некоторые предикаты вроде *volere* ‘хотеть’ позволяют подъем клитик (8a), в то время как другие предикаты, такие как *decidere* ‘решить’ запрещают его (8b).

(8) итальянский [Wurmbrand 1998: 37]

- a. *Gianni lo ha voluto [leggere t_{CL}]*
 Джанни это.CL AUX хотеть.PTCP читать.INF
 ‘John wants to read it.’; ‘Джанни хочет прочитать это.’
- b. **Gianni lo ha deciso [di leggere t_{CL}]*
 Джанни это.CL AUX решить.PTCP INF читать
 Int.: ‘John decided to read it’;
 Ожид. зн.: ‘Джанни решил прочитать это.’

Превербамы я буду назвать предглагольные элементы наречного происхождения, которые обычно занимают позицию непосредственно перед глаголом и могут изменять его значение [Соловар 2009]. Так, например, в предложении (9) преверб *них* ‘вверх’, сочетаясь с глаголом *witi* ‘брать’, образует предикат *них witi* ‘отобрать’.

- (9) *хот-эм хиж-ат-эн них wi-s-i*
 дом-POSS.1SG кто-INDEF-LOC вверх брать-PST-PASS
 ‘Дом мой кто-то отобрал.’ [Корпус западных диалектов хантыйского языка]²

3. Данные других северных диалектов

Как я писал выше, в северных диалектах и раньше отмечалось наличие явлений, указывающих на союз клауз.

В работе [Холодилова 2012] было показано, что в диалекте с. Теги хантыйского языка возможны явления, свидетельствующие о существовании союза клауз в северных хантыйских диалектах: согласование матричного глагола по числу с прямым дополнением зависимой клаузы, длинный пассив, подъем преверба.

² Корпус текстов на хантыйском языке общим объемом в 42174 словоупотреблений, разработанный Е. В. Кашкиным в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012–2014 гг.).

Наличие прозрачного согласования подтверждается примерами типа (10), в которых матричный глагол согласуется с зависимым дополнением по неединственному числу. Если бы согласование происходило по единственному числу, нельзя было бы с уверенностью сказать, что глагол согласуется именно с прямым дополнением, а не с самим инфинитивом (аналогично примеру (6b) для цезского языка).

- (10) *tām vetra-j-t ał-əm-ti ma noχ ǎn vert-ł-əlam*
 этот ведро-OBL-PL нести-PUNCT-INF я вверх NEG мочь-NPST-1SG.PL
 ‘Я не могу поднять эти ведра.’

Длинный пассив, как утверждается в этой работе, представлен сравнительно широко и может употребляться с модальными и фазовыми глаголами, а также с глаголом со значением ‘забыть’; он запрещен для глагола *mǎnti* ‘идти’. Иллюстрируется это примерами типа (11).

- (11) *χot-ət vołi-s-aj-t ver-ti*
 дом-PL прекратить-PST-PASS-3PL делать-INF
 ‘Дома прекратили строить.’

Примеры вида (12) подтверждают наличие подъема превербов. Преверб находится слева от матричного глагола, но семантически модифицирует зависимую предикацию. Несмотря на это М. А. Холодилова отмечает, что подъем преверба в тегинском варианте хантыйского языка является маргинальным явлением. Некоторые информанты стабильно признают его неграмматичным, в то время как другие считают конструкции с ним приемлемыми.

- (12) *tām əv-t ma lǎp n’uoms-ł-əm tuoχrəm-tija*
 этот дверь-PL я вплотную думать-NPST-1SG закрыть-SUP
 ‘Эти двери я думаю закрыть.’

Еще раньше эти же явления так или иначе фиксировались для обдорского диалекта. Например, в [Nikolaeva 1999] приводится пример (13), который, по мысли И. А. Николаевой, должен показывать допустимость дистантного согласования. Однако авторская интерпретация кажется не вполне удачной, потому что, если *paŋe:n* это действительно местоимение в винительном падеже, не очень понятно как внутри одной клаузы могут нахо-

даться сразу два участника, которые должны быть оформлены аккузативом³. Логичнее было бы считать, что *naŋ* ‘ты’ каким-то образом получает свой падеж в главной клаузе. В таком случае этот пример показывает не дистантное согласование, а некоторого рода подъем. Но даже если это просто опечатка в глоссах и на самом деле местоимение оформлено дативом, то этот пример все еще не безупречен, так как согласование по единственному числу не является однозначным доказательством именно дистантного согласования (как об этом писалось выше).

- (13) *ma we:rit-l-e:m* [Ø *naŋ-e:n jo:nt-ti je:rnas*]
 я мочь-NPST-1SG.SG ты-ACC шить-INF платье
 ‘I can sew a dress for you.’ [Nikolaeva 1999: 47]
 ‘Я могу сшить для тебя платье.’

Что касается длинного пассива, в [Nikolaeva 1995: 149] говорится о том, что в формах аналитического будущего времени пассивный показатель появляется на вспомогательном глаголе *pit-* (14). С интерпретацией примера (14) тоже есть проблемы: в хантыйском языке суффикс *-s-* является показателем прошедшего времени (в известных нам вариантах хантыйского языка пример (14) переводился бы как ‘меня сделали’). Скорее всего, в оригинальной работе опечатка, иначе непонятно, какой в точности семантический эффект привносит показатель прошедшего времени. Более подробных данных об этом явлении не представлено.

- (14) *werti pit-s-a-j-əm*
 делать.NFIN.NPST стать-PST-PASS-OBL-1SG
 ‘меня сделают’ [Nikolaeva 1995: 149]

Также [Nikolaeva 1999: 36] отмечает, что в обдорском хантыйском преверб может подниматься в матричную клаузу (15). Какие именно глаголы позволяют такой подъем, неизвестно.

- (15) *wo:j a:l-tiji kim ńo:t-a*
 животное нести наружу помочь-IMP.2SG
 ‘Help (me) carry animals outside.’ [Nikolaeva 1999: 36]
 ‘Помоги (мне) вынести животных наружу.’

³ Как указывает сама И. А. Николаева, в хантыйском косвенное дополнение может становиться прямым, но в таком случае исходное прямое дополнение должно быть оформлено локативом, см. [Nikolaeva 2001: 32].

Подводя итог имеющимся данным из других диалектов, можно считать, что рассматриваемые явления так или иначе присутствуют в северных хантыйских диалектах, хотя их следует признать скорее недостаточно задокументированными.

4. Казымский диалект

Создавая выборку матричных предикатов, в которых можно было бы ожидать явления союза клауз, я руководствовался диссертацией С. Вурмбранд [Wurmbrand 1998]. Одним из важнейших результатов этой работы является список предикатов, типологически чаще других допускающих союз клауз. К таким предикатам относятся модальные, аспектуальные глаголы, глаголы движения и бессубъектные каузативы. Чуть реже в таких конструкциях встречается имплицативное ‘забыть’ и т. н. “easy-to-please” предикаты.

Бессубъектным каузативом в этой работе называется глагол, субъект зависимой клаузы которого не контролируется никаким из фонологически выраженных элементов главной клаузы. Таким образом, например, устроен пример (16) из немецкого языка с глаголом *lassen*:

(16) немецкий [Wurmbrand 1998: 188]

Maria ließ [den Gast abholen]

Мэри позволить DEF гость встретить

‘Mary let/made somebody (= Ø) pick of the guest.’

‘Мэри разрешила/попросила кого-нибудь (= Ø) встретить гостей.’

Имплицативным ‘забыть’ мы здесь называем соответствия того лексико-семантического варианта глагола ‘забыть’, который присоединяет инфинитивный сентенциальный актанта. Имплицативное ‘забыть’ обычно противопоставляется фактивному ‘забыть’, присоединяющему финитную клаузу (ср. предложения *Вася забыл полить цветы* и *Вася забыл, что Петя полил цветы*). Истинность зависимой пропозиции имплицативного матричного предиката зависит от истинности главной пропозиции (подробнее про имплицативность см. [Karttunen 1971]).

Т. н. “easy-to-please” предикаты — это предикаты, при которых происходит подъем прямого дополнения зависимой клаузы в позицию подлежащего матричной клаузы — например, как в итальянском предложении *Questo libro è difficile da finire prima di lunedì* [Wurmbrand 1998: 109] ‘Эту книгу тяжело закончить до понедельника’.

Большинство явлений, используемых мною как тест на наличие союза клауз, не может проявляться при неглагольных предикатах, поэтому я не стал рассматривать конструкции типа *easy-to-please*. В остальном же я придерживался этого списка.

4.1. Прозрачное согласование

Перед тем как я перейду собственно к описанию прозрачного согласования, следует оговориться, что в некоторых примерах я буду показывать его невозможность в предложениях с прямым дополнением в единственном числе, а в других — с прямым дополнением во множественном числе. Отметим сразу, что если бы в каких-то случаях было возможно согласование по единственному числу, но невозможно по множественному, то перед нами было бы не прозрачное согласование, а согласование с инфинитивом. Однако таких случаев я не зафиксировал. С другой стороны, невозможность согласования по единственному числу показывает, что ни прозрачное согласование, ни согласование с инфинитивом не оказываются возможными.

В моей выборке предикатов прозрачное согласование возможно для фазовых глаголов *pitti* ‘стать’ и *олnitti* ‘начать’ (17).

(17) a. *ma kińška-λ-am χǎńši pit-s-əlam*
я книга-PL-POSS.1SG писать.NFIN.NPST стать-PST-1SG > NSG
‘Я стал писать свои книги.’

b. *ma χot-λ-am nεr-ti olɲit-s-əlam*
я дом-PL-POSS.1SG красить.NFIN.NPST начать-PST-1SG > NSG
‘Я начал красить свои дома.’

Для фазовых глаголов *wiλiti* ‘прекратить’ *jetšəti* ‘закончить’ такое согласование невозможно (18).

(18) a. *χot-εm nεr-ti wiλi-s-əm/*-εm*
дом-POSS.1SG красить.NFIN.NPST прекратить-PST-1SG/1SG > SG
‘Я прекратил красить свой дом.’

b. **ma an-λ-am χuxət-ti jetšə-s-λam*
я чашка-PL-POSS.1SG мыть.NFIN.NPST закончить-PST-1SG > NSG
‘Я закончил мыть свои чашки.’

Принимая во внимание тот факт, что в казымском хантыйском нет специального глагола со значением ‘продолжить’, можно сделать обобщение, что из фазовых глаголов прозрачное согласование возможно только с глаголами начинания.

Для глагола *mǎnti* ‘идти’ дистантное согласование невозможно (19).

- (19) **ma amɥ-λ-am λapət-ti mǎn-s-əlam*
 я собака-PL-POSS.1SG кормить-NFIN.NPST идти-PST-1SG > NSG
 Ожид. зн.: ‘Я пошел кормить своих собак.’

Более сложная ситуация с модальными глаголами. Единственный модальный глагол, стабильно допускающий дистантное согласование — *wntśəti* ‘хотеть, намереваться’ (20).

- (20) *ma χot-λ-am λeśi-ti wntśə-λ-λam*
 я дом-PL-POSS.1SG чинить-NFIN.NPST намереваться-NPST-1SG > NSG
 ‘Я хочу починить свои дома.’

Однако похожий на него по семантике глагол *artaśti* ‘собираться’ не может согласовываться с прямым дополнением (21).

- (21) **ma tǎm əχəλ wɛrət-ti artaś-s-ɛm*
 я этот нарта делать-NFIN.NPST собираться-PST-1SG > SG
 Ожид. зн.: ‘Я собирался сделать эту нарту.’

Более того, прототипический глагол для обозначения желания *łǎŋχati* ‘хотеть’, скорее всего, тоже не допускает дистантное согласование. Большинство опрошенных информантов запрещает примеры вида (22).

- (22) ??*ma χot-λ-am λeśi-ti łǎŋχa-λ-λam*
 я дом-PL-POSS.1SG чинить-NFIN.NPST хотеть-NPST-1SG > NSG
 ‘Я хочу починить свои дома.’

Точно такая же ситуация с глаголами *χošt̪i* ‘уметь’ (23) и *pǎkti* ‘мочь’ (24):

- (23) ??*ma tǎm χot-ət oməs-ti χoś-s-əlam*
 я этот дом-PL строить-NFIN.NPST уметь-PST-1SG > NSG
 ‘Я сумел построить эти дома.’

- (24) ??*ma kińška-λ-am λɲjət-ti pǎk-s-əlam*
 я книга-PL-POSS.1SG читать-NFIN.NPST мочь-PST-1SG > NSG
 ‘Я смог прочитать свои книги.’

Глагол *juremæti* ‘забыть’ согласуется с прямым дополнением зависимой клаузы (25):

- (25) *ma tət-λ-am χərət-ti juremæ-s-əlam*
 я костер-PL-POSS.1SG тушить-NFIN.NPST забыть-PST-1SG > NSG
 ‘Я забыл потушить свои костры.’

Кроме того, в рассматриваемом диалекте есть матричные предикаты *ńotti* ‘помочь’, *partti* ‘велеть’, *esəłti* ‘пустить, разрешить’, для которых возможны две модели управления — с адресатом в дательном (26a) и винительном падежах (26b).

- (26) a. *ma λmwel-a ar wənłtə-ti ńot-s-əm*
 я он-DAT песня учить-NFIN.NPST помочь-PST-1SG
 ‘Я помог ему выучить песню.’ {a = b}

- b. *ma λmwət ar wənłtə-ti ńot-s-əm*
 я он.ACC песня учить-NFIN.NPST помочь-PST-1SG > SG

Пока недостаёт данных для того, чтобы быть уверенными, действительно ли это две равновозможные модели управления или одна из них получается из другой с помощью пермутатива⁴. В любом случае, ничто не исключает логической возможности дистантного согласования в предложении с той моделью управления, в которой адресат оформляется дативом. Такие примеры тоже признаются большинством информантов неграмматичными (27)–(29).

- (27) ??*ma λmwel kińška-λ-am λmjet-ti esəł-s-əlam*
 я он.DAT книга-PL-POSS.1SG читать-NFIN.NPST пустить-PST-1SG > NSG
 ‘Я разрешил ему прочитать мои книги.’

- (28) ??*ma λmwel-a ar-λ-am wənłtə-ti ńot-s-əlam*
 я он-DAT песня-PL-POSS.1SG учить-NFIN.NPST помочь-PST-1SG > NSG
 ‘Я помог ему выучить мои песни.’

- (29) ??*ma was'a-jen-a amp-ət lapət-ti par-s-əlam*
 я Вася-POSS.2SG-DAT собака-PL кормить-NFIN.NPST велеть-PST-1SG > NSG
 ‘Я велел Васе покормить собак.’

⁴ Залоговая альтернатива, делающая из непрямого дополнения прямое; см. подробнее в [Nikolaeva 2001].

Бессубъектные каузативы ведут себя точно так же, как и эти глаголы (30). Это можно считать в некоторой мере ожидаемым, если рассматривать дистантное согласование как следствие определенной синтаксической структуры клауз. Разница между этими предложениями только в том, что в одних каузируемый участник выражен эксплицитно, а в других заменяется на некоторый фонологически невыраженный аргумент, получающий референцию из дискурса. Иными словами, при одинаковой структуре клауз отличаются семантические и синтаксические свойства одного из аргументов.

- (30) *ʔma kińška-λ-am λɯjət-ti esəλ-λ-əlam*
 я книга-PL-POSS.1SG читать-NFIN.NPST пустить-NPST-1SG > PL
 ‘Я разрешаю читать мои книги.’

4.2. Длинный пассив

Как и прозрачное согласование, длинный пассив из всех фазовых глаголов возможен только для глаголов начинания (31a–d).

- (31) a. *χot-ət oməs-ti pit-s-a-jət*
 дом-PL строить-NFIN.NPST стать-PST-PASS-3PL
 ‘Дома стали строить.’
- b. *χot-ət oməs-ti oλnit-s-a-jət*
 дом-PL строить-NFIN.NPST начать-PST-PASS-3PL
 ‘Дома начали строить.’
- c. **χot-ət oməs-ti wuλi-s-a-jət*
 дом-PL строить-NFIN.NPST прекратить-PST-PASS-3PL
 Ожид. зн.: ‘Дома прекратили строить.’
- d. **χot-ət nɛr-ti jetšə-s-i-jət*
 дом-PL красить-NFIN.NPST закончить-PST-PASS-3PL
 Ожид. зн.: ‘Дома закончили красить.’

Кроме того, он возможен для глаголов *jureməti* ‘забыть’ (32) и *wɯtsəti* ‘хотеть, намереваться’ (33).

- (32) *rat-ət χərət-ti juremə-s-i-jət*
 костер-PL тушить-NFIN.NPST забыть-PST-PASS-3PL
 ‘Костры забыли потушить.’

- (33) *χot-ət nuχ losət-ti wntśə-s-i-jət*
 дом-PL вверх разобрать-NFIN.NPST намереваться-PST-PASS-3PL
 ‘Дома собирались построить.’

С остальными модальными глаголами конструкция с длинным пассивом малоприемлема (34)–(37).

- (34) **tām kińška-jət ληjət-ti pāk-s-a-jət*
 этот книга-PL читать-NFIN.NPST мочь-PST-PASS-3PL
 Ожид. зн.: ‘Эти книги смогли прочитать.’

- (35) **tām kińška-jət ληjət-ti χoš-s-a-jət*
 этот книга-PL читать-NFIN.NPST уметь-PST-PASS-3PL
 Ожид. зн.: ‘Эти книги сумели прочитать.’

- (36) ??*χot-ət nuχ losət-ti λḗηχα-λ-i-jət*
 дом-PL вверх разобрать-NFIN.NPST хотеть-NPST-PASS-3PL
 ‘Дома хотят разобрать.’

- (37) **χot-ət oməs-ti artaś-s-a-jət*
 дом-PL строить-NFIN.NPST собираться-PST-PASS-3PL
 Ожид. зн.: ‘Дома собирались построить.’

Для глаголов типа *ńotti* ‘помочь’ и *esəłti* ‘разрешить’ не удастся получить трактовку, которая соответствовала бы конструкции с длинным пассивом (38). В позиции подлежащего матричной клаузы оказывается бывший дативный участник.

- (38) #*amp-ət λapət-ti ńot-s-a-jət*
 собака-PL кормить-NFIN.NPST помочь-PST-PASS-3PL
 Ожид. зн.: ‘Помогли покормить собак.’
 Получ. зн.: ‘Собакам помогли {кого-то} покормить.’

4.3. Подъем преверба

В рассматриваемом диалекте не удалось найти свидетельства наличия подъема превербов. Предполагая, что все явления, свойственные союзу клауз, напрямую вытекают из особой синтаксической структуры, и что эта структура — по крайней мере, в некоторых случаях — должна допускать все возможные явления союза клауз, я проверил подъем превербов у глаголов, давших положительный результат на тесты из 4.1. и 4.2., а именно:

pitti ‘стать’, *олнитти* ‘начать’, *juremati* ‘забыть’. Так как эти глаголы не допускают подъема преверба (39), я предполагаю, что в казымском диалекте просто нет подъема превербов.

(39) a. *was'a-jen* *ow-əl* *juremә-s-лe* *lǎp* *təxər-ti*
 Вася-POSS.2SG дверь-POSS.3SG забыть-PST-3SG > SG вплотную закрыть-NFIN.NPST
 ‘Вася забыл закрыть дверь.’ {a = b}

b. **was'a-jen* *ow-əl* *lǎp* *juremә-s-лe* *təxər-ti*
 Вася-POSS.2SG дверь-POSS.3SG вплотную забыть-PST-3SG > SG закрыть-NFIN.NPST

Учитывая тот факт, что и обдорский диалект, и тегинский говор географически расположены севернее говора с. Казым, можно выдвинуть гипотезу, что подъем преверба является чертой крайнесеверных хантыйских диалектов. В таком случае разделение информантов на тех, кто последовательно разрешает и тех, кто последовательно запрещает союз клауз, описанное для тегинского в [Холодилова 2012], можно было бы объяснить тем, что тегинский говор территориально находится на границе между казымским и шурышкарским диалектами. Соответственно, люди, подвергшиеся наибольшему влиянию казымского диалекта, склонны запрещать примеры с союзом клауз. Подтверждение или опровержение этой гипотезы может послужить предметом будущих исследований.

5. Заключение

Я обобщил данные, полученные для каждого предиката, в таблице 1.

Как можно видеть, четко выделяются глаголы, стабильно допускающие явления союза клауз: *pitti* ‘стать’, *олнитти* ‘начать’, *juremati* ‘забыть’, *whtsәti* ‘хотеть, намереваться’. Эти глаголы не формируют отдельного естественного семантического класса, однако среди них есть оба глагола со значением начинания.

Кроме того, нет таких глаголов, которые бы разрешали какое-то одно из исследуемых явлений, присутствующих в рассматриваемом диалекте, (прозрачное согласование или длинный пассив) и запрещали другое. Подъем преверба, как говорилось выше, зафиксировать не удалось.

Таким образом, я показал, что в казымском диалекте хантыйского языка, так же, как и в других северных диалектах, есть явления, при которых ис-

ходное прямое дополнение зависимой клаузы влияет на оформление матричного предиката. Следующим этапом исследования союза клауз в хантыйском языке вообще и в казымском диалекте в частности будет описание структурных различий между предложениями с матричными предикатами, допускающими союз клауз, и предложениями, в которых матричный предикат запрещает его.

Таблица 1. Явления союза клауз при рассмотренных матричных предикатах⁵

	Семантический класс предиката	Прозрачное согласование	Длинный пассив	Подъем преверба
<i>pitti</i> 'стать'	фазовый	ok	ok	*
<i>olnitti</i> 'начать'	фазовый	ok	ok	*
<i>jetšati</i> 'закончить'	фазовый	*	*	—
<i>wiliti</i> 'прекратить'	фазовый	*	*	—
<i>juremæti</i> 'забыть'	ментальный	ok	ok	*
<i>mānti</i> 'идти'	идти	*	*	—
<i>witšati</i> 'хотеть, намереваться'	модальный	ok	ok	—
<i>lāŋχati</i> 'хотеть'	модальный	??	??	—
<i>χošti</i> 'уметь'	модальный	??	*	—
<i>pākti</i> 'мочь'	модальный	??	*	—
<i>artašti</i> 'собираться'	модальный	*	*	—
<i>esəłti</i> 'пустить, разрешить'	манипулятивный	??	#	—
<i>ńotti</i> 'помочь'	манипулятивный	??	#	—
<i>partti</i> 'велеть'	манипулятивный	??	#	—

Список условных сокращений

III, IV — согласовательные классы; 1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; CL — клитика; DAT — датив; DEF — определенность; IMP — императив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; NFIN — нефинитная форма; NPST — не прошедшее время; NSG — неединственное число; OBL — косвенная основа; PASS — пассив; POSS — посессивность; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число; SUP — супин; > — объектное спряжение.

⁵ '*' — запрещается, 'ok' — разрешается, '??' — не принимается большинством информантов, '#' — не доступна ожидаемая интерпретация, '—' — не рассматривалось.

Литература

- Кибрик 2003 — Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. Даргинский язык (чирагский диалект). Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003. С. 482–504. [Kibrik A.E. Materialy k tipologii ehrgativnosti. Darginskii yazyk (chiragskii dialekt) [Materials for a typology of ergativity: Dargwa language (Chirag dialect)]. Konstanty i peremennye yazyka. SPb: Aleteiya, 2003. P. 482–504.]
- Кошкарева 2005 — Кошкарева Н.Б. Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материале хантыйского и ненецкого языков). Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 169–195. [Koshkareva N.B. Sposoby vyrazheniya modus-diktumnykh otnoshenii v ural'skikh yazykakh Sibiri (na materiale khantyiskogo i nenetskogo yazykov) [Ways of expressing modus-dictum relations in the Ural languages of Siberia (on the material of the Khanty and Nenets languages)]. Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri. Novosibirsk, 2005. P. 169–195.]
- Соловар 2009 — Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке. Новосибирск: Любава, 2009. [Solovar V.N. Paradigma prostogo predlozheniya v khantyiskom yazyke [A paradigm of a simple sentence in Khanty language]. Novosibirsk: Lyubava, 2009.]
- Холодилова 2012 — Холодилова М.А. Союз клауз в хантыйском языке (говор с. Теги) и некоторые более общие и более частные заметки по сентенциальным актантам в нем же. Отчет по результатам экспедиции 2012 года. Неопубликованные материалы. [Kholodilova M.A. Soyuz klauz v khantyiskom yazyke (govor s. Tegi) i nekotorye bolee obshchie i bolee chastnye zametki po sententsial'nym aktantam v nem zhe. Otchet po rezul'tatam ehkspeditsii 2012 goda [Clause union in Khanty language (Tegi variant) and some more general and more particular notes on sentential arguments in it. Report on the results of expedition in 2012.]. Unpublished materials.]
- Aissen 1974 — Aissen J. Verb raising. *Linguistic Inquiry*. 1974. Vol. 5. No. 3. P. 325–366.
- Aissen, Perlmutter 1983 — Aissen J., Perlmutter D.M. Clause Reduction in Spanish. *Studies in Relational Grammar 1*, Perlmutter D.M. (ed.). Chicago: The University of Chicago Press, 1983. P. 360–403.
- Cristofaro 2005 — Cristofaro S. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Karttunen L. 1971 — Karttunen L. Implicative verbs. *Language*. 1971. Vol. 47. No. 2. P. 340–358.
- Nikolaeva 1995 — Nikolaeva I.A. *Obdorsky dialect of the Khanty language*. M., Hamburg: Lüneburg, 1995.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. *Ostyak*. München: Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. No. 1. P. 1–50.
- Polinsky, Potsdam 2001 — Polinsky M., Potsdam E. Long-distance agreement and topic in Tsez. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2001. Vol. 19. No. 3. P. 583–646.
- Polinsky 2003 — Polinsky M. Non-canonical agreement is canonical. *Transactions of the Philological Society*. 2003. Vol. 101. No. 2. P. 279–312.
- Rizzi 1978 — Rizzi L. A restructuring rule in Italian syntax. *Recent Transformational Studies in European Languages*. Keyser S.J. (ed.). Cambridge: MIT Press, 1978. P. 113–158.
- Wurmbrand 1998 — Wurmbrand S. *Infinitives*. Ph.D. thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1998.

Статья поступила в редакцию 16.11.2020

The article was received on 16.11.2020

Всеволод Алексеевич Поцелуев

стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Vsevolod A. Potseluev

research assistant, National Research University Higher School of Economics

potseluev.va@yandex.ru

О ПРИРОДЕ ЭФФЕКТА ПРЕВОСХОДСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТАКСИЧЕСКИЕ РОЛИ ИЛИ С-КОМАНДОВАНИЕ*

К. А. Студеникина

МГУ имени М. В. Ломоносова,

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Работа посвящена изучению эффектов превосходства в русском языке в отрыве от субъектно-объектной асимметрии, с учетом только с-командования. Поскольку во множественных вопросах *wh*-субъект проявляет свойства, отличные от свойств *wh*-слов других синтаксических ролей, для изучения эффектов превосходства необходимо рассмотреть вопросы с двумя *wh*-объектами: объектом матричной клаузы и объектом зависимой клаузы. Они имеют одинаковую синтаксическую роль, следовательно, такая конфигурация позволяет узнать влияние собственно структурного приоритета. Исследование показывает, что взаимодействие эффектов превосходства и дискурсивной связанности в конструкциях с *wh*-субъектом и *wh*-объектом устроено иначе, чем в вопросах с разноструктурными объектами. В первом случае определяющей является дискурсивная связанность субъекта, во втором — линейный порядок и длина *wh*-групп.

Ключевые слова: множественные *wh*-вопросы, дискурсивная связанность, эффекты превосходства, с-командование, субъектно-объектная асимметрия.

* Работа написана при поддержке проекта РНФ 18-18-00462, «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

ON THE NATURE OF THE SUPERIORITY EFFECT IN RUSSIAN: GRAMMATICAL RELATIONS OR C-COMMAND*

Kseniia Studenikina

Lomonosov Moscow State University, Pushkin State Russian Language Institute

The paper deals with the syntax of superiority in Russian ignoring the subject-object asymmetry between *wh*-words and regarding only c-command. The *wh*-subject in multiple questions has different properties from the other *wh*-words. In this study, I consider questions with two *wh*-objects (the matrix clause object and the dependent clause object) in order to investigate the influence of the structural priority itself. The study shows that in constructions with *wh*-subject and *wh*-object, d-linking of the *wh*-subject is determinative for superiority, while in questions with two *wh*-objects the linear order and the length of *wh*-phrases turned out to be important.

Keywords: multiple *wh*-questions, discourse linking, superiority effects, c-command, subject-object asymmetry.

* The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #18-18-00462 at Pushkin State Russian Language Institute.

1. Введение

В области исследования множественных *wh*-вопросов одним из наиболее часто описываемых явлений можно считать эффекты превосходства, т.е. возможные ограничения на порядок *wh*-слов в зависимости от их структурной позиции. Причина столь пристального внимания состоит в том, что языки проявляют различное поведение в отношении наличия или отсутствия эффектов превосходства. Если для английского языка, на материале которого эффекты превосходства были выявлены впервые [Chomsky 1973], неприемлемость предложений с нарушением эффектов превосходства не ставится под сомнение (1), то для множественных вопросов в других языках столь же единого мнения не наблюдается.

(1) английский

a. *Who_i did John tell t_i that he should buy what?*

‘Кому Джон сказал, что он должен что купить?’

b. **What_i did John tell who that he should buy t_i?*

‘Что Джон сказал кому, что он должен купить?’

Так, для славянских языков наличие эффектов превосходства не постулируется как универсальное явление; напротив, существует множество факторов, которые влияют на наличие или отсутствие эффектов превосходства. Одним из них является тип клаузы: согласно [Bošković 1998, 2002], в сербохорватском языке эффекты превосходства отсутствуют в матричных клаузах и присутствуют в коррелятивах, ср. (2), (3).

(2) сербохорватский

a. *Ko je šta prodao?*

кто 3SG что-ACC продать-3SG

‘Кто что продал?’ {a = b}

b. *Šta je ko prodao?*

(3) сербохорватский

a. *Ko koga voli, taj o njemu i govori.*

кто кто-ACC любить-3SG тот о он-LOC и говорить-3SG

‘Кто кого любит, тот о нем и говорит’ {a = b}

b. **Koga ko voli, taj o njemu i govori.*

Важно отметить, что во многих работах, посвященных множественным *wh*-вопросам славянского типа (за исключением нескольких работ, которые будут рассмотрены в разделе 2), выводы о наличии или отсутствии эффектов превосходства делаются лишь на материале конфигураций одного типа, а именно сочетаний *wh*-субъекта и *wh*-объекта. Это наблюдается как в пионерской работе К. Рудин [Rudin 1988], так и в дальнейших исследованиях (см., например, [Stepanov 1998, Stjepanovic 2003, Scott 2012, Bailyn 2017]).

Тот факт, что вывод о наличии или отсутствии эффектов превосходства в славянских множественных *wh*-вопросах с *wh*-субъектом и *wh*-объектом распространяется на конструкции со всеми прочими *wh*-словами, кажется нам некорректным. Вопросительные слова в роли субъекта и объекта имеют различную синтаксическую роль: субъект (при наличии прямого объекта) является внешним аргументом, зависимым группы лёгкого глагола *vP*, в то время как прямой объект является внутренним аргументом, зависимым группы лексического глагола *VP*. Эти *wh*-слова не только различаются структурным приоритетом, при котором одно *wh*-слово находится выше в дереве и *s*-командует другим *wh*-словом, но и занимают разные позиции в аргументной структуре глагола. Как было сказано выше, некоторые, хоть и не многие работы всё же фокусируются не только на конфигурации '*wh*-субъект + *wh*-объект', но и на вопросах с другими вопросительными словами. Мы рассмотрим эти исследования и покажем, какие отличительные свойства множественных вопросов с *wh*-субъектом они описывают и почему так важно изучать эффекты превосходства в отрыве от субъектно-объектной асимметрии. Учитывая специфику *wh*-субъектов, нам кажется необходимым рассмотреть такую конфигурацию, где оба вопросительных слова будут иметь одну и ту же синтаксическую роль, что снимет противопоставление 'субъект-объект', и будут различаться только структурным приоритетом, а именно множественные *wh*-вопросы с двумя объектами: объектом главной клаузы и объектом зависимой клаузы.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 мы подробнее остановимся на предпосылках экспериментального исследования, а именно на особенностях множественных конструкций с *wh*-субъектом. Раздел 3 посвящен собственно экспериментальному исследованию конфигураций с двумя структурно различными *wh*-объектами. В разделе 5 мы рассмотрим, какие сходства и различия наблюдаются между вопросами с *wh*-субъектом и *wh*-объектом и вопросами с двумя разноструктурными прямыми объектами. Раздел 4 подводит итоги исследования.

2. Особенности множественных вопросов с *wh*-субъектом

Как было отмечено во введении, большинство исследований множественных *wh*-вопросов в славянских языках рассматривают конфигурации с субъектом и объектом в качестве вопросительных слов, однако существуют некоторые исключения. В данном разделе мы обратимся к работам, рассматривающим множественные вопросы с *wh*-словами в различных структурных позициях, и покажем, какие особенности наблюдаются у частных вопросов с вопросительным *wh*-субъектом.

2.1. Множественные вопросы с *wh*-субъектом и *wh*-адьюнктом

Несмотря на то, что для болгарского языка большинство исследователей признают наличие эффектов превосходства (см., например, [Rudin 1988, Воšković 1998, Bailyn 2017]), при этом рассматривая именно конфигурации с *wh*-субъектом и *wh*-объектом, существуют исследования, которые показывают, что болгарские множественные вопросы с разными *wh*-словами проявляют различные свойства относительно эффектов превосходства.

Так, в работе [Billings, Rudin 1996] отмечается, что в болгарских множественных *wh*-вопросах эффекты превосходства наблюдаются для конфигураций с одушевленным субъектом *koj* 'кто' (4) и отсутствуют при неодушевленном субъекте *kakvo* 'что' (5), при этом вторым *wh*-словом является адьюнкт *kade* 'где'.

(4) болгарский

a. *Koj kade padna?*

кто где упал

'Кто где упал?' {a = b}

b. **Kade koj padna?*

(5) болгарский

a. *Kakvo kade padna?*

что где упало

'Что где упало?' {a = b}

b. *Kade kakvo padna?*

Аналогичное явление отмечается в экспериментальном исследовании (Meyer 2004) для русских множественных *wh*-вопросов с одушевленным *wh*-субъектом «кто» и *wh*-адьюнктом «как». Более приемлемыми оказыва-

ются предложения, где *wh*-субъект стоит на первом месте, разница в оценках является статистически значимой. Этот факт кажется важным, так как для *wh*-адьюнктов мы меньше всего ожидаем появление эффектов превосходства. Поскольку их позиция в структуре предложения может быть разной, они необязательно находятся структурно ниже *wh*-субъекта. Однако в случае с одушевленным *wh*-субъектом позиция *wh*-адьюнктов должна быть строго после субъекта, что уже говорит о необходимости рассматривать *wh*-вопросы с *wh*-субъектом и прочими *wh*-словами отдельно.

2.2. Дискурсивная связанность *wh*-субъекта

Множественные вопросы также проявляют особые свойства при дискурсивной связанности (*d-linking*) *wh*-субъекта. При ней ответ выбирается из заданного множества [Pesetsky 1987], и эффекты превосходства могут нарушаться. Дискурсивно связанными считаются *wh*-выражения наподобие «какой X», дискурсивно несвязанными — одиночные *wh*-слова как «кто».

К примеру, в работе [Крарова, Cinque 2008] отмечается ещё одно свойство болгарских множественных *wh*-вопросов с *wh*-субъектом *koj* 'кто': в них дискурсивно связанные *wh*-слова не могут предшествовать *wh*-субъекту, а могут только следовать за ним (6). Это отличает данную конфигурацию от всех прочих болгарских *wh*-вопросов, в которых дискурсивно связанное *wh*-слово всегда должно предшествовать дискурсивно несвязанным *wh*-словам (7).

(6) болгарский

- a. *Koj koja studentka ŝte izpita?*
кто какая студентка будет экзаменовать
'Кто какую студентку будет экзаменовать?' {a = b}

- b. **Koja studentka koj ŝte izpita?*

(7) болгарский

- a. *Koi kartini na kogo za Boga*
какие картины к кому для бог

iskaŝ pak da podarjavaŝ?
хочешь снова INF дарить
'Какие картины кому же ты хочешь снова подарить?' {a = b}

- b. **Na kogo za Boga koi kartini pak iskaŝ da podarjavaŝ?*

Анализ данного свойства *wh*-субъекта *koj*, предложенный в работе [Dimitrova 2012], основывается на том, что это вопросительное слово может употребляться не только как дискурсивно несвязанное слово (аналог «кто» в русском), но и как дискурсивно связанное (аналог «какой» в русском). При этом в первом случае оно имеет нулевую именную вершину (*koj* 'кто', пример (6)), во втором — выраженную существительным (*koi kartini* 'какие картины', пример (7)). В том случае, когда *wh*-слово *koj* имеет нулевую вершину, необходимость идентификации этой вершины запускает передвижение *wh*-слова *koj* в дискурсивно связанную (топикальную) позицию, из-за чего проявляются эффекты превосходства.

Отметим, что в других языках во множественных вопросах также наблюдаются некоторые особенные свойства *wh*-субъекта в отношении дискурсивной связанности. Примером является экспериментальное исследование русских множественных *wh*-вопросов, нацеленное на изучение эффектов превосходства и дискурсивной связанности в конфигурациях с *wh*-субъектом и *wh*-объектом [Студеникина 2019]. В описываемом эксперименте исследовалось три фактора: (i) дискурсивная связанность субъекта (связан: «какие X» / не связан: «кто»), (ii) дискурсивная связанность объекта (связан: «каких X» / не связан: «кого»), (iii) порядок слов (прямой: субъект + объект / обратный: объект + субъект). Результаты эксперимента показали, что на приемлемость прямого или обратного порядка слов влияет именно дискурсивная связанность субъекта, а не дискурсивная связанность объекта. Обратный порядок слов оказался неприемлемым для предложений с дискурсивно несвязанным *wh*-субъектом «кто», то есть наблюдаются эффекты превосходства. Однако в предложениях с дискурсивно связанным *wh*-субъектом «какие X» эффекты превосходства отсутствуют, прямой и обратный порядок одинаково приемлемы, разница в оценках статистически не значима. Аналогичные результаты были получены в эксперименте на взаимодействие эффектов превосходства и дискурсивной связанности для польского и чешского [Meyer 2004], где также изучались вопросы с *wh*-субъектом и *wh*-объектом.

Полученный для русских множественных *wh*-вопросов результат имеет сходства и различия с картиной, наблюдаемой в болгарском. Сходство заключается в том, что в русском и в болгарском дискурсивно несвязанный *wh*-субъект («кто», *koj* 'кто') обязательно предшествует другому *wh*-слову и вызывает появление эффектов превосходства. Отличие же состоит в том, что при дискурсивно связанном *wh*-субъекте в русском языке эф-

эффекты превосходства не наблюдаются, возможен любой порядок вопросительных слов («какие X + кого» или «кого + какие X»). Однако для болгарского утверждается, что дискурсивно связанное *wh*-слово всегда предшествует дискурсивно несвязанному. Это различие можно объяснить тем, что для болгарских дискурсивно связанных *wh*-субъектов обязательно передвижение в позицию топики, в то время как русские дискурсивно связанные *wh*-субъекты могут оставаться *in situ*.

Таким образом, описанные в этом разделе данные показывают, что *wh*-субъект проявляет отличные от других *wh*-слов свойства во множественных *wh*-вопросах разных славянских языков: в болгарском, русском, польском и чешском. Именно поэтому вопрос о наличии или отсутствии эффектов превосходства в русских множественных *wh*-вопросах, интересующий нас в первую очередь, требует анализа конфигураций не только с вопросительным субъектом и объектом, но и другими *wh*-словами. Они должны иметь одинаковую синтаксическую роль и находиться в отношении с-командования, что поможет анализировать эффекты превосходства в отрыве от субъектно-объектной асимметрии и учитывать лишь различный структурный приоритет *wh*-слов. Соответствующее экспериментальное исследование будет рассмотрено в разделе 3.

3. Экспериментальное исследование дискурсивной связанности и эффектов превосходства

3.1. Цель эксперимента

Как было показано в разделе 2, исследование эффектов превосходства для множественных вопросов лишь с *wh*-субъектом и *wh*-объектом (кто + кого / кто + кому / кто + что) является недостаточным для анализа множественных *wh*-вопросов в целом, поскольку *wh*-субъект зачастую имеет отличные от других *wh*-слов свойства. *Wh*-субъект и *wh*-объект не только различаются структурным приоритетом (*wh*-слово, находящееся выше в дереве, с-командует *wh*-словом, которое находится ниже в дереве), но и занимают разные позиции в аргументной структуре глагола. Следовательно, возникновение эффектов превосходства в данной конфигурации может быть вызвано субъектно-объектной асимметрией и не будет универсальным для *wh*-аргументов. Для того чтобы понять, являются ли наблюдаемые в русских множественных *wh*-вопросах с вопросительными словами «кто» и «кого»

эффекты превосходства следствием субъектно-объектной асимметрии или только структурного приоритета, мы провели экспериментальное исследование для *wh*-слов, которые различаются только структурным приоритетом и имеют одинаковую синтаксическую роль.

3.2. Участники, методика и дизайн эксперимента

В качестве экспериментальной методики мы выбрали оценку приемлемости по шкале Ликерта от 1 до 7 [Likert 1932]. Оценка приемлемости по шкале Ликерта от 1 до 7 позволит сравнить результаты этого эксперимента с результатами предыдущих экспериментов на множественные *wh*-вопросы [Студеникина 2019]. Дизайн эксперимента включал три фактора с двумя уровнями в каждом: (i) дискурсивная связанность объекта главной клаузы, далее ГК (связан: «каких X» / не связан: «кого»), (ii) дискурсивная связанность объекта зависимой клаузы, далее ЗК (связан: «какие X» / не связан: «что»), (iii) порядок вопросительных слов (прямой: объект ГК + объект ЗК / обратный: объект ЗК + объект ГК), что дает 8 условий. Все экспериментальные предложения являлись вопросами с зависимой инфинитивной клаузой. Выбор инфинитивной клаузы в качестве зависимой обусловлен тем, что самой высокой проекцией в инфинитивной клаузе является проекция TP, следовательно, *wh*-объект инфинитива обязательно будет передвигаться в проекцию CP зависимой клаузы. Если бы в качестве зависимой клаузы была выбрана структура, где присутствует проекция CP (например, клаузы с союзом «что» или «чтобы»), необходимо было бы добавлять ещё одно условие, при котором *wh*-объект зависимой клаузы выдвигается на левую периферию зависимой, а не главной клаузы.

В примере (8) приведена схема стимульного предложения. Стимулы представляли собой предложения с двумя прямыми *wh*-объектами на левой периферии, один из которых (*wh*-объект_{ГК}) являлся объектом глагола главной клаузы (глагол-FIN), другой (*wh*-объект_{ЗК}) — объектом глагола зависимой клаузы (глагол-INF). За вопросительными словами следуют два глагола. Последнее слово в предложении — предложная группа, являющаяся зависимым инфинитива; добавление этой PP обусловлено эффектом конца предложения. В примере (9) представлен блок экспериментальных предложений. Поскольку предложения с двумя одушевленными прямыми объектами («кого» + «кого») были бы неграмматичны, различие по одушевленности между объектами («кого» + «что») необходимо было оставить.

- (8) *wh*-объект_{ГК} *wh*-объект_{ЗК} субъект глагол-FIN глагол-INF PP
- (9) a. *Кого что директор призвала красить на каникулах?*
b. *Что кого директор призвала красить на каникулах?*
c. *Кого какие кабинеты директор призвала красить на каникулах?*
d. *Какие кабинеты кого директор призвала красить на каникулах?*
e. *Каких учеников что директор призвала красить на каникулах?*
f. *Что каких учеников директор призвала красить на каникулах?*
g. *Каких учеников какие кабинеты директор призвала красить на каникулах?*
h. *Какие кабинеты каких учеников директор призвала красить на каникулах?*

Распространение эксперимента происходило через социальные сети. В эксперименте участвовало 146 человек от 15 до 71 года, средний возраст испытуемых составил 39 лет ($SD = 14$). Среди респондентов была 31 женщина и 115 мужчин; 25 человек, чей род деятельности связан с языком (лингвист, филолог) и 121 человек, по профессии не связанный с языком; 12 человек со средним образованием, 6 человек со средним специальным образованием, 26 человек с неоконченным высшим образованием, 102 человека с высшим образованием.

3.3. Статистический анализ оценок приемлемости

В этом разделе будут представлены результаты статистического анализа экспериментальных данных. Все приводимые вычисления и визуализации были осуществлены с помощью языка программирования R (R Development Core Team, 2009, <http://www.R-project.org>).

Первоначально полученные оценки, расположенные на шкале от 1 до 7, были приведены к нормальной форме (Z-score transformation). Это преобразование необходимо, так как респонденты могут по-разному использовать шкалу: например, совсем не ставить самую высокую (7) или самую низкую (1) оценку, или же, наоборот, использовать только верхнюю или только нижнюю часть шкалы.

В таблицах и на графиках ниже приведены описательные статистические данные, такие как среднее значение и дисперсия, для экспериментальных предложений (Таблица 1 и Рисунок 1).

Для того чтобы понять, как заданные факторы влияют на оценки, был проведен дисперсионный анализ ANOVA для сравнения средних. В качестве независимых переменных были взяты порядок слов, дискурсивная связанность объекта главной клаузы и дискурсивная связанность объекта зависимой клаузы, в качестве зависимой переменной — нормализованные оценки.

Результат дисперсионного анализа показывает следующее. Наиболее значимым ($p < .001$) оказывается влияние дискурсивной связанности объекта главной клаузы ($p = 0.0000000445$) и дискурсивной связанности объекта зависимой клаузы ($p \ll 0.001$). Статистически незначимым ($p > .05$) оказывается влияние порядка слов ($p = 0.51546$). Кроме того, наиболее значимым ($p < .001$) оказывается взаимодействие факторов «порядок слов» и «дискурсивная связанность объекта зависимой клаузы» ($p \ll 0.001$), значимым чуть в меньшей степени ($.001 < p < .05$) — взаимодействие факторов «дискурсивная связанность объекта главной клаузы» и «дискурсивная связанность объекта зависимой клаузы» ($p = 0.01184$), а также факторов «порядок слов» ($p = 0.01184$) и «дискурсивная связанность объекта главной клаузы» ($p = 0.01189$). Взаимодействие всех трех факторов оказывается статистически значимым ($p \ll 0.001$).

Полученные данные говорят о том, что два фактора, взятые по отдельности, — дискурсивная связанность объекта главной клаузы и дискурсивная связанность объекта зависимой клаузы — влияют на оценки стимульных предложений. Однако фактор порядка слов сам по себе не оказывает значимого влияния на оценки. Поскольку взаимодействие порядка слов и дискурсивной связанности обоих объектов по отдельности является значимым, на приемлемость того или иного порядка слов оказывает влияние дискурсивная связанность как *wh*-объекта главной клаузы (более высокого в дереве), так и *wh*-объекта зависимой клаузы (более низкого в дереве).

Более детально влияние различных факторов на оценки помогает понять применение к данным линейных смешанных моделей. Их применение помогает отделить влияние фиксированных факторов от влияния случайных факторов.

В качестве фиксированных факторов были взяты следующие: дискурсивная связанность объекта главной клаузы, дискурсивная связанность объекта зависимой клаузы, порядок *wh*-слов. Результаты применения смешанных линейных моделей, представленные в Таблице 2, показывают, что наибольшее влияние на изменение оценок приемлемости оказывает фак-

тор дискурсивной связанности *wh*-объекта зависимой клаузы, в то время как влияние фактора дискурсивной связанности *wh*-объекта главной клаузы оказывается незначимым. Также значимое влияние на оценки оказывает фактор порядка слов. В качестве случайных факторов мы взяли идентификатор участника и номер предложения, а также номер группы, к которой относился стимул. Поскольку эксперимент содержал 64 предложения (32 стимула и 32 филлера), между оценкой двух групп стимулов испытуемым давалась небольшая пауза. В зависимости от того, оценивался стимул до паузы или после, он относился к первой или второй группе. Дисперсия и стандартное отклонение для выбранных случайных факторов оказываются очень малы (Таблица 3). Это доказывает, что данные факторы в действительности не оказали значительного влияния на оценки стимульных предложений.

Таблица 2. Результаты применение линейных смешанных моделей для фиксированных факторов

	Оценка коэффициентов	Стандартная ошибка	Степень свободы	t статистика	p значение
Дискурсивная связанность <i>wh</i> -объекта ГК	0.04372	0.02676	4636.4202	1.634	0.10237
Дискурсивная связанность <i>wh</i> -объекта ЗК	-0.62160	0.02678	4637.79483	-23.213	< 2e-16
Порядок слов	-0.08263	0.02674	4634.63380	-3.091	0.00201

Таблица 3. Результаты применение линейных смешанных моделей для случайных факторов

	Дисперсия	Стандартное отклонение
Испытуемый	3.558e-31	5.965e-16
Номер стимула	4.483e-02	2.117e-01
Номер группы	3.672e-07	6.060e-04

Для того чтобы понять, являются ли различия между парами предложений с разным порядком слов и одинаковым статусом по отношению к дискурсивной связанности значимыми, необходимо проверить данные выборки на однородность.

Результаты применения критерия Вилкоксона и двухвыборочного t-критерия Стьюдента показывают, что различия в оценках для разных порядков слов оказываются статистически значимыми для трёх случаев: (i) когда объект главной клаузы дискурсивно связан («каких X»), а объект зависимой

клаузы («что») нет ($p < .05$), (ii) когда объект главной клаузы дискурсивно не связан («кого»), а объект зависимой клаузы («какие X») дискурсивно связан ($p < .001$), (iii) когда объекты главной клаузы («каких X») и зависимой клаузы («какие X») дискурсивно связаны ($p < .01$). Однако, как показывают Рисунок 1 и Таблица 1, предложения с прямым порядком *wh*-объектов получают более высокие оценки только в случае, когда объект главной клаузы дискурсивно не связан, а объект зависимой клаузы дискурсивно связан. В тех же случаях, когда объект главной клаузы дискурсивно связан (вне зависимости от дискурсивной связанности объекта зависимой клаузы) более высокие оценки получают именно предложения с обратным порядком слов (см. Рисунок 1 и Таблицу 1). В одном оставшемся случае разница в оценках для разных порядков *wh*-слов не является статистически значимой: это происходит в предложениях с дискурсивно несвязанными объектами главной клаузы и зависимой клаузы ($p > .05$).

4. Эффекты превосходства: синтаксические роли или с-командование

Результаты эксперимента, подробно представленные в разделе 3, показывают, что при дискурсивно несвязанных объектах («кого» + «что») эффекты превосходства не наблюдаются. При дискурсивно несвязанном *wh*-объекте главной клаузы и дискурсивно связанном *wh*-объекте зависимой клаузы эффекты превосходства наблюдаются («кого» + «какие X»). При дискурсивно связанном *wh*-объекте главной клаузы (независимо от дискурсивной связанности объекта зависимой клаузы, т.е. «каких X» + «что» и «каких X» + «какие X») обратный порядок слов оказывается даже более приемлем, чем прямой порядок.

Сравнение результатов, полученных для вопросов с двумя *wh*-объектами, с результатами для вопросов с *wh*-субъектом и *wh*-объектом (см. раздел 2.2.), представлено в Таблице 4. В первом столбце отображен статус структурно более высокого *wh*-слова по отношению к дискурсивной связанности (*wh*-объекта главной клаузы и *wh*-субъекта), во втором столбце — аналогично для структурно более низкого вопросительного слова (*wh*-объекта зависимой клаузы и *wh*-объекта). В столбцах три и четыре схематично описано, как соотносится приемлемость прямого и обратного порядка вопросительных слов в обоих типах вопросов. Знак ' $>$ ' обозначает, что порядок, указанный слева, более приемлем, знак ' $<$ ' указывает на

большую приемлемость порядка, указанного справа; при этом во всех случаях наблюдается статистически значимая разница между оценками респондентов. Знак '=' показывает, что оба порядка слов оказываются одинаково приемлемыми, статистически значимой разницы в оценках не наблюдается.

Таблица 4. Сравнение результатов для вопросов с двумя *wh*-объектами с результатами для вопросов с *wh*-субъектом и *wh*-объектом

Дискурс. связанность структурно более высокого <i>wh</i> -слова	Дискурс. связанность структурно более низкого <i>wh</i> -слова	Приемлемость порядка <i>wh</i> -слов	
		<i>wh</i> -субъект и <i>wh</i> -объект	<i>wh</i> -объекты главной и зависимой клауз
—	—	прямой > обратный	прямой = обратный
+	—	прямой = обратный	прямой < обратный
—	+	прямой > обратный	
+	+	прямой = обратный	прямой < обратный

Таким образом, множественные вопросы с *wh*-объектами главной клаузы и зависимой клаузы и вопросы с *wh*-субъектом и *wh*-объектом проявляют одинаковые свойства только в одной конфигурации: если структурно более высокое *wh*-слово дискурсивно не связано, а структурно более низкое *wh*-слово дискурсивно связано, в обоих типах вопросов наблюдаются эффекты превосходства. Отличия наблюдаются во всех остальных конфигурациях. Если в вопросах с *wh*-субъектом и *wh*-объектом наблюдаются эффекты превосходства при дискурсивно несвязанных *wh*-словах, то в вопросах с *wh*-объектами главной клаузы и зависимой клаузы прямой и обратный порядки слов оказываются одинаково приемлемыми. Кроме того, наблюдаются отличия при дискурсивной связанности структурно более высокого слова: в вопросах с *wh*-субъектом и *wh*-объектом оба порядка слов оказываются одинаково приемлемыми, в вопросах с *wh*-объектами главной и зависимой клауз оказывается более приемлемым обратный порядок, когда структурно более низкое *wh*-слово предшествует структурно более высокому *wh*-слову.

Это сравнение отчетливо показывает необходимость экспериментально-го исследования, описанного в разделе 3. Множественные *wh*-вопросы с *wh*-субъектом и *wh*-объектом действительно проявляют другие свойства в отношении эффектов превосходства и дискурсивной связанности, чем конструкции с *wh*-объектами главной и зависимой клауз.

Наличие эффектов превосходства в множественных вопросах с *wh*-субъектом и *wh*-объектом зависит только от дискурсивной связанности структурно более высокого *wh*-слова (подлежащего): эффекты превосходства наблюдаются, когда подлежащее дискурсивно не связано, и отсутствуют при дискурсивной связанности. Это можно объяснить тем, что дискурсивно несвязанное *wh*-подлежащее передвигается в структурно очень высокую позицию, в которую не может передвинуться *wh*-дополнение.

Однако неверно предполагать, что для множественных вопросов с любыми *wh*-аргументами наличие эффектов превосходства действительно зависит от дискурсивной связанности структурно более высокого *wh*-слова. В множественных *wh*-вопросах с *wh*-объектами главной и зависимой клауз взаимодействие эффектов превосходства и дискурсивной связанности устроено сложнее.

Так, при дискурсивно несвязанных *wh*-объектах эффекты превосходства не наблюдаются. Следовательно, наличие эффектов превосходства в вопросах с дискурсивно несвязанными *wh*-субъектом и *wh*-объектом должно объясняться именно субъектно-объектной асимметрией и различными синтаксическими ролями подлежащего и дополнения. В то время как скомандование, структурный приоритет сам по себе (при одинаковых синтаксических ролях прямого дополнения), не обнаруживает эффектов превосходства.

Взаимодействие эффектов превосходства и дискурсивной связанности для *wh*-объектов главной клаузы и зависимой устроено так, что, если одно *wh*-слово дискурсивно связано, а другое — дискурсивно не связано, дискурсивно несвязанное слово всегда будет предшествовать дискурсивно связанному; при этом структурный приоритет *wh*-объектов не имеет никакого значения (11, 12).

- (11) а. *Кого какие ситуации заместитель попросил обсудить с зарубежным коллегой?*
б. **Какие ситуации кого заместитель попросил обсудить с зарубежным коллегой?*
- (12) а. *Что каких руководителей заместитель попросил обсудить с зарубежным коллегой?*
б. **Каких руководителей что заместитель попросил обсудить с зарубежным коллегой?*

Чуть сложнее объяснить, почему структурно более низкое *wh*-слово (*wh*-объект зависимой клаузы) должно предшествовать структурно более высокому (*wh*-объекту главной клаузы), если оба *wh*-объекта дискурсивно связаны. Можно предположить, данная конфигурация предпочтительна из-за того, что в ней не нарушается принцип цикличности. В вопросах, где наблюдаются эффекты превосходства, этот принцип нарушается: из нескольких *wh*-слов, обладающих нужным значением признака [wh], передвигается всегда то, что находится выше в дереве; следовательно, последующие *wh*-слова вклиниваются в уже построенную структуру (Tuck In), что и нарушает цикличность, а именно условие продления (Extension Condition, [Chomsky 1995]), состоящее в том, что синтаксическая деривация может быть продолжена только применением операций к корневой проекции дерева. Наше предположение состоит в том, что, поскольку при дискурсивной связанности обоих *wh*-слов происходит уже не *wh*-передвижение, а дискурсивно мотивированный скрэмблинг, становится важнее сохранить принцип цикличности. Поэтому передвижение осуществляется последовательно: вначале структурно более высокий объект, затем — структурно более низкий, следовательно, объект зависимой клаузы линейно предшествует объекту главной клаузы.

- (13) а. [*Какие ситуации*]_j [*каких руководителей*]_i заместитель попросил *t_i* обсудить *t_j* с зарубежным коллегой?
- б. ??[*Каких руководителей*]_i [*какие ситуации*]_j заместитель попросил *t_i* обсудить *t_j* с зарубежным коллегой?

Как можно увидеть, множественные *wh*-вопросы с *wh*-субъектом и прочими *wh*-аргументами не только различаются в отношении эмпирических данных, но и не могут быть описаны одинаковыми теоретическими обобщениями. Все это показывает, что при изучении эффектов превосходства в множественных *wh*-вопросах различных языков необходимо учитывать совокупность факторов: синтаксическую роль (субъект vs. объект), структурный приоритет (с-командование), дискурсивную связанность.

5. Заключение

Целью исследования, описанного в данной статье, являлось изучение эффектов превосходства в русском языке для множественных *wh*-вопросов с

wh-аргументами, которые отличаются лишь структурным приоритетом, в отрыве от субъектно-объектной асимметрии. Изучение данного вопроса осуществлялось экспериментальными методами.

При анализе эффектов превосходства в множественных *wh*-вопросах уделялось недостаточное внимание тому, какие именно *wh*-слова используются в множественных конструкциях. Зачастую исследователи рассматривают лишь вопросы с *wh*-субъектом и *wh*-объектом, постулируют для них наличие или отсутствие эффектов превосходства и распространяют соответствующий вывод на все множественные *wh*-вопросы, однако это не всегда верно.

В разделе 2 мы рассмотрели те немногие работы, в которых показывается важность отдельного изучения множественных вопросов с *wh*-субъектом и конструкций с другими аргументами (прямым и косвенным объектами, адъюнктами). Оказывается, что в болгарском языке *wh*-субъект действительно имеет некоторые особенности: так, в множественных конструкциях с *wh*-субъектом наблюдаются наиболее строгие эффекты превосходства. Аналогичная ситуация наблюдается в русском: в множественных *wh*-вопросах с *wh*-субъектом и *wh*-объектом наличие эффектов превосходства зависит только от дискурсивной связанности субъекта, но не объекта. Поскольку эти различия ожидаемы — ведь субъект и объект занимают различные позиции в аргументной структуре глагола — было принято решение провести экспериментальное исследование эффектов превосходства и дискурсивной связанности для множественных вопросов с *wh*-словами, которые различались бы только структурным приоритетом (одно *wh*-слово *s*-командует другим) и имели бы одинаковую синтаксическую роль.

Описанию соответствующего эксперимента посвящен раздел 3 данной работы. Стимульные предложения в эксперименте представляли собой вопросы с зависимой инфинитивной клаузой, в качестве *wh*-слов были выбраны два прямых объекта: структурно более высокий объект, зависимое финитного глагола матричной клаузы, и структурно более низкий объект, зависимое глагола инфинитивной клаузы. Эта конфигурация позволяет рассматривать синтаксические явления в множественных вопросах в отрыве от субъектно-объектной асимметрии между *wh*-словами, так как между объектами главной и зависимой клаузы она отсутствует, остаётся только структурный приоритет (*s*-командование).

Эксперимент показывает следующее. Для дискурсивно несвязанных *wh*-объектов эффекты превосходства не наблюдаются: одинаково приемлемыми оказываются как прямой («кого» + «что»), так и обратный («что» + «кого») порядок слов. Это доказывает, что выявленное ранее наличие эффектов превосходства для дискурсивно несвязанных *wh*-субъекта и *wh*-объекта основывается не столько на структурном приоритете, сколько на свойствах субъекта и объекта и их асимметрии. Если бы это было не так, мы бы ожидали, что структурно более высокое дискурсивно несвязанное *wh*-слово должно предшествовать структурно более низкому дискурсивно несвязанному *wh*-слову в нашем эксперименте.

В том случае, если один из *wh*-объектов дискурсивно связан, а другой — дискурсивно не связан, оказывается, что порядок слов не зависит от их структурного приоритета. Определяющим становится дискурсивная связанность: наиболее приемлемым является порядок слов, когда дискурсивно несвязанное *wh*-слово предшествует дискурсивно связанному. Иная ситуация наблюдается для дискурсивно связанных *wh*-объектов: в этом случае более приемлемым оказывается обратный порядок слов (структурно более низкое слово предшествует структурно более высокому), то есть важным оказывается соблюдение принципа цикличности деривации.

Напомним, что в предыдущих экспериментах [Студеникина 2019] рассматривалось взаимодействие эффектов превосходства и дискурсивной связанности для одушевлённых *wh*-субъекта и *wh*-объекта, находящихся в одной клаузе. Результаты показали, что эффекты превосходства наблюдаются для дискурсивно несвязанного субъекта, дискурсивная связанность *wh*-объекта при этом неважна.

Сравнение результатов этих экспериментов, проведенное в разделе 4, наглядно показывает, что взаимодействие эффектов превосходства и дискурсивно связанности устроено по-разному в множественных вопросах, где присутствует субъектно-объектная асимметрия и где она отсутствует, а есть только структурный приоритет *wh*-слов. В первом случае мы можем наблюдать модель, ориентированную сугубо на дискурсивную связанность субъекта, в то время как во втором случае взаимодействие оказывается гораздо более сложным. Теоретическое обоснование того, на основании каких факторов осуществляется выбор более приемлемого порядка слов, строится отдельно для каждой конфигурации с дискурсивно связанными и дискурсивно несвязанными *wh*-объектами. Сложность однозначной интерпретации данных показывает, что в разных конфигурациях на оценку влияют разные факторы, как то: синтаксическая роль (субъект vs. объект), длина *wh*-группы, с-командование, дискурсивная связанность.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; INF — инфинитив; LOC — локативный падеж; SG — единственное число.

Литература

- Студеникина К.А. Эффекты превосходства в русских множественных *wh*-вопросах: экспериментальное исследование // Типология морфосинтаксических параметров. 2019. Т. 2, вып. 1. С. 119–141. [Studenikina K.A. Effekty prevoskhodstva v russkikh mnozhestvennykh *wh*-voprosakh: eksperimental'noe issledovanie. [Superiority effect in Russian multiple *wh*-questions: Experimental study]. Typology of morphosyntactic parameters. 2019. Vol. 2, iss. 1. P. 119–141.]
- Bailyn 2017 — Bailyn J.F. Bulgarian Superiority and minimalist movement theory. Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics 24: The NYU Meeting. 2017. Oseki Y., Esipova M., Harves S. (eds.). Michigan Slavic Publications: Ann Arbor, MI. P. 27–49.
- Billings, Rudin 1996 — Billings L., Rudin C. Optimality and Superiority: A new approach to overt multiple *wh*-ordering. Formal Approaches to Slavic Linguistics 3. 1996. P. 35–60.
- Bošković 1998 — Bošković Ž. *Wh*-phrases and *wh*-movement in Slavic. Ms., University of Connecticut, Storrs. 1998.
- Bošković 2002 — Bošković Ž. On multiple *wh*-fronting. Linguistic Inquiry. 2002. No33 (3). P. 351–383.
- Chomsky 1973 — Chomsky N. Conditions on transformations. Anderson S., Kiparsky P. (eds.). A festschrift for Morris Halle. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1973.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. The minimalist program. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1995.
- Dimova 2012 — Dimova E. Bulgarian multiple *wh*-ordering, specificity and Superiority. Talk given at Slavic Linguistic Society 7, Kansas University, Lawrence, 25–27 August, 2012.
- Krapova, Cinque 2003 — Krapova I., Cinque G. On the order of *wh*-phrases in Bulgarian multiple *wh*-fronting. Formal Description of Slavic Languages: The Fifth Conference. Zybatow G. et al. (eds.). Leipzig. Frankfurt am Main: Peter Lang. 2003. P. 318–336.
- Likert 1932 — Likert R. A technique for the measurement of attitudes. Archives of Psychology 140. 1932. P. 1–55.
- Meyer 2004 — Meyer R. Superiority effects in Russian, Polish and Czech: Judgments and grammar. Cahiers linguistiques d'Ottawa. 2004. №32, P. 44–65.
- Rudin 1988 — Rudin C. On multiple questions and multiple *wh* fronting. Natural Language and Linguistic Theory. 1988. 6(4). P. 445–501.
- Pesetsky 1987 — Pesetsky D. *Wh*-in-situ: Movement and unselective binding. Reuland E., Meulen A. (eds.). The representation of (in)definiteness. Cambridge Massachusetts: MIT Press. 1987. P. 98–129.
- Scott 2012 — Scott T. Whoever doesn't HOP must be Superior: The Russian left-periphery and the emergence of Superiority. Ph.D. thesis. Stony Brook University, 2012.
- Stepanov 1998 — Stepanov A. On *wh*-fronting in Russian. Proceedings of NELS 28. University of Massachusetts Amherst. 1998. P. 453–467.
- Stjepanovic 2003 — Stjepanovic S. Multiple *wh*-fronting in Serbo-Croatian matrix questions and the matrix sluicing construction. Multiple *wh*-fronting. 2003. P. 255–284.

Статья поступила в редакцию 11.11.2020

The article was received on 11.11.2020

Ксения Андреевна Студеникина

МГУ имени М. В. Ломоносова; исполнитель гранта РФФИ 18-18-00462, осуществляемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина

Kseniia A. Studenikina

Lomonosov Moscow State University; performer of the RSF grant 18-18-00462, realized in Pushkin State Russian Language Institute

xeanst@gmail.com

Типология морфосинтаксических параметров
том 3, выпуск 1

Сайт журнала:

<http://tmp.sc/>

Оригинал-макет: Кс. П. Семёнова

Подписано в печать 25.12.2020.

Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.

Электронное издание. Объём 152 стр.